

**МОЯ ОТЧИЗНА:
сборник научно-исследовательских,
методических и творческих работ**

Москва – 2023

УДК 9
ББК 72я43
М87

*Материалы публикуются в авторской редакции.
Ответственность за оригинальность опубликованных работ
и достоверность приводимой в них информации несут их авторы*

М87 МОЯ ОТЧИЗНА: СБОРНИК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, МЕТОДИЧЕСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ. – М.: Издательство «Перо», 2023. – Мб. [Электронное издание]. – Систем. требования: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows XP/7/8; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit). – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00204-835-9

Данное издание является сборником научно-исследовательских, методических и творческих работ, составленным в рамках реализации Международного инновационного проекта «Моя Отчизна». В него входят методические разработки и проекты, научно-исследовательские и научно-методические статьи, творческие работы педагогов, обучающихся, воспитанников.

Статьи в сборнике расположены в алфавитном порядке – по фамилиям их авторов.

УДК 9
ББК 72я43

ISBN 978-5-00204-835-9

*Акулинин Матвей Борисович
Рук. – Нестерова Любовь Михайловна
Московская область*

А был он лишь солдат...

Именами героев Великой Отечественной войны называют улицы, им возводят памятники. А если подумать, о скольких героях нам не суждено узнать? Но они никогда не исчезнут из сердец и памяти своих близких. А мы всегда будем благодарны им, ведь умирать, защищая свою страну до последнего, – это и есть настоящий подвиг!

Вот я снова в нашем школьном музее...

...В послевоенном 1946 году заявление на розыск и установление судьбы не вернувшегося с войны солдата подала его жена Мария Ильинична Акимова из д. Прудки. Первого октября 1941 она получила последнее письмо от мужа и больше ничего о его судьбе не знала. Раменский военкомат сделал необходимые запросы, но судьбу Ивана Михайловича Акимова так и не прояснил. По существовавшей тогда практике к дате последнего письма прибавили 3 месяца и его официально признали пропавшим без вести в декабре 1941-го.

Жена, конечно же, не могла знать, что, когда она читала письмо от мужа, это был первый день его пребывания в плену. Дальнейшая судьба Ивана Акимова – в его персональной карте пленного.

Военнопленный Акимов Иван Михайлович (персональный номер 134048) родился 25 мая 1909 в д. Прудки Раменского района Московской области, рост 178 см, темноволосый. Гражданская специальность – слесарь. Фотографии в карте нет, но есть отпечаток большого пальца правой руки.

Служил Иван Акимов в 886-м стрелковом полку, который входил в состав 298-й стрелковой дивизии, сформированной летом 1941 г. в Московском военном округе. На фронт был призван 30 июня 1941-го. В плен попал 30 сентября под Ямполем.

В конце августа дивизия вошла в состав сформированного 14 августа Брянского фронта, задачей которого было прикрытие брянского направления на стыке Центрального и Резервного фронтов. Бои на этом направлении были частью стратегической операции по обороне Москвы. Наступление на брянском направлении началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана (до 170-180 танков) на линии Путивль – Ямполь – Шатрищи. Севернее Ямполья 30 сентября 298-я дивизия была рассечена на две части, и в тот же день Иван Акимов попал в плен. Вот так бывает! Что он чувствовал? О чем он думал? На что надеялся?..

Карта пленного Акимова была заведена в лагере военнопленных stalag IVB Muhlberg (в 50 км севернее г. Дрезден). Этот лагерь был создан в сентябре 1939 года, являлся интернациональным и был самым большим в Германии. Военнопленные не содержались на территории лагеря постоянно. Они были рабочей силой, и комендатура лагеря распределяла их по рабочим командам и рабочим батальонам. В один из таких батальонов 12 ноября 1941 был направлен и Акимов. Zittau (Циттау) – это место дислокации батальона.

Условия содержания тех, кто направлялся в эти батальоны, не отличались от условий других плененных. Известно: это были либо отдельные мини-лагеря, либо отдельные бараки на территории общих лагерей. Такой же голод, холод и болезни, такая же высокая смертность. В Циттау военнопленные 104-го рабочего батальона размещались на территории лагеря, где содержались советские военнопленные, поляки, евреи, бельгийцы, французы, югославы, а впоследствии и итальянцы.

Зима 1941 – 1942 годов была самым тяжким испытанием для советских военнопленных. Многие лагеря не были готовы к их приему в таком огромном количестве, а многие вообще организовывались вновь. В эту зиму часть лагерей вымерла почти полностью, в других смертность также была огромной: антисанитария, холод, болезни и фактическое отсутствие медицинской помощи...

А Марии Ильиничне в официальной бумаге сообщили, что 12 января 1941 года Иван Акимов умер. В его карте пленного факт смерти зафиксирован стандартным штампом в виде креста. Никаких отметок о его пребывании в лазарете нет, значит – умер в лагере, скорее всего, в период одной из эпидемий. Анализ других карт военнопленных 104-го батальона позволяет предположить, что Акимов похоронен на кладбище п. Хартау (южная окраина Циттау). Именно это кладбище указано как место захоронения у других умерших в батальоне в декабре 1941 и начале 1942 года. Там похоронено 268 советских военнопленных и угнанных в Германию наших соотечественников, известны имена менее чем 40 из них.

Вспоминаются строки Сергея Орлова:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей Земля –
На миллион веков...

Кто же он – герой Великой Отечественной войны? Не этот ли простой солдат, в самом начале войны оказавшийся в немецком плену? Разве мы можем вычеркнуть его из списка Бессмертного полка? Не имеем на это права!

*Алабердов Азнаур Заурович,
Алабердова Юлдуз Менглибиевна
Рук. – Горынцева Любовь Петровна
Ямало-Ненецкий автономный округ*

Мой прадедушка – герой

Мой прадедушка, Ксиров Юсуф Сагет-Гереевич, родился в 1920 году. Он уроженец Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края.

До войны мой прадедушка окончил школу колхозной молодежи в ауле Эркен-Шахар, педучилище в городе Черкесске, педагогический институт в городе Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск). Работал в родном ауле Эркин-

Юрте директором школы. Потом – на машино-тракторной станции заместителем начальника по комсомолу. Все было у молодого человека, чтобы жить да жить: юная жена (тоже учитель), только что родившийся сын.

Юсуфу был всего двадцать один год, когда началась Великая Отечественная война. В августе 1942 года его призвал Черкесский областной военкомат в действующую армию – в 985-й артиллерийский полк 320-й стрелковой дивизии. Грамотного и образованного Юсуфа Ксирова командование поначалу определило служить писарем. Однако молодой человек предпочел штабу передовую, стал наводчиком орудия. Через несколько месяцев мой прадедушка вместе с другими бойцами противостоял натиску немецких танков, которые рвались к нефтеносным районам Северного Кавказа. В одном из ожесточенных боев Ксиров Юсуф погиб. Это случилось, по данным архива Министерства обороны, 7 декабря 1942 года возле хутора Кречетов в Чечено-Ингушской АССР.

Мой прадедушка прожил очень короткую, но героическую жизнь. Он пал смертью храбрых, защищая родную страну от врага.

Слава Героям!!!

*Алленов Матвей Игоревич
Рук. – Алленова Екатерина Игоревна
Курганская область*

Промысел, прославивший село Канаши

Ценным промыслом, прославившим село Канаши, стало ткачество.

В 1920 году женщины села решили организовать производство по выделке шерстяных и реможных половиков. В числе первых организаторов были Анна Васильевна Яковлева, Антонина Степановна Полякова, Елизавета Сергеевна Яковлева, Наталья Степановна Раева, Анна Николаевна Ананьина, Мария Спиридоновна Медведева, Татьяна Ефимовна Чицова, Анна Ефимовна Сухих.

В 1924 году женщины-кустарки объединяются в артель. В 1925 году Антонина Степановна организовала эту артель ткачих по производству ковров и половиков. В ней работали 26 женщин. Председатель – Яковлева Анна Васильевна. Кустарки объединились, чтобы вместе трудиться и строить новую жизнь. Они обосновались в доме бежавшего кулака. Принесли в него примитивные станки, основу, нитки. В кредит брали шерстяной уток.

На первом собрании избрали правление и ревкомиссию. Так 25 декабря 1925 года крестьянки-кустарки создали артель. Через год в артели работало уже 54 человека.

Когда А.С. Полякову послали учиться в академию коммунистического воспитания в Москву, она встретила с Н.К. Крупской и долго разговаривала с ней, рассказывала об артели, передала письмо женщин-кустарок, в котором они рассказали о своих мечтах и надеждах, желании жить и работать по-новому.

У Крупской же они просили разрешения назвать артель ее именем. Конечно же, Надежда Константиновна согласилась. Артель развивалась и

наращивала темпы. В 1926 году артель ткала половики и вязала варежки. В этом году было выткано 18 тыс. метров половиков. В 1927 году выткано 1652 метра половичных дорожек и 79 штук махровых ковров. В марте 1928 года в артели им. Крупской работало уже 59 человек. Артель дала в 1928 году 3888 метров половичных дорожек и 297 штук махровых ковров. В артели был полный порядок: отсутствовали растраты, была чрезвычайная экономия расходов каждой кооперативной копейки (первоначальный паевой взнос членов артели – 5 рублей, в Сельхозбанке взяли ссуду в 1000 рублей).

Когда увеличился спрос на ковры, женщины-ткачихи стали заказывать и новые рисунки на ковры.

Ковры имели сбыт в Сибири, на Дальнем Востоке, образцы шли за границу. На Нижегородскую ярмарку еще в 1928 году отправили от Шадринского и Тюменского округов 8 вагонов махровых ковров.

В коврах преобладали рисунки с революционной тематикой (красноармеец, скачущий на коне) или сюжеты природы, звери, птицы Сибири.

Учувствовали кустарки и в Шадринской кустарной выставке в августе 1928 года. Артель им. Крупской получила премию в 20 рублей.

Женщины стремились увеличить ассортимент изделий. Они захотели научиться ткать ворсовые ковры (восточные, «персидские»).

В 1930 году выехали в Москву, а оттуда в Тбилиси и Ереван председатель артели Агния Евгеньевна Мальгина и ткачиха Мария Спиридоновна Медведева. Там им дали чертежи новых станков, по которым потом в канахах был изготовлен 1-й станок (после их будет 80!). Качество первого ковра возили проверять в Москву. Первой учительницей Марии Спиридоновны была Валентина Федоровна Воложанина, а потом она стала учить мастерству ткать восточные ковры и других женщин.

В 1934 году ученицей Марии Спиридоновны была Мария Леонтьевна Соколова (позднее она первая получила звание «Мастер золотые руки» и орден Ленина). Так в в 1930-х годах началось обучение ткачеству ворсовых ковров уже многих ткачих. Мастерицы и их ковры стали известны по всей стране и по заданию «Коверкустэкспорт» (позднее) начали ткать и на экспорт.

Ковроткацкая артель им. Н.К. Крупской – участник многих всемирных выставок – парижской (1937 г.), Нью-Йоркской (1939 г.), где был представлен ковер «Ленин читает газету "Правда"».

Недостатком являлась техническая неграмотность (46% женщин в артели были вообще неграмотными). Это мешало быстрому переходу к улучшенному и более легкому способу производства. расили шерсть в маленьких котлах, воду носили из колодцев ведрами, красители были растительные. Крашеную пряжу полоскали до 5 раз! Сырья не хватало. На первых порах даже сами выращивали лен и пряли пряжу.

Только стало налаживаться ковроткацкое производство, как началась война. Она не оставила труд ткачих, хотя многие ушли на сельскохозяйственные работы, заменяя мужей и братьев. В 1942 году двое ткачих отправились учиться на трактористок и стали работать в колхозе.

В феврале 1943 года уже 6 ткачих поступили на курсы трактористов.

Работать в артель пришли подростки и пожилые женщины. По решению работниц рабочий день был удлинен до 12 часов.

В цехах шили обмундирование солдатам, вязали носки, варежки, шали, плели коврики из камыша.

В послевоенное время ткачих посылали на разные работы в колхозы, на элеваторы и даже на лесозаготовки в Восточную Сибирь.

Но, несмотря на трудности военного и после военного времени, артель набирала силы.

В 1947 году, к 800-летию Москвы, по специально подготовленному рисунку был выткан ковер «Юбилейный».

В 1950-х годах площадь цехов составляла 525 м², а располагалась артель в Соколовском доме и в здании бывшей мельницы.

В хозяйстве имелись двухкиловаттная динамомашинка, нефтяной двигатель «Фурор», трепальная и шерсточесальная машины, сновальный станок, механическое мотовило, самопрялка, 48 ковроткацких станков. Мастера продолжают ткать махровые и ворсовые ковры с крупными цветочными зелеными и голубыми узорами на черном фоне. Они были сотканы из крученой толстой пряжи, что создавало похожую на каракуль поверхность ткани. Именно эти изделия положили начало созданию ковров по созданию ковров по русскому традиционному рисунку с цветочными и геометрическими орнаментами (ковры «Охота» и «Косули»).

В 1955 году в артели было изготовлено 1678 м² ворсовых ковров, махровых – 3302 м².

Мастерство ткачих росло. Рисунки совершенствовались. Цветочный рисунок пользовался спросом, особенно ковер «Малинка» по рисунку Александры Павловны Чижовой.

В 1956 году артель заняла второе место в стране по производству ворсовых ковров, уступая только мастерам Дагестана.

В 1960 году ковры Канашинской артели получили спецдиплом 2 степени на Всемирной выставке в Брюсселе. Ковры «Курганский» и «Цветы» были отправлены в Москву, потом в Италию.

В связи с оснащением производства машинами произошла реорганизация артели. В октябре 1960 г. артель им. Н. К. Крупской реорганизуется в Канащускую ковроткацкую фабрику им. Н.К. Крупской (директор Яковлев Гений Петрович).

Большую роль играли рисунки художников, по которым ткачихи ткали. Много было вложено труда художниками: розой Матвеевной Сосуновой (более 30 рисунков), Анатолием Петровичем Бабенко, Ольгой Анатольевной Иониной и др.

Художественный совет собирался регулярно, а иногда и экстренно, если поступал заказ на ковер. Изделия экспонировались на выставках в нашей стране и за рубежом. Так, в 1963 г. ковры демонстрировались в Лейпциге, в Будапеште, в 1965 г. – в Дамаске, в Познани, в 1966 г. – Монреале и Осаке, в 1967 г. – в Загребе.

Вторая ткачиха получила звание «Мастер – золотые руки». Это Конюкова Александра Павловна.

В 1962 г. На Канашской ковроткацкой фабрике трудилось 657 человек. В декабре 1962 г. Канашинская фабрика объединилась с Ольховской «8-е Марта».

С каждым годом растет многообразие ковров. Ткут уже ковры ворсовые, паласные, синелевые, махровые. Ткут ковровые дорожки, шерстяные половинки, выкладные и декоративные коврики. Готовятся сувенирные изделия в честь 50-летия Советской власти (1967 г.). Ткать стали «курские ковры» (двусторонние, ручной работы). Ткали в механическом цехе комплекты на диван и кресла (начальник цеха Сысоева Галина Петровна, в ворсовом цехе – Медведева Александра Петровна). Работало 5 бригад по 25 человек в каждой. Цех ткал ковры на экспорт 11 лет!

Как на любом предприятии, на фабрике были свои «маяки» – наставницы, мастерицы, любящие свое дело. Это, прежде всего, Александра Павловна Конюхова, которая обучила ковроткацкому ремеслу десятки работниц. Ей давали для обучения бригады молодых девушек. Как только выучатся мастерству, работают самостоятельно, а наставнице дают новую бригаду.

В ворсовом цехе продолжали пользоваться ручными орудиями труда – колотушкой, ножом-крючком, ножницами, пока в 1970-х не была приобретена стригальная машина.

Через большой паласный цех проходило много учениц, учиться было у кого: это Заерок Галина Петровна, Сысоева Валентина Васильевна, Груздева Валентина Васильевна. Начальник цеха – Зиновьева Анна Петровна. В большом паласном цехе проработала в этой должности она до пенсии. Анна Петровна рассказывала: «С людьми контакт в цехе был налажен, а это в работе немаловажно. Всегда идешь на работу с хорошим настроением. Новенькие в коллективе быстро осваивались. Привозили к нам в цех в те 1960 – 1970-е годы подростков из Шадринска и других мест: тех, кто не учится и не работает, их по просьбе милиции и по согласованию с дирекцией фабрики брали на обучение и на работу. Жили они в общежитии; освоив ремесло, оставались работать и дальше. До 40 человек привозили. Мастерицы цеха помогали приезжим, всех в люди выводили. В цехе праздники проводились всегда вместе. На просьбу руководства остаться и поработать после окончания рабочего дня всегда соглашались. Работа приносила радость...»

В 1966 году при плане 27000 м² ковровых дорожек и ковров дано было фабрикой 38000 м². В юбилейный 1967-й год продукции произведено на 1 млн. 133 тыс. руб. План перевыполнен!

В 1970 г. построили новый корпус для выпуска ворсовых и паласных ковров – типовое двухэтажное здание. Производство ковров увеличилось в два раза.

25 декабря 1975 г. фабрика отмечала золотой юбилей. В этот год ковроткацкое предприятие заняло 3 место в России среди 28 таких предприятий.

Канашинскую фабрику, где строились и почти ежегодно сдавались в эксплуатацию новые здания (цех покрасочный, цех механический, цех

подсобный), можно было поставить в ряд с другими предприятиями легкой промышленности в нашей стране. Гордиться можно было фабрикой и ее прекрасными людьми!

С 1970-х годов ковры стригли машиной, это облегчило труд ткачих, повысило качество ковров. В 1990-е годы открыт вязальный цех, было приобретено 6 швейных машин, 4 вязальных «Нивы».

В 1990 г. на фабрике работали 397 человек, в том числе 29 инженерно-технических работников, 6 служащих, около половины работающих – старше 40 лет. Цеха перешли на односменную пятидневную неделю.

Коллектив ковроткацкой фабрики умел не только работать, но и прекрасно отдыхать. Тут были свои танцоры, певуньи, юмористы, любители КВН и всевозможных вечеров отдыха и спортивных соревнований. Хором руководил Николай Дубровин. Ответственная за художественную самодеятельность являлась Галина Сергеевна Подгорбунских. Участники художественной самодеятельности были членами агитбригады, выступали в хоре РДК, без них не проходило ни одного праздника села.

В 1990-е годы («перестроечное» время) фабрика была на краю гибели. Перестали работать филиалы (Ольховское, Кривское, Вознесенское отделения, вязальный цех надомниц в Кургане). В 1993 году на фабрике работала всего по 3 дня в неделю, не стало хватить сырья, средств для приобретения всего необходимого для производства продукции. В 1993 – 1994-х годах занято работой только 3 цеха: машинный (изготовление паласов), вязальный и швейный. Оплата шла товарной продукцией и сырьем. Технику пришлось продать. С 1993 года фабрика перестала существовать как производитель художественной продукции.

В 2022 году, в год 340-летнего юбилея села Канаши, около здания бывшей конторы Канашской ковроткацкой фабрики (в настоящее время в нем расположена администрация сельсовета, почта и отделение сбербанка) был установлен памятник Канашской ковроткацкой фабрике.

*Алмазова Алиса Александровна
Рук. – Печурина Любовь Александровна
Калужская область*

Жизнь прожить – не поле перейти

Весна 1960 года. Кремль. Седой и величественный, близкий сердцу. Замирая, входила в Большой Кремлевский дворец депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Балабаева Прасковья Даниловна. Обыкновенная женщина. Доярка по профессии. Дочь крестьянина-бедняка. Сила духа, верность Родине и любовь к людям всегда отличали Прасковью Даниловну. Несмотря на испытания, выпавшие на ее долю, она выстояла и стала сильной. О ней будет мой рассказ.

На краю деревни Фролово Дзержинского района Калужской области стоял дом крестьянина Данилы Киселева. Крытый соломой, с небольшими оконцами. Здесь в 1913 году родилась Прасковья Даниловна, пятый ребенок в

семье. «В жизни у меня так было, что горьких дней и не пережить. В моей судьбе горе и счастье рядом топали», – говорила Прасковья Даниловна. Росла не в дырявой нужде, но и не в сытости. Побираться не ходила, но мясную похлебку ела только в праздники. Может, как-то иначе сложилась бы жизнь Прасковьи, но случилось такое горе, которое поправить невозможно. В самом безмятежном детстве своем она испытала тяжелую боль. Мамы не стало. Пришлось бросить учиться и помогать отцу.

В деревне Фролово организовали колхоз, а Прасковье хотелось в город. Уехала в Москву. И город ей понравился, и люди, но сердце по родным местам тосковало. «Из деревни тебе никуда. Твоя судьба тут», – заметила ей сестра, когда Прасковья вернулась в село.

Встретила тракториста Тимофея Балабаева, которого полюбила всем сердцем, и вышла за него замуж. Родила двух сыновей и была очень счастлива. «Почему мне одной столько счастья дано?» – не раз задавала себе вопрос Прасковья.

Когда услышала о войне, закричала, забилась в истерике. На фронт провожала мужа, будто сердце из груди вырывала. Чувствовала Прасковья, что последний раз видит Тимофея. Приходили редкие солдатские «треугольнички», а потом пришла похоронка. Плакать сил не было. Жить не хотелось. Не ела, не пила несколько дней, а потом опомнилась: сыновей надо растить.

И еще не раз опаляла война Прасковью Даниловну своим огнем. Не раз она выла по-бабьи, оплакивая гибель родных и близких. Пухла с голоду сама и терзалась от того, что не могла накормить детей. В минуты отчаяния вспомнила слова Тимофея: «Случится что – к людям иди». Когда пришла к бригадирше в колхоз просить работу потяжелее, та ее поняла. Подобрала самую тяжелую. «Работа тебе лучше всякого лекарства поможет», – сказала та.

Шло время, подрастали сыновья. Прасковья Даниловна радовалась и мечтала о большой семье. Колхоз креп год от года. А вскоре председатель предложил ей пойти на ферму. Работать на ферме трудно: от темна до темна. Дети одни по вечерам оставаться будут, да и днем без присмотра, но колхоз всегда помогал Прасковье, поэтому не смогла она отказать, пошла на эту беспокойную работу. «На добро отвечают добром», – решила она. Приглядывалась к женщинам, работавшим рядом, читала книжки по зоотехнии, статьи из газет о работе доярок, набиралась своего опыта. Председатель колхоза Суменков Д.Ф. разглядел в Балабаевой незаурядные способности, твердил, что она должна стать калужской Ковровой (П.Н. Коврова – доярка из Рязанской области, 16 лет доившая по 5000 килограммов молока в год от коровы).

Работала Прасковья Балабаева самозабвенно. Чуть свет – Паша уже на ногах. Шла в коровник – деревня еще спала. Луна гуляла по небу, когда возвращалась домой. Сыновья к ней тянулись, когда приходила с работы, а усталость валила с ног. Руки ныли, опухали пальцы, боль разливалась от кистей к локтям и выше, к плечам. Но не отступила Прасковья, думала: «А как же Коврова? Что скажут люди?» Так шли дни, недели месяцы трудовых будней.

В 1954 году Прасковья Даниловна заняла первое место в социалистическом соревновании доярок Калужской области. Трехтысячный рубеж остался позади. На следующий год она стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, возглавила соревнование за четырехтысячные надои молока от коровы. И этот рубеж был взят. Впервые в Калужской области. И Прасковья Даниловна была не одна. За ней шли сотни мастеров высоких надоев молока.

Вся область следила за работой Балабаевой, когда она взяла обязательство надоить не менее пяти тысяч килограммов молока от коровы. Это случилось в канун 1958 года. Десятки людей узнали, что доярка колхоза «Путь к коммунизму» Прасковья Даниловна Балабаева довела годовой удой молока от фуражной коровы до 5722 килограммов.

Поставленные рубежи были достигнуты. Среди работников сельского хозяйства Калужской области стала Прасковья Даниловна Балабаева первым Героем Социалистического труда. Называли ее матерью калужских доярок. Знала доярка, что за труд ей воздается почет, трудом на него и отвечать. Продолжала она работать неутомимо. Думала, счастьем не будет конца. Но жизнь – как порожистая река. То течет плавно, то вдруг крутовертью на порогах завертится. Так и жизнь Прасковьи.

Неожиданно на нее обрушилась беда. Сгорел ее родной дом.

Колхоз построил новый, светлый, с железной крышей. Счастьем не было границ. Старший сын жил своей семьей. Младший, Ростислав, привел в дом молодую жену. Родился внук, уже обнимал своими ручонками бабушку, но вдруг трагически погиб Ростислав.

Для Прасковьи, как для любой матери, было невыносимо больно и тяжело смириться со смертью своего сына. Не один год прошел, пока Прасковья Даниловна пришла в себя. Ушла на пенсию, решила жить ради внуков. Но дома без работы сидеть не могла, вернулась в родной коллектив. Руководила второй редькинской фермой. Слава о ее коллективе гремела на весь район. И все знали: Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Ленина и ордена «Знак почета» коммунистка Прасковья Даниловна Балабаева остается в строю. Все такая же неутомимая, до конца преданная своей профессии, горячо любящая людей и Родину.

Односельчане гордились и гордятся верной дочерью своего народа.

*Антюхова Анна Александровна
Рук. – Русакова Ольга Михайловна
Тверская область*

Мой друг – Толька Иванов

Мы с сестрой приехали к дедушке в Маревку на летние каникулы. Ничем она от других деревень не отличалась, и примечательного ничего в ней не было. Интернета нет, связь еле ловит. Но нам все равно нравилось сюда приезжать, когда мы были совсем маленькими. А сейчас нам, подросткам, не очень

хотелось сидеть в глуши. На многочисленные просьбы нас забрать мама только отнекивалась и говорила:

– Дети, дышите воздухом, собирайте ягоды, отдохните, наконец, от своих телефонов.

Я уже и свою сестру Настю подключил. Обычно родители не могли устоять перед ее уговорами.

– Виталик, прекрати подговаривать сестру. Если вам настолько скучно, попросите дедушку рассказать историю какую-нибудь. Все, у меня работа.

Мой план провалился, а значит – мы остаемся.

Дедушка Леня сидел в кресле и пил чай.

– Дедушка, а расскажи нам про свое детство.

– Что тут рассказывать, внучики, война тогда была...

– Расскажи! – одновременно протянули мы.

И дед начал свой рассказ.

– Дело было зимой 1942 года, как сейчас помню. Был у меня друг Толька Иванов, хороший парень, мы с ним с рождения все вместе делали, жили по соседству. Бывало, летом на речку ходили, карасей ловили. В лес тоже часто наведывались. Дожди ночью пройдут, а наутро небо разъяснится, солнце печет, земля паром дышит, и воздух свежий-свежий. И мы бегом в лес за грибами, заглядывали под каждый папоротник, каждый пенек обходили по несколько раз. Сначала мы только сыроежки, лисички и белые приносили, потом уж нам подсказали, какие грибы собирать можно, и в корзинках стали появляться рыжики, подосиновики, волнушки, опята. Осенью хорошо было огурцы солить на зиму. Сестренка моя, Валька, можжевельника из леса принесет, мамка с этими веточками кадку вымоет, ополоснет теплой водой – и душистая кадка для огурцов готова. Хорошо было зимним вечером похрустеть огурцами. Зимой любили с горки кататься, потом дров нарубим, печку затопим и греться скорей. Весной девчонки нам венки плели, а мы их соком угощали. Была у нас любимая березка с плакучими ветвями. Мы ее берегли. Когда все уже сока напились и из надреза не сочилось, мы кору прижимали и глиной замазывали. Хорошо жили, беззаботно... Но одним летом все поменялось, началась проклятая война. Отцов наших забрали, мы одни на хозяйстве остались. Поначалу тяжело было: помогали не только матерям, но и соседям. У наших мамок хоть мы остались, а кто-то вообще один-одинешенек, да еще и с ребенком малым на руках. Кому воды натаскаем, кому дров принесем, бывало, коров пасли. И нас тоже хозяйки не обижали: то затирку дадут, то яичко, то из запасов что-то достанут, иной раз и мармеладом из тыквы угостят.

– Дедушка, а что такое затирка? – перебила сестра.

– Это, Настенька, такой суп. В него натирали муку, добавляли лук. А если уж мясо перепадет – просто праздник!

Настя покривилась, а дедушка Леня продолжил рассказ:

– Голод начался. Собирали солдатам на фронт кто что мог. Мы с Толькой тоже помогали: принесли рыбу сушеную, орехи, ягоды. Толька умудрился даже мясо белки притащить, тетка Таня у него, правда, отобрала: мол, «что удумал, сгниет ведь». Суп сварила, нас с мамкой позвала. Все молились, чтобы нашу

деревню немцы стороной обошли. Но вот и в Маревку немцы пожаловали, будь они не ладны. Расселились по нашим избам и жили припеваючи, ироды. Но мы все равно все вместе держались, во всем помогали друг другу – духом, одним словом, не падали.

Однажды выхожу ночью на крыльцо. Тихо, в избах свет не горит. Небо низкое, до озноба холодное. И по всему небу крупные и яркие звезды рассыпаны. Слышу: снег хрустит. Поворачиваю голову и вижу: идут мужики какие-то, а разговоры у них наши, русские, без акцента. Ну, думаю: «Партизаны!» Проводил я их к Тольке. Тетя Таня, мать Толи, их накормила, отогрела. Я уж домой засобирался, чтобы фрицы не хватились, а Тольку попросил их до Пустошки довести, где штаб немецкий находился.

Будит меня мать утром, к столу зовет. Сажусь и принимаюсь за кусок хлеба с картошкой, есть-то нечего было. Мама любила горчицу себе намазать, а немцы такого и не знали. Подходит к столу один, черпает целую ложку и вдруг как заплюется, ногами затопает. Остальные солдаты смеяться стали, хохочут так, что чуть с лавки не падают. Я тогда и не заметил, как Лиза, соседка наша, в хату зашла – так был этим представлением захвачен. Опомнился только, когда переводчик их возмущенно стал орать про партизан. Ну, думаю, все.

Этот день выдался по-особенному морозным: солнце светило ярко, но не грело, ветер обжигал кожу холодными порывами. Из труб домов дым валил, клубами поднимался вверх. Тишина. Птицы от нас подальше в леса улетели, будто чувствовали что-то неладное. Собаки не лаяли – что им на морозе надрываться? Слышны были только крики и детский плач. Немцы сгоняли всех жителей к середине деревни. Орали что-то на своем «собачьем» языке, подталкивали в спину и угрожали оружием. Все собрались в одну кучу и ждали, что же им, тварям немецким, надо. Но мы с Толькой уже все знали наперед. Переводчик спросил, кто и куда этой ночью отвел партизан. Все молчали. Тогда фриц пригрозил, что через пять минут вся деревня будет сожжена и мы вместе с ней. Он продолжал кричать и разбрасывать угрозы, но никто не издал ни звука. И тут Толя уверенно шагнул вперед и пошел мимо оцепления.

– Это я... Я ночью партизан провожал.

Его спросили, куда ушли партизаны, и пообещали в живых оставить. Но Толя отказался отвечать. Он молчал. А по моему телу бежала дрожь – то ли от холода, то ли от страха. Офицер пригрозил расстрелом. На это Толя ответил, что всем немцам скоро «капут». И все... Это было последнее, что он сказал. По всей деревне прогремел выстрел. Все произошло очень быстро: вот офицер жмет на курок, вот пуля летит моему Тольке в лоб, а тут он уже замертво падает с красным растекшимся пятном по всему лицу. Все застыли в ужасе. Снег окрасился в бордовый цвет. В первые минуты я не понял ничего, просто оцепенел. Перед глазами пронеслось наше детство, время, проведенное вместе, вплоть до вчерашнего вечера. Сердце сжалось от горя и ненависти к проклятым фашистам. Хотелось наброситься на подлых фрицев и каждого своими руками задушить. Но что я мог тогда сделать?

Хоронить Тольку запретили, так и лежал он на окровавленном снегу. На третью ночь мы с теткой Таней его забрали. Она плакала совсем тихо и убито. Я хотел было ее успокоить, но не мог, потому что плакал сам. Мы осторожно подняли замерзшее тело и повезли на санках через огороды, чтобы никто не видел. Так добрались мы до поля, где стояла березка, та самая, из которой мы весной сок набирали. На глаза опять навернулись слезы. Разгребли снег. Я долго долбил мерзлую землю. Завернули тело в холст, опустили. Тетя Таня села рядом и горько заплакала. Я взял ее под руку и повел прочь. Мы часто по очереди оглядывались на могилку. Случившееся казалось сном. Казалось, стоит очнуться – и все опять, как раньше: нет войны, мы с Толькой бегаем по лесу, смеемся и дурачимся...

– Анатолий Иванов – мой лучший друг, – продолжил дедушка после паузы. – Как вспомню, ребятушки, что он всю деревню спас, один за всех пошел, так мороз по коже.

У дедушки Лени покраснел кончик носа, по щеке покатилась слеза. Он вновь почувствовал себя тем самым четырнадцатилетним мальчиком, у которого на глазах погиб лучший друг.

(Рассказ основан на реальных событиях, произошедших зимой 1942 года в деревне Маревка Селижаровского района Тверской области. Местные жители бережно хранят память о своем юном герое.)

**Ахатов Данис Рамисович,
Ахатова Наталья Асхатовна
Рук. – Горынцева Любовь Петровна
Ямало-Ненецкий автономный округ**

Мой герой войны

Много лет прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война. Сколько горя и слез принесла она в каждую семью. Многие не вернулись домой к родным и близким. Так случилось и в моей семье. Я хочу рассказать о моем прапрадеде, который участвовал в этой страшной войне.

Мой прапрадедушка, Нигматулин Валий Хисматуллович, родился в обычной деревенской семье в 1911 году в селе Истяцкое Тюменской области. Рос большим помощником своим родителям. После окончания школы работал в Арамильской слободе на мукомольном комбинате начальником цеха. Там познакомился со своей будущей женой, у них родилась дочь Зиннура. К началу войны Валию было всего 30 лет.

В ряды Красной армии был призван военным комиссариатом Викуловского района. Тогда на защиту Родины встала вся страна, в том числе и мой прапрадед. В 1941 году служил в 109-й отдельной стрелковой роте 13-й армии, сформированной в городе Котельнич Кировской области.

В ночь на 30 июня 1942 года, совместно с первым танковым корпусом, рота, где служил Валий, стала выдвигаться на деревню Дубровка Кузьминского, ныне Ливинского района. Авиация противника подвергла их ожесточенной бомбардировке. В 6 часов утра 30 июня гитлеровцы ввели

свежую пехотную дивизию, но, несмотря на численное превосходство немцев, наши солдаты не отступили и смогли закрепиться в деревне Бараново. В том неравном бою мой прапрадед был ранен в бедро и через 13 дней умер от ран в госпитале. Похоронен в братской могиле в селе Афанасьевка Измалковского района Орловской области.

Так и не узнал наш родной, что его малолетняя дочь Зиннура (моя любимая прабабушка) трудилась в тылу, как и многие подростки, помогала взрослым приблизить Победу.

Мой прапрадед героически погиб, защищая нашу милую Родину. Светлая память о герое живет в наших сердцах. Ежегодно в День Победы мы принимаем участие в акции «Бессмертный полк». Когда несусь портрет моего прапрадедушки Нигматулина Валия Хисматулловича, я очень горжусь тем, что и он внес вклад в Великую Победу.

*Бабичева Алеся Андреевна
Рук. – Макаровская Людмила Николаевна
Архангельская область*

История «особенного» человека»

*Цепями по рукам и по ногам
Меня сковал мой матадор извечный.
Мой враг – внутри. И поединок там
Я с ним веду упорный, бесконечный...*

Моя Вселенная – Россия. Моя Родина – Архангельская область. Мой дом – маленький городок Коряжма. И я горжусь тем, что и у нас живут люди, чей вклад в литературу бесценен. Стихи, вынесенные мною в эпиграф, принадлежат самобытному коряжемскому поэту и прозаику Андрею Давидовичу Карпу, которого судьба с раннего детства и до нынешних дней испытывает и испытывает на прочность.

Андрей Давидович родился в Коряжме 17 марта 1961 года, и жизнь его родителей, Давида Наумовича и Галины Петровны, изменилась до неузнаваемости. Им пришлось забыть про себя и полностью посвятить себя сыну: у мальчика обнаружилась тяжелейшая форма ДЦП. С 3 до 14 лет каждый год родители возили сына в лучшие санатории, не осталось ни одного крупного специалиста в этой области, кому бы его не показали, но все напрасно. Мечте поставить сына хотя бы на костыли не суждено было сбыться. Мама Андрея оставила работу, стала домохозяйкой. Отец всю мебель в квартире для сына сделал собственными руками: парту, столы, стулья.

Повезло мне с отцом. От зари до зари

Он надежда моя и опора.

Не дает унывать. Все желанья мои

Понимает отец с полуслова...

(«Мой отец»)

Андрей, несмотря на болезнь, а вопреки ей, преодолел все: не держалась голова – научился держать ее, не мог сидеть – теперь по несколько часов в день

сидит и работает, с отличием окончил школу, самостоятельно изучил английский язык в дополнение к школьному немецкому, чтобы читать книги в оригинале. А с какой любовью Андрей говорит о маме: «Она была для меня всем – руками, ногами, глазами и даже иногда головой. Я так привык видеть ее, чувствовать тепло ее любви, что когда она умерла, эта потеря опустошила меня». Мама Андрея ушла из жизни в 1992 году.

Я помню день.

Листва с деревьев пала.

Тогда оставив все дела,

К дивану моя мама подошла:

«Подвинься. Я, сынок, устала...»

Прижался к маме я.

И было счастьем

Лежать вот так с родимым существом.

Не думал я, не ведал я о том,

Что этот миг – последний, предпечальный.

Именно тоска по матери подтолкнула Андрея сесть за компьютер (пальцы не могли держать карандаш) и выразить свои чувства в творчестве: сначала в прозе, а потом и в стихах. Первые его рассказы звучали в радиопередаче «Коряжемские вести», печатались в литературно-художественном альманахе «Трехречье», который отражает творчество писателей юга Архангельской области.

Главной темой его рассказов и стихов стала любовь к родине, родителям, землякам. В основном Карп писал в прозе. Первое прозаическое произведение было выпущено в 2000 году под названием «Нелишний человек». Это была его первая автобиографическая книга, в нее вошли рассказы, посвященные родным и близким, а в первую очередь маме Андрея. «Без нее не было бы ни этих книг, ни меня самого. Все то лучшее, что есть во мне, чем полнится душа, устремленная за рамки стен квартиры, заложила она, моя трудолюбивая и настойчивая мама...»

Также были изданы и другие книги, такие как «Преодоление», роман «Взросление», позже вышла еще одна книга, которая является сборником прошлых рассказов и сборником писем от читателей. В 2011 году вышла книга, в которой Карп попытался дать более-менее справедливую оценку двадцатому столетию, – «Суровый век обзревая...». Последней на данный момент выпущенной книгой является сборник воспоминаний «Волны памяти». Это подборка историй, услышанных от родителей. Еще у Андрея Давидовича есть сборники стихов: «Грани любви», «Жажда жизни», «К востоку от запада», «Картины с выставки» и другие.

В этом 2023 году Андрей Карп отметит свой 62-й день рождения. После смерти отца живет в Коряжемском комплексном центре социального обслуживания. И каждый день для него – это преодоление трудностей и боли, но он не сдаётся.

К мужеству

О, мужество, не покидай меня!

Когда лавиной рушатся напасти,
 Когда страдания сердце рвут на части,
 О, мужество, не покидай меня!
 Я соглашусь с утратою всего,
 Привыкну жить обрубком бесполезным,
 Лишь не сломался б стержень мой железный,
 Что не дает уйти мне в забвенье.
 О, мужество – источник сил моих!
 С тобою все невзгоды одолею
 И, как награду, в солнечной аллее
 Я встречу счастье в блесках голубых.

История Андрея Давидовича Карпа показывает, что, несмотря на жизненные трудности, каждый вправе заниматься любимым делом. Его произведения берут за душу, заставляют задуматься о важности жизни, важности родителей и близких, о красоте родины.

*Безрукова Олеся Витальевна
 Кудряшова Оксана Леонидовна
 Сахалинская область*

Навечно в строю...

Многие ветераны в День Победы не наденут на грудь свои награды, не побывают у мемориала, не вспомнят солдаты былые походы... Не встретится с оставшимися в живых боевыми товарищами и Василий Тимофеевич Чупин – почетный гражданин Углегорского района, ветеран Великой Отечественной войны и труда.

Я хочу рассказать об этом удивительном человеке, который жил в нашем городе Углегорске. О нем я узнала, когда мне было дано поручение: в канун Дня Победы найти информацию о ветеранах-земляках и рассказать на уроке Мужества одноклассникам. Сделать это было несложно, так как речь шла о человеке, которого без преувеличения можно назвать легендой района.

Родился Василий Тимофеевич 7 апреля 1920 года в селе Кобляково Братского района Иркутской области в бедной крестьянской семье. Рано потерял родителей. После окончания начальной школы некоторое время не мог продолжать учебу, так как нужно было помогать семье.

В 1939 году был призван в ряды Военно-Морского Флота и прослужил до июля 1949 года радистом, старшим инструктором. Принимал участие в войне с Японией в составе Тихоокеанского флота, Северной Тихоокеанской флотилии. Внес свой вклад в победу, приблизив долгожданный миг всеобщего ликования поработанных народов Дальнего Востока и подписания Японской стороной акта о безоговорочной капитуляции. Василий Тимофеевич был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Японией», «За боевые заслуги».

«Наше поколение сделало все, чтобы был мир во всем мире. Задача наших преемников – сделать все, чтобы сохранить его, чтобы война больше никогда не повторилась», – считал он.

В 1949 году демобилизовался и вместе с семьей переехал в село Лесогорское Углегорского района. В 1954 году окончил вечернюю школу, потом учился в Хабаровске, получил высшее образование. В 1961 году переехал в Углегорск. Работал партийным работником, горным мастером. Бывшие горняки и простые углегорцы, вспоминая те годы, всегда с особым теплом и сердечностью вспоминают своего руководителя и парторга. Василий Тимофеевич всегда мог доходчиво объяснить людям любую ситуацию, грамотно поставить задачу, личным примером повести за собой. Таким он и запомнился.

Василий Тимофеевич был хорошим семьянином: четверо детей, десять внуков и 11 правнучек, которые проживают в разных уголках России. По поводу своих потомков Василий Тимофеевич по-доброму шутил: «Вот мне внуки преподнесли в жизни сюрприз: подарили 11 правнучек! Теперь жду не дождусь, когда правнучки мне праправнуков подарят, надеюсь, будет хоть один мальчонка!»

Пример родителей – преданность своей семье – стал хорошим образцом для подражания для детей Василия Тимофеевича. Жить они стараются дружно, поддерживают друг друга и в радости, и в горе.

Почти четверть века он возглавлял одну из общественных организаций Углегорского района – городской Совет ветеранов войны и труда. Постоянно находился в гуще событий, происходящих в районе. И в праздники, и в будни Василия Тимофеевича можно было застать в помещении Совета ветеранов за работой. Он всегда знал обо всех проблемах ветеранов, старался помочь им.

Но и оставив свой пост, он не отошел от дел. Был частым гостем Василий Тимофеевич и в школах района, и в библиотеках, и на торжественных мероприятиях по случаю призыва молодых ребят в Российскую армию. Слово ветерана, отстоявшего честь и независимость нашей Родины в лихую годину, а также замечательного отца и деда, потерявшего в жестокой братоубийственной войне на Северном Кавказе любимого внука, имело огромное значение и особый смысл. Струкалин Илья погиб при исполнении воинского долга в Чечне 8 марта 1995 года.

Жить по совести, верой и правдой служить своему Отечеству – разве есть в мире другие ценности, без которых нельзя существовать человеку? Скорее всего, нет. В этом был убежден Василий Тимофеевич Чупин, доказавший неизменность и значимость сохранения лучших традиций многострадальной, но гордой и свободной России.

99 лет! Согласитесь, дожить до такого солидного возраста и не утратить интерес к жизни – далеко не каждому человеку под силу. А вот Василию Тимофееву удавалось сохранять жизнелюбие. Для родных он и сейчас является примером преданности своим принципам и жизненной стойкости, неким стержнем.

Ровно полгода не дожид Василий Тимофеевич до своего 100-летнего юбилея, не успел ветеран встретить и 75-ю годовщину Победы, о чем он, участник Великой Отечественной войны, защитник дальневосточных земель, очень мечтал последнее время. Кажется, только вчера Василий Тимофеевич, опираясь на трость, привычно прогуливался по улочкам райцентра, принимал участие в памятном мероприятии в честь 74-й годовщины Победы. Еще недавно громогласно поздравлял товарищей-ветеранов с днем рождения...

На официальном сайте движения «Бессмертный полк» я нашла историю нашего ветерана. С пожелтевшей фотографии, сделанной в 1944 году, смотрят на меня живые глаза моряка Тихоокеанского флота, у которого впереди – 75 лет жизни!

Помнить имена и ту цену, которую заплатили наши отцы, деды и прадеды за Победу в Великой Отечественной войне – наш святой долг. Ежегодно мы чествуем фронтовиков и тех, кто трудился в тылу, и с болью видим, как редуют ряды ветеранов. И тем важнее успеть сказать им большое человеческое спасибо. За то, что остались в живых. За то, что подарили нам жизнь. Герои никогда не умирают. Герои живут в нашей памяти, а значит – рядом!

*Бельмас Владимир Владимирович
Рук. – Величко Ирина Леонидовна
Ставропольский край*

Музей памяти

Война... Как много горя приносит она людям: смерть, слезы, разрушения. Но у каждой войны есть и свои герои, имена которых останутся в памяти народа навсегда.

«Ни шагу назад!» Такой приказ получили защитники Сталинграда и шесть долгих месяцев стояли насмерть. Фашисты думали, что нет такой силы, которая могла бы их остановить. Но сила нашлась – это советские люди. Сталинградская битва – яркое подтверждение тому. На поле боя плечом к плечу сражались русские, чеченцы, украинцы, белорусы, казахи, нанайцы, татары. Ни на шаг не отступили, так как знали: за Волгой у нас земли нет. И они победили, заплатив очень высокую цену. Сталинградское сражение стало одним из самых ожесточенных и кровопролитных, в котором погибли более миллиона наших бойцов, но также оно явилось переломным событием в ходе Второй мировой войны.

Я приглашаю вас в музей памяти Сталинградской битвы, чтобы вспомнить имена героев.

Тишина. На смотровой площадке никого нет. Освещение так устроено, что можно отлично разглядеть каждый участок грандиозной панорамы сражения. Картина завораживает. Такое ощущение, что она оживает у тебя на глазах. Уже слышны звуки орудий, лязг и скрежет военной техники, гул летящих самолетов, немецкая речь, автоматные очереди...

Мы видим, как рядовой Матвей Путилов, получив тяжелые ранения в обе руки, из последних сил зажимает концы провода зубами, чтобы восстановить

долгожданную связь. Строчат пулеметы. Один за другим падают на заснеженную землю наши солдаты. Три немецких дзота преграждают дорогу нашим бойцам. Бесконечные очереди не дают поднять головы и прижимают к земле. Две огневые точки противника удалось уничтожить. Третья не прекращает вести огонь. Младший сержант Николай Сердюков бросается вперед и закрывает амбразуру дзота собственным телом, спасая жизни товарищей. Совсем рядом разрываются снаряды, танки с крестами атакуют наши позиции. Первая атака отбита, но новая волна надвигается черной громадой. Рядовой Михаил Паникаха с бутылками зажигательной смеси ползет к вражеским танкам. Шальная пуля разбивает одну из бутылок. Морпех превращается в горящий факел. Он бросается на решетку моторного люка и разбивает об нее вторую бутылку. Огромные языки пламени поглощают героя и подожженный им танк.

А вот командир пулеметного взвода Ханпаши Нурадилов ведет неравный бой с противником. В небе над Доном кружат советские штурмовики. Они прикрывают переправу нашей армии. В машину Виктора Рогальского попадает снаряд из немецкой зенитной установки. Объятый пламенем самолет летчик направляет в колонну бронетехники противника. Взрыв. Огонь и клубы черного дыма поднимаются до неба.

Неподалеку идет танковое сражение. Капитан Михаил Нечаев направляет последний горящий Т-34 на головную машину противника. Он идет на свой последний таран.

В это же время наш знаменитый снайпер, мастер маскировки Василий Зайцев ведет поединок с немецким «сверхснайпером» майором Кенигом. Совсем близко взрывается снаряд. Осколки летят в разные стороны.

На белом снегу лежит раненый солдат, кровь сочится из раны, слышны стоны. Совсем еще юная девушка заботливо перевязывает рану. Маленькая, хрупкая, что она делает на войне? В мирное время Гуля Королева была актрисой. Снималась в кино, а здесь она ангел-хранитель для каждого раненого солдата: и рану перевязет, и с поля боя вынесет, и в атаку с гранатой в руках пойдет.

Наконец сквозь гул сражения мы слышим дружное «Ура!» Развеваются красные знамена. Наши бойцы идут в наступление. Две армии соединились, операция «Кольцо» завершена. Немецкие солдаты бросают свое оружие и сдаются в плен. Наши красноармейцы выводят из землянки поверженного генерала-фельдмаршала Паулюса. План захватить Сталинград провалился! Затихают звуки боя. Наступает тишина, но герои панорамы навеки останутся на своем боевом посту – как яркий пример доблести и героизма советского народа.

Мы не должны забыть всех ужасов Великой Отечественной войны. Забыть – это значит предать память. Низко поклонимся героям и дадим клятву, что будем помнить и расскажем своим детям о подвиге, который они совершили.

Дух-хозяин огня

Старый Хадиуль был мудрым и опытным охотником. Все в деревне знали и уважали его, за советом к нему ходили. Всем законам таежным он был покорен, и тайга платила ему щедрыми дарами. Что ни день на охоте – принесет Хадиуль соболей с десятков, глухарей полмешка да прочей живности.

Приехал было однажды в деревню молодой Дялунча. Прознал он об успехах старого Хадиуля, завидовать стал мудрому охотнику. Вот и решил он на хитрость пойти. Схожу, думает, со стариком на охоту, да все секреты и разужнаю. С этими мыслями направился Дялунча напрямик в избу к Хадиулю.

Хозяин встретил гостя радушно, дал у огня обогреться, стол накрыл щедрый – там и похлебка из вяленых рябчиков, и жаркое из медвежатины, и юкола. Чаю с оленьим молоком да солью налил. Да только есть не торопился... Взял Хадиуль итанги, подошел к очагу, пробормотал что-то негромко, а затем обмокнул указательный палец в чай и стал брызгать на четыре стороны света. И только потом принялись охотники угощения кушать.

– Зачем это ты, Хадиуль, чай возле огня брызгаешь? – спросил Дялунча.

– Как же? Духа-хозяина огня угощать надо. Не угостишь, обидится, не будет удачи тебе – ни в жизни, ни на охоте.

К слову сказать, молодой Дялунча был не верующим во все эти предубеждения. Но раз уж в гости приехал к старику, слушал покорно рассказы его да внимал всему сказанному.

– Слыхивал я, Хадиуль, что охотник ты удалой, да больно удача любит тебя. Есть ли секрет какой у тебя, как зверя приманить, да побольше добычи поймать? – спросил Дялунча.

– Подя все видит, как попросишь его, так и удача тебе будет на охоте, – отвечал старик.

– А кто этот Подя? – в недоумении поинтересовался молодой охотник.

– Дух-хозяин огня, это ведь все его владения. И только ему ведомо, кому добычи дать, а кого наказать за непокорность.

– Слушай, Хадиуль, а можно я с тобой завтра на охоту пойду: больно интересно мне стало, что за дух такой у вас здесь обитает, – настойчиво спросил Дялунча.

– Отчего же нет, пойдем, – отвечал Хадиуль – Заночуешь у меня, поздно уже. Перед охотой отдохнуть требуется, сил для долгого пути набраться.

Старик указал молодому гостю на его место, пожелал доброй ночи и сам отправился отдыхать.

Утром охотники собрали свои рюкзаки и отправились в путь. Шли они долго. Без конца и края тянулась во все стороны необъятная тайга, щедрая и молчаливая. С высоты сопки казалась она большим темным морем. Облака окутывали таежные просторы мягкой ватой, и, казалось, лес растворялся в них.

– Вот и пришли, – сказал Хадиуль – здесь охотиться будем, но для начала передохнем. Стемнеет скоро, опасно ночью в тайге. Заночуем, а поутру на соболей пойдем.

Охотники разожгли костер, достали из своих рюкзаков лепешек с рыбьим жиром. Хадиуль взял итанги, налил чаю соленого и произнес: «Подя, дай мне соболей с мешок, и я не пожалею. Всегда, когда буду пить, тебе налью». С этими словами окунул он пальцы в чай да побрызгал на четыре strony.

– Ну а ты чего? – спросил у молодого охотника Хадиуль. – Надо угостить духа-хозяина огня, иначе не видать тебе удачи на охоте.

После взял мудрый охотник лепешку да покрошил ее в огонь. Стал прислушиваться, не трещит ли огонь, не сердится ли.

– Неужто ты, Хадиуль, веришь в то, что огонь поможет тебе зверя поймать? – прервал размышления старика Дялунча. – Думается мне, все это дело случая да везения. Что там, огонь? Горит себе да горит, греет да пищу варит.

– Зря ты так говоришь. Огонь этого не любит, – потупил взгляд старик Хадиуль. – Он наш хранитель от злых духов. Ни один эвенк не ляжет спать в тайге без костра. Хозяин огня все слышит и чувствует. Вот случай был. Старик со старухой ловили рыбу, на зиму заготавливали. Пришло время домой возвращаться, как вдруг ветер стих, тишина установилась на реке. Взял дед чаю, побрызгал, обратился к Подя на коленях, попросил ветра домой поехать. Пока в путь собираться стали, ветер подул легкий, поставили паруса старики да домой отправились. А как дома очутились, так и прекратился ветер. Вот и думай, гость дорогой. А еще давече случай был. Охотились трое, устали, привал сделали. Огонь разожгли, принялись добычу разделять да яства приготавливать. И вдруг воткнул один из них нож возле огня. Да значения этому-то не придавал. А Подя не любит этого, поранить его можно. Спать легли охотники, так огонь и погас. Замерзли во сне и не вернулись домой более. Ты как знаешь, а я с Подя поделюсь да об удаче попрошу.

Послушал Дялунча старика да подумал по-своему: «Да что-ж это, огонь мне будет указывать, где удачу за хвост поймать, а где умереть суждено? Не бывать такому. Не стану я лепешку свою в огонь кидать».

На том и спать легли охотники.

Утром просыпается Хадиуль. Видит, снег выпал. Кругом бело, аж глаза слепит. А Дялунча-то нет. «Неужто один на охоту отправился?» – подумал старик. Глядит: на снегу следы человечьи, в лес ведут. Взял Хадиуль ружье, да побрел по следам. Вдруг видит: ноги торчат. Подошел поближе – да так и обмер. Дерево трухлявое упало да придавило Дялунча. И тут послышалось старику вдалеке будто легкое дуновение ветерка, едва уловимое. Оглянулся мудрый Хагиуль и вдруг увидел среди деревьев дряхлого, сгорбленного старика в красном халате. Помелькал он в глуши леса да скрылся из виду. «Подя, это ты. Не сердчай, – пробормотал старый Хадиуль. – Знаю я, что слышишь ты все да чувствуешь. Не послушал меня молодой Дялунча, поплатился жизнью за это».

Взял старик свой рюкзак, покрошил остатки лепешки в догорающий очаг, попрощался с Подя и побрел обратно в деревню.

*Бродягин Александр Вячеславович
Рук. – Самарина Алла Витальевна
Луганская Народная Республика*

Дедушкина шкатулка

С чего начинается Родина? На этот вопрос ответил наш великий земляк Михаил Матусовский. От себя хочу добавить: «С памяти о предках».

Я люблю своего дедушку Толю. Мы с ним большие друзья: всегда вместе ходим в походы, посещаем музеи, отдыхаем на природе. Именно дедушка Толя рассказал мне об участии моих прадедов в Великой Отечественной войне.

Когда я был маленьким, меня, как магнитом, тянуло к дедушкиной шкатулке, стоящей в его комнате на книжной полке. «Интересно, что же там?» – думал я, но стеснялся спросить у дедушки.

Однажды все-таки решился открыть шкатулку. В ней лежали старые письма, документы, ордена и медали. Я взял одну из бумаг. Это было благодарственное письмо, в котором теплые слова были сказаны рядовому Федору Назаренко, участнику Великой Отечественной войны. Я все понял. Моего дедушку зовут Анатолий Федорович. Значит, благодарственное письмо адресовано его отцу, то есть моему прадеду.

В это время в комнату вошел дедушка Толя. Его обрадовало то, что я интересуюсь историей своего рода, ведь мои предки были славными людьми, настоящими героями, воевавшими за свободу и независимость нашей Родины. Это мои прадеды Иван и Федор.

Федор Харитонович Назаренко был оптимистом, добродушным и общительным человеком.

Родился в Ростовской области. Прадед считался среди земляков грамотным парнем, потому что окончил четырехклассную школу, любил читать.

Но в жизнь Федора Харитоновича ворвалась война. Он был призван в армию в 1939 году и прошел три войны. Великая Отечественная застала его на границе в Белоруссии. Был ранен. После лечения попал к белорусским партизанам, служил пулеметчиком. И вновь действующая армия. Дошел до Кенигсберга. Домой возвратился только в 1946 году. Своей любимой жене писал с фронта: «Я жив и здоров. Плохо, Тася, что я от тебя далеко. Война закончится, и я обязательно приеду в свой родной Ворошиловград. Крепко и горячо целую. Твой Федя».

Война не входила в планы и еще одного моего прадеда – Ивана Степановича Кислого. По характеру он был миротворцем, ненавидел любое кровопролитие и вражду. Был строителем: возводил дома, фермы, прокладывал дороги.

Прадеду было девятнадцать (всего на пять лет старше меня!), когда он добровольцем отправился на фронт. Служил разведчиком. Не раз с боевыми товарищами ходил за линию фронта. Орден Славы получил вот за какой подвиг.

От командира прадед с двумя бойцами получил приказ: ночью пробраться через нейтральную полосу и взять в плен немецкого офицера с

ценными документами. Приказ был выполнен. Но на обратном пути группа разведчиков попала под минометный огонь фашистов. Одна из мин разорвалась совсем близко. Товарищи погибли, а прадед Иван доставил пленного немца в расположение своей части, за что получил заслуженную награду.

Прошли военные годы... Сотни погибших, тысячи километров пройденных дорог...

Я с интересом слушал дедушку Толю. А он все рассказывал о тех героических днях давно прошедшей войны, активными участниками которой были мои славные предки – прадеды Иван и Федор. Как я гордился ими!

Дедушке Толе я сказал, что буду военным врачом, потому что хочу спасти жизни тех, кто защищает Родину. Дедушка обнял меня и нежно погладил по голове. Я понял: он одобряет мое решение.

*Газдиев Ахмет Исаевич
Республика Ингушетия*

Аплодисменты как признание.

Хронология успеха Шамиля Гарданова

Ингушская эстрада пестрит именами исполнителей и музыкантов, каждый из которых по-своему талантлив и интересен. Но герой моего сегодняшнего материала в этом «звездном» ряду стоит особняком. Он сторонится тусовок местного, так сказать, бомонда, предпочитая проводить свободное время с друзьями, которые не имеют никакого отношения к сцене. В отличие от многих, не пиарится изо всех сил и даже может на время и вовсе пропасть из соцсетей. Его не мучает тщеславие (помните «Маленького принца»: тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал). В нем нет и тени самолюбования, проглядывающей порой в некоторых его коллегах по сцене. Он строит свою жизнь совсем по другим правилам, напрочь отвергая всякую мишуру. И если на мгновение представить этого человека скульптором, ваяющим собственную судьбу, то можно увидеть, как резец в его руках сразу решительно отсекает все ненужное, лишнее, суетное...

Таков он – Шамиль Гарданов, автор и исполнитель популярных не только в Ингушетии песен, узнаваемый всеми, но мало кому известный до конца. Цельная натура, не нуждающаяся в каких-то внешних атрибутах славы, да, собственно, и не стремящаяся к этой самой славе. Он, пожалуй, один из немногих знакомых мне музыкантов, которые адресуют собственное послание миру, не облакая его в яркую упаковку пустой по сути шумихи, а кодируют в текстах собственных песен, которые, это надо признать, с годами обретают все более глубокое содержание и, если хотите, философский смысл.

Шамиль рос в простой ингушской семье из Плиево. Никто из домочадцев не думал, что он, самый младший – восьмой ребенок в семье, когда-нибудь станет музыкантом. «Знали бы, пресекли на корню, наверное», – с улыбкой говорит он сегодня. А мальчишка тянулся к музыке. Что-то завораживало его в живых и вечных звуках. Сначала смотрел, как играет на гармошке сестра, а лет

к восьми научился играть на русской балалайке, которую купил брат, время от времени бравший в руки и гитару.

Шамиль прислушивался к звукам музыкальных инструментов и к тому, что они рождают внутри него. Однажды твердо понял, что гармонистом быть не хочет. Гитара? С ней все начиналось вообще интересно. Как-то взяв в руки инструмент, принесенный откуда-то братом, он провел пальцем по струнам и... навсегда запомнил звучание каждой из них. Еще не умея извлекать аккорды, научился настраивать инструмент. Соседские парни-гитаристы потом стали частенько приходить к нему, доверяя музыкальному слуху маленького настройщика. А сам Шамиль вскоре освоил и три аккорда, которые, наверное, редкий мальчишка не брал в детстве.

Дома к попыткам младшего члена семьи музицировать относились с изрядной долей скептицизма, а в большей степени даже снисходительно: перерастет, мол, это свое увлечение пацан. А пацана все больше и больше влек к себе мир музыки. Окном в этот мир для сельского мальчишки, живущего вдали от больших концертных залов, стал экран телевизора. Шамиль вслушивался в песни, звучащие по телевидению, записывал в потаенную тетрадку имена исполнителей, музыкальных групп, названия произведений, которые пришлись ему по душе. В старших классах одноклассники стали поручать меломану музыкальную часть школьных вечеров, ничуть не сомневаясь, что его пристрастия в музыке и вкус сделают любой вечер нескучным.

Жизнь текла своим чередом, Шамиль вырослел, и близился тот час откровения, который перевернул его сознание – словно тумблер щелкнул где-то внутри. Впервые слушая по телевидению «Песню о воле» известной в конце 1980-х годов студийной группы А. Т. С., он восторженно, весь подобрался, растворяясь в мелодии и словах.

Ветер, песню о воле мне спой,
На ковыле сыграй.
Я иду в свой последний бой
за родимый и вольный край.

И на всем скаку
В сердце казаку
Вдруг ударил свинец...
На сырой земле
В предрассветной мгле
Умирал удалец...

Шамиль запомнил припев и один из куплетов песни, а потом... Потом решил сам дописать слова, взамен тех, что не удержались в памяти, взял в руки гитару и на трех аккордах – в уединении – пропел то, что получилось. Это был первый творческий акт юного парнишки, с которого, по сути, и начался его

путь на музыкальный Олимп. Запомнился ему и первый «звездный час», пережитый благодаря вездесущим мальчишкам-ровесникам.

– Однажды мне пришлось подменить сторожа на отдаленном бригадном стане, – вспоминает Шамиль со смехом. – Разумеется, я отправился туда с гитарой, чтобы попеть, когда никто не слышит. Мальчишек, пришедших туда поживиться совхозной кукурузой, привлекли звуки гитары и моего вокала из сторожки. Подобравшись незамеченными к окну, они стали моими первыми слушателями. Когда же я, ни о чем не подозревая, вернулся в село, каждый встречный с улыбкой говорил мне: «Ты, оказывается, еще и поешь...» Кстати, кукурузу мои слушатели так и не тронули, настолько они были удивлены своим неожиданным открытием.

Шамиль не расставался с гитарой и до ухода в армию в 1991 году успел написать несколько песен. Уже в армии он закончил работу над своей песней «Письмо», которая после выхода в продажу под названием «Я пишу тебе» не потеряла своей популярности по всей России до сегодняшнего дня:

Почему глаза твои пусты,
 Почему ты смотришь равнодушно?
 Все же я хочу, чтоб знала ты:
 Мне другой любви уже не нужно...

Песня «Я пишу тебе» принесла автору всероссийскую известность. К примеру, она прозвучала в вечернем шоу Андрея Малахова «Песни от всей души» в исполнении Дмитрия Соколова, талантливого певца и музыканта из Рязани.

В 1993 году Шамиль вернулся из армии без каких-то особых планов на жизнь, но с четким пониманием, что ему надо чем-то заняться. Творческое начало в нем сдаваться и отступать не хотело, а потому в 1994 году он предпринял попытку поступить в Щукинское театральное училище.

– Ехать никуда не нужно было, приемная комиссия работала в Ингушетии, – вспоминает он. – Потому я быстренько подготовил басню и одну из своих песен, чтобы принять участие в испытаниях. Члены комиссии восприняли меня благодушно, похвалили, и я уже мыслями был в Москве. Но объявленные к вечеру результаты обескуражили: не прошел.

Я стоял в холле Дворца культуры, растерянный и раздавленный, и вид у меня был, наверное, не самый лучший. Случайно проходивший мимо актер и певец Руслан Зангиев, уже тогда блиставший всеми гранями своего таланта, остановился рядом со мной и, заглянув в мои едва не плачущие глаза, ободряюще произнес: «Актером ты, может, и не станешь, но у тебя есть исполнительский дар...» Как меня вдохновили в тот миг эти слова Руслана! У меня словно гора свалилась с плеч, и я сразу вздохнул легко. Оценка профессионала такого уровня дорогого стоила...

На следующий день Шамиль отправился в Малгобекский район, в гости к сестре. Но почему-то проехал мимо ее села и впервые в жизни попал в город Малгобек. Выйдя из автобуса, увидел парк и, гуляя по его тенистым аллеям,

оказался перед Домом культуры. С порога ДК и началась цепочка случайностей, которая в сумме своей рождает его величество случай.

Со второго этажа доносились звуки музыкальных инструментов. В культурно-досуговом центре репетировала группа «Титан», рожденная буквально несколько дней назад. Анзор Кукиев, Ислам Озиев, Амир Солтукиев и Женя Гремяченский – воспитанники Малгобекской студии «Престиж» – готовили новую песню.

– Амир в это время возился со своей гитарой – лопнула струна – и с интересом взглянул на меня, – рассказывает Шамиль. – Познакомившись с ребятами, я рассказал, что тоже пишу песни, сыграл что-то из написанного мной. Парни предложили прийти на следующий день, чтобы продолжить наше общение. А когда я так и сделал, произошло нечто совершенно неожиданное.

Я пел ребятам свою песню «День рождения», когда в зал буквально ворвался Муса Гадаборшев – организатор первого республиканского фестиваля молодых талантов «Молодость Ингушетии». «Вот эта песня и будет открывать наш фестиваль!» – воскликнул он. И хотя потом у некоторых появились возражения, Муса был непреклонен. На фестивале у меня было три выхода на сцену – от Малгобека, от ДК родного Плиево и от Долаково. И приз зрительских симпатий в итоге. Признание, одним словом.

Поработав в студии «Престиж» до 1995 года, Шамиль в поисках своей индивидуальности покинул коллектив. Подумывал о сольной карьере, но не все заладилась. В 1999 году он написал песню «Фея», которой через год предстояло стать хитом на ингушском телевидении, и познакомился с родившейся в те годы в Ингушетии группой «Мертвые Дельфины» (первоначальное название «Нон-стоп») и ее основателем Артуром Ацаламовым. Ребята, несмотря на разность музыкальных стилей, проводили совместные концерты. Это сотрудничество продолжалось недолго: «Мертвые Дельфины» вскоре перебрались в Москву (сегодня Артур Ацаламов – известный российский рок-музыкант), а Шамиль остался в Ингушетии. А вот снятый на его песню «Фея» клип вскоре конкурировал в вечерних эфирах ингушского телевидения с песнями обретающей популярность Айны Гетагазовой.

В 2004 году творчеством Шамиля Гарданова заинтересовалось крупнейшее музыкальное издательство на юге России «Звук М». Так в конце этого года его песни «Улечу в небеса», «Наташи нежные глаза» и «В память о друге» сразу вышли на новый уровень, а позже были изданы в 17 разных музыкальных альбомах. Через год талантливому автору-исполнителю из Ингушетии предложили записать в музыкальном издательстве «Звук М» собственный дебютный альбом. Этот альбом не стал коммерчески успешным, но все же несколько песен из него оказались востребованными слушателями и получили долгую жизнь.

В 2007 году уже известный к тому времени музыкант из Малгобека Амир Солтукиев предложил Шамилю записать в своей студии его песни под гитару для второго альбома.

– Работали мы долго, – вспоминает Шамиль. – Заставляя меня раз за разом вставать перед микрофоном, Амир буквально выдавил из меня того

Шамяля, которого хотел услышать, – с эмоциями, с чувствами, с душой. Он записал в подарок мне 18 моих песен, и новый альбом получил название «Песни души». В нее вошла и моя песня «Я пишу тебе». Когда позже кто-то включил ее в один местный сборник, издававшийся за пределами республики, там ее попросили уже для музыкального сборника «Блокбастер Русский». После «Блокбастера...» песня оказалась в репертуаре многих российских исполнителей, о которых я узнавал из Ютуба.

В 2008 году Шамиль Гарданов вернулся на работу в культурно–досуговый центр города Малгобека. Он плодотворно проработал здесь еще четыре года, а затем перешел работать в Сунженский районный Дворец культуры. Здесь он часто выходит на сцену не только как автор-исполнитель, но и в качестве конферансье. Помимо этого трудится методистом в ДК города Карабулака.

Накануне 30-летия возрождения Ингушской государственности Шамилю было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия». Но своей главной наградой и признанием он считает аплодисменты зрителей. Шамиль продолжает творить, у него рождаются новые песни, которые находят своего благодарного слушателя. Его песенный багаж – более сотни музыкальных произведений. В последние годы тексты песен Шамяля часто претерпевают изменения – неудержимую романтику нет-нет да и сменяют лирические размышления о бренности бытия, граничащие с глубокими философскими поисками. Из этого ряда, к примеру, его песня «Мы не вечны на этой земле». В ней – послание друзьям и обращение к незнакомым людям.

Шамиль тяжело переживал уход из жизни мамы. И это тоже не могло не отразиться на его творчестве. Фатима Абдуловна была единственным близким человеком, который когда-то твердо и решительно поддержал его детское увлечение музыкой. Она до последнего часа радовалась творческим успехам своего уже давно повзрослевшего сына... На сцене Шамиль всегда искренен и открыт. Я не раз наблюдал, как он отдает зрителям частицу своего сердца и какой живой отклик это рождает в зале.

Насколько скрывает человека сцена, настолько беспощадно обнажает эстрада. Эстрада что-то вроде плахи. Когда-то таким наблюдением поделилась Анна Андреевна Ахматова. В наши времена мы, увы, все чаще видим, как эстрада превращается в некое безголосое закулисье, а на плахе оказываются зрительские вкусы. Но тем приятнее встретить человека, который с уважением относится к своим зрителям и слушателям.

Шамилю Гарданову есть что сказать в своих авторских песнях. Думаю, его отношение к жизни, да уже и определенный жизненный опыт, еще не раз найдут отражение в новых песнях. Будем ждать и надеяться, и потому я поставлю не точку, а многоточие в своем сегодняшнем повествовании о нем...

*Гергель Оксана Анатольевна
Донецкая Народная Республика*

Долг памяти

Благословенная земля, облитая солнцем, заросшая виноградниками и лавандовыми полями. Кажется, создана для того, чтобы человек был счастлив. Оказавшись здесь, непостижимым образом глхнешь и слепнешь для всего, кроме солнечного тепла, проникающего под кожу.

И если вдруг напомнят тебе, что и на этой земле есть страх, боль, страдание, – досадливо отвернешься или не поверишь, как повзрослевший ребенок перестает верить в чудовищ...

– Я люблю море. На пляже лежать, как сейчас, нам было некогда. В будни работаешь, в выходные работаешь... Дом строили, дети, огород, козы... На море ходили вечером. И купались, и стирали – все в море, вода была чистая. А питьевую воду носила коромыслом от автостанции.

Всю жизнь прожила на море, а плавать не умею, боюсь. Я тонула. Мыплыли в эвакуацию из Керчи. Мне семь лет было. И баржу разбомбили с самолета. Столько людей перетонуло, а меня мама держала крепко, вцепилась в руку и вытащила. Мы до войны жили не здесь, а в Береговом. Пришлось из Керчи идти пешком обратно. Ночевали в поле, отошли в сторону и где попадали, там и ночевка. Идем, а навстречу нам немцы. Веселые, смеются, угощают нас – добрые. А потом по поселкам собрали всех мужского пола, мальчиков, кто старше восьми, всех расстреляли... Добрые...

Нам деться было некуда. Дом сгорел, жили у людей в сарае. Какая там баня или душ – и умыться нечем было, лишний раз боялись нос высунуть. Мы такие завшивленные были, хуже собак бродячих. Помню, мама наклонила меня и стала волосы руками ерошить, а их с меня нападало – аж на земле черно.

Я заболела тифом. Меня соседка посмотрела, говорит: «Надо везти в больницу, в город. Здесь умрет». Мама пошла к старосте проситься на подводу, везти меня в город. У старосты тоже сын тифом заболел, и он его как раз в город вез. А меня не взял, прогнал маму. И сам же из местных, а не помог, такой мужик был злющий.

Не знаю, как меня в больницу отвезли. Худая была, как жердь, ноги не держали. И вот я выжила, а старосты сын умер. Мама за мной приехала и привезла мне пирожок с картошкой. Я вкус этого пирожка по сей день помню! Мы голодали, мы такое ели, что страшно вспомнить. Хлеб пекли из червивой муки. Я ребенком была, не понимала, с водой замешаю и пеку. Так с червями и ели. А сейчас сын меня ругает: «Ты собаку голодом держишь!» Глянь на этого голодного, кашу не ест, ждет чего получше! Мне б в те годы такую кашу.

Маме врач тогда сказал: «Раз сейчас выжила – долго жить будет». Так и есть. Мужа схоронила, сына схоронила, а сама до таких лет дожила. Я работой живу. Утром, кажется, встать не смогу, каждая жилка ноет. А надо. Кур, собаку кормить, огород поливать; оно же все свое, своим трудом добытое, потому и жалко. Вот так и расхожусь. Все болезни от лени и от того, что люди себя жалеют. Если б не работа, я б давно уже на кладбище была. Сейчас молодежь жалуется, устает на работе, тяжело. Разве мы так работали? Мы падали от работы.

А врача того расстреляли...

Наш разговор то ходил по кругу, но не надоедал, как не надоедает любимая пластинка, то прерывался приходом соседки или телефонным звонком от бесчисленных подруг, знакомых, родственников (она, даже запертая в силу возраста в доме, умудрялась не выпасть из деревенской общественной жизни), то начинался заново, когда она садилась рядом, давая отдых искривленным работой и болезнью ногам, всегда прямо держа спину, положив на колени руки, похожие на старые, заскорузлые узловатые веревки. Всегда в фартуке, перепачканном землей и соком травы, с ниткой янтарных бус на шее и крупными цыганскими серьгами-подковами, уже назначенными внучке после смерти. В ее жизни все уже распределено и решено, подчинено раз и навсегда заведенному порядку. Она простодушно радуется вовремя прошедшему дождю и распутившемуся в палисаднике розовому кусту; и искренне огорчается самому незначительному урону в хозяйстве – промокшему спичечному коробку или недозревшей тыкве, которую она сослепу срезала с лозы вместо сухого листа.

– Я знаю цену копейке. Я побиралась, по людям кусок хлеба просила. Маму забрали в гестапо, и она сошла с ума. Работать уже не могла. Иной раз все понимала, иной раз совсем не в себе была. Мы росли, как бурьян под забором. Нас кто пожалеет, а кто прогонит, могли и стукнуть.

Помню, уже после войны, иду по улице, а в луже кусок хлеба лежит, кто-то уронил. Как я обрадовалась! А он уже раскисший, я его до крошечки выловила и в подол собрала, так и бежала домой. Дома высушили и съели, а он на зубах хрустел от земли.

Вот так мне мама на всю жизнь досталась, хуже дитя малого.

Я и замуж так вышла. Он спросил: «Пойдешь за меня?» Я сказала: «Пойду, если мама с нами жить будет». Какая любовь? Мы и не знали, что это такое. Нищета, голые, угла своего не было. Разве тут до любви? Это сейчас все любовь ищут. Мужей, жен бросают, детей рожают, сами не знают, от кого. Все любовью оправдывают. Какая же это любовь? Это распутство, а не любовь. Но он, правда, никогда тещу не обидел и меня ею не попрекнул.

От людей всякое видели: и дразнили, и мне сколько раз говорили, чтоб сдала ее в интернат. А сами жили богаче нас. Чем человек богаче, тем у него злости больше. Я по всей улице бегала – мне рубль никто не дал... Прибежала в обед с работы, а дом заперт. Зову, стучу – не открывают. Мама придумала, что это воры лезут, и заперлась. А тут как раз керосин на улицу привезли, и мне надо было рубль до вечера одолжить. Никто не дал.

У меня на всю жизнь страх, что у меня чего-то не будет. Я спички зря не израсходую. Вот так меня этот рубль научил.

Перед моими глазами проходит чужая бесхитростная жизнь, наполненная горестями и обидами.

Сколько их таких, не воевавших, но перемолотых войной, нищетой, голодом, необразованных, но мудрых какой-то по-детски наивной, уже недоступной нам мудростью, не видевших счастья, но точно знающих, что это такое. Они уходят по невозвратной дороге один за одним, оставляя нам эту землю, как след, как неоплатный долг – долг памяти...

Записано со слов З. Елены Ивановны, город Феодосия

Горбунов Станислав Эдуардович
Рук. – Горынцева Любовь Петровна
Ямало-Ненецкий автономный округ

Мой прадед – наша гордость

Пуйко Геннадий Алексеевич – дед моей мамы Аси Львовны, мой прадедушка, которым мы очень гордимся. Он известен на Ямале как поэт, прозаик, педагог и живописец, воспитавший множество учеников и последователей своего творчества.

Родился Геннадий 1 января 1935 года в п. Нумги Надымского района. Его отец Алексей был оленеводом, мать Таисия – хозяйкой чума. В семье был окружен заботой и любовью мамы, о чем любил всегда вспоминать. В 1943 году его в числе других тундровых детей привезли в Ныдинскую школу-интернат, где он проучился с первого по седьмой классы. Начиная с четвертого класса, увлекался поэзией, писал стихи на ненецком языке. Осенью 1953 года Геннадий поступил на подготовительные курсы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Прадедушка вспоминал: «За три года я посетил все достопримечательности Ленинграда: музеи, художественные театры, кунсткамеру, цирк, кинотеатры...». Через три года окончил среднюю школу при институте и поступил в Салехардское педагогическое училище им. А.М. Зверева на 3-й курс. После получения диплома учителя начальных классов с правом преподавания родного языка, изобразительного искусства и физкультуры, работал в Ныдинской школе в п. Нори Надымского района, а с 1962 года в с. Яр-Сале Ямальского района. Одновременно вел активный образ жизни – участник агитбригады при районном доме культуры, участник лыжных соревнований. В школе кроме родного языка, стал преподавать уроки рисования в 5-7 классах, руководить кружком изобразительного искусства. Дети, которые ходили на его кружок, занимали призовые места на различных выставках. Один из них – Леонид Алексеевич Лар, известный ямальский художник.

Прадедушка продолжал писать стихи. Первый его поэтический сборник «Нюдякоця няданггода» («Маленький помощник») вышел в Екатеринбурге в 1966 году на русском и ненецком языках. Произведения Геннадия Пуйко печатались в журнале «Сибирские огни», альманахе «Север поет», окружных газетах «Красный Север» и «Наръяна Нгэрм», районной газете «Правда тундры».

Геннадий Алексеевич также известен как резчик по дереву и кости, как художник. Одной из его замечательных работ является портрет ненецкого композитора Леонида Лапцуя, близким другом которого он был.

Мой прадед был участником первого съезда писателей из числа коренных народов Севера. Награжден медалью к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина «За трудовую доблесть».

Не стало Геннадия Алексеевича в 2005 году, когда я еще не родился. Мама часто рассказывает нам с братом о своем дедушке. В домашней библиотеке много книг с произведениями знаменитого прадеда. А недавно я выступил перед одноклассниками с презентацией о нем. Ребята, увидев фотографии Геннадия Алексеевича, сказали, что мы очень похожи. Я очень горжусь, что являюсь потомком такого талантливого человека!

*Горлеева Алтана Эрдниевна,
Горлеева Ирина Александровна
Рук. – Горынцева Любовь Петровна
Ямало-Ненецкий автономный округ*

Горжусь своим прадедушкой

Захаров Иван Кутанович родился 10 февраля 1908 года на Дону в семье калмыка-казака. Рано потерял родителей, работал на зажиточных казаков. С приходом Советской власти стал работать табунщиком на военном конном заводе.

Когда началась Великая Отечественная война, мой прадедушка был призван в ряды Красной армии. Так как у него был опыт работы с лошадьми, по приказу генерала-полковника Оки Ивановича Городовикова был направлен на переправу племенных лошадей через реку Волгу в Казахстан. Испытывая голод, холод, в пути не раз попадали под бомбежку и обстрел с воздуха. Моему прадедушке удалось сохранить при перегоне через реку на другой берег всех лошадей. Самоотверженным трудом, личной инициативой он служил примером для других.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1944 года Захаров Иван Кутанович награжден медалью «За трудовую доблесть». Медаль так и не получил, так как в 1943 году был снят с фронта и выслан в Сибирь, как и весь калмыцкий народ. В Сибири также работал с лошадьми, табунщиком. В 1956 году вместе с женой и детьми вернулся на родину – в Калмыкию.

Работал бригадиром, имел много медалей за трудовую деятельность. Получил почетное звание «Ветеран труда». Прадедушка умер в 1991 году, так и не увидев свою медаль «За трудовую доблесть». Но, спустя 75 лет, справедливость восторжествовала. Благодаря усилиям нашей семьи, награда пришла к нам в дом 9 мая 2020 года. Сейчас она лежит перед портретом прадедушки.

Я никогда не видела своего прадеда, но много слышу о нем от дедушки, бабушки и моих родителей. Я очень горжусь им! Спасибо ему и всем, кто

воевал на фронте, а также тем, кто приближал Победу в тылу. Вечная слава всем ветеранам Великой Отечественной войны!

*Грушевская Александра Евгеньевна
Рук. – Влазнюк Валентина Ивановна
Республика Беларусь*

Орден войны

Мне нравится бывать у моей бабушки. У нее много фотографий в альбомах, а еще есть и в рамках. Я часто их рассматриваю, прошу бабушку рассказать о незнакомых мне людях. Есть у бабушки одна рамка, только там фотографии нет, а только значок и книжечка. И вот однажды вечером, когда мы с бабушкой сидели и рассматривали очередные фотографии, я спросила, что это за рамка, где только значок и книжечка. И бабушка рассказала историю о значке, который, на самом деле, оказался орденом Отечественной войны I степени. Орден дяди моей бабушки.

Моя бабушка родилась в д. Слободка, нашего района. Деревня небольшая, в 26 км от г.п. Лельчицы. Семья бабушки и большая половина родственников жили в этой деревне и соседних деревнях. Бабушкин дядя, которого звали Тарасовец Илья Петрович, родился в 1920 году в многодетной семье. В семье он был старшим, все девочки были младше его. У родителей дяди родственники жили в г. Речица. Иногда они приезжали в гости и в качестве подарков привозили книги и журналы. Поэтому в доме имелась литература. Папа дяди умел читать, и дома он учил своих детей читать. Когда дядя Илья пошел в школу, то он уже умел читать. В школе учился хорошо, был послушным ребенком. Любовь к книгам прививал и своим младшим сестренкам. Школу-семилетку закончил «на отлично». Но дальше учиться не пошел: семья была многодетная, в семье из мужчин только папа и он. Решил помочь родителям с младшими девочками. Так как в то время было мало образованных людей, то его взяли на работу в сельский совет секретарем. Работа ему нравилась, с делами справлялся хорошо. Но грянула Великая Отечественная война... Многие уходили на фронт. У дяди была возможность остаться работать в сельсовете, его пока не брали на фронт, но он обратился в военкомат и добровольцем ушел на фронт защищать свою Родину. Руководство военкомата посылает молодого солдата служить в штаб одной из частей Красной армии. Дядя добросовестно выполнял всю возложенную на него работу, выполнял все поручения, был ответственным, с уважением относился к товарищам по службе. Участвовал в боях, героически себя проявлял, за что ему было присвоено досрочно внеочередное звание – лейтенант.

Шла суровая война. При освобождении Беларуси, в районе города Орша, дядя Илья погиб в одном из боев, сражавшись вместе со своими товарищами против немецких захватчиков. Молодой, неженатый парень, как и многие-многие другие солдаты, погиб, защищая свою землю, свою Родину.

Закончилась тяжелая война, прошли годы. Родителей дяди Ильи не было в живых. Многие награды искали своих героев. Дядю Илью тоже нашла

награда. Ему был присвоен орден Отечественной войны I степени посмертно... Районный военкомат вручил орден младшей сестре дяди Ильи – маме моей бабушки. К этому ордену прилагается специальный документ. Так эти две ценные вещи оказались в рамочке, храня вечную память о героически погибшем дяде – Тарасовце Илье Петровиче.

Прошли еще годы. И вот, в один из весенних дней, перед Днем Победы, к сестре дяди Ильи пришел незнакомый человек. Им оказался сослуживец и товарищ бабушкиного дяди. Он из немногих оказался в живых и разыскивал родных своего товарища. Он приехал рассказать, как отважно воевал и погиб их родственник.

И сейчас, глядя на эти вещи в рамочке, моя бабушка гордится тем, что ее дядя был таким хорошим человеком, надежным товарищем и патриотом своей Родины.

Я думаю, что все мы должны знать и помнить о войне, своих родственниках и всех людях, отдавших жизни за наше мирное настоящее и мирное будущее.

*Зацепина Анна Андреевна
Рук. – Барковская Ольга Александровна
Московская область*

Свеча Памяти. Писаренко Андрей Владимирович

*Без венков и прощаний, в сапогах и панаме,
Сбросив капельки пота с непроросших усов,
Я саперной лопаткой, сжав проклятья у глотки,
Зарывал свою юность у афганских хребтов.*

Из солдатской тетрадки

Все начиналось в канун 1980 года – года Олимпийских игр, года радости и надежд. Не всем Новый год принес счастливую сказку. Кому-то в дверь постучались «похоронки», неся боль и страдания родным и близким. И так было все 10 лет войны в Афганистане.

Слишком рано обсыпала седина головы отцов и матерей погибших сыновей. Нет горше доли, чем пережить своих детей, потерять надежду на будущее, не иметь счастья увидеть своих внуков и не передать им свою любовь и нежность. И вознесся материнский вопль «Сынок! Прости!», но не найдя пристанища, улетел вслед за журавлями в синюю даль неба, где нет войны.

Родина помнит всех погибших сыновей – посмертно наградила их орденами и медалями. Много стихов, песен, книг написано о них, поставлены фильмы, созданы фонды, открыты музеи, но погибшие не придут домой, не обнимут родителей, не скажут: «Здравствуйте, дорогие мои, я вернулся! Я живой!» Вернуть молодых людей в их семьи никто не в силах.

Среди невернувшихся наш земляк – молодой сержант Андрей Владимирович Писаренко. Он погиб в бою, не дожив двух дней до своего двадцатилетия. Совсем еще мальчик, а уже воин-интернационалист. Это случилось 9 апреля 1986 года. Вся школа содрогнулась, когда представитель

Раменского военкомата сообщил его маме Надежде Алексеевне эту страшную весть. Андрея ждали домой живым и невредимым. Своей радостью, что скоро сын придет домой, Надежда Алексеевна ежедневно делилась с коллегами, неоднократно повторяла: «Слава Богу, скоро демобилизация! Уже считаю до встречи не дни, а часы. Наконец сын вернется домой!»

И вдруг такая беда! И вдруг такой удар! Друзья, родные, просто соседи помогли родителям выстоять, выжить. Хоронили солдата всем поселком. От страшного горя примолкли люди, притихли птицы. И природа, и люди в скорбном молчании провожали в последний путь героя. Безутешно плакала Надежда Алексеевна, из глубины ее души вырвались материнские слова: «Андрюшенька! Сыночек мой любимый! Не уберegli тебя! Прости нас!»

Андрей родился 11 апреля 1966 года в поселке Знаменка Троицко-Печорского района Коми АССР. Там же пошел в школу, а окончил учебу в Ганусовской школе поселка Рылеево, так как семья переехала жить в Московскую область.

Юноша хорошо учился, был активным участником всех спортивных соревнований, районных олимпиад. Андрей являлся участником всех олимпиад по химии, физике, математике.

Андрей, как один из лучших учеников, отдыхал во Всесоюзном лагере «Орленок» на берегу Черного моря. Там он получил навыки теории полета, штурманской подготовки, тактики ведения воздушного боя, парашютной подготовки, награжден значком ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу».

После школы Андрей учился в городе Москве в техническом училище. За время учебы проявил себя с положительной стороны. Из характеристики: «Андрей имеет отличные знания по всем предметам, грамотный, активный комсомолец. Любит спорт, имеет I-й взрослый разряд по лыжам и III-й по легкой атлетике, занимается самбо. Ведет большую общественную работу, требователен к себе и своим товарищам, политически грамотен, морально устойчив». При аттестации награжден значком «Отличник профтехобразования».

Училище дает ему рекомендацию в высшее военное училище, но Андрей по призыву идет служить в армию. Его направили на полгода в учебное подразделение по подготовке младших командиров, которое находилось в поселке Илиотань Туркменской ССР, а после учебы переправили в район боевых действий в гористую местность Гази Афганистана. Именно здесь у юноши возникло сильное желание продолжить карьеру военного и получить высшее политическое образование. При чтении его писем явственно представляется образ целеустремленного, умного, серьезного парня.

В апрельском письме 1985 года он описывает горы, с которых недавно вернулся. Сильные впечатления заставили взяться за перо и поделиться ими со своими родными: «Представьте, в начале подъема печет жаркое солнце и кругом разноцветные подснежники. Поднялись чуть выше и сразу почувствовали неуютный ветерок с мелким дождем. Когда поднялись на самую вершину, то дождь сменился снегом и пронизывающим ветром. В таких условиях ставили палатку и несли дозор до утра. К обеду снег растаял, и пошел

дождь. Когда спускались вниз, солнышко становилось теплее и теплее. За двое суток повидали и весну, и осень, и зиму. Красота гор и война – несовместимы. От "прогулок" в горы болят ноги, часто разбитые в кровь, и ветер пронизывает тело насквозь».

Домой летели письма, полные надежд и веры, что все будет хорошо: «Мама, читая долгожданное письмо от тебя, у меня даже сердце сжалось. Мама, прошу тебя, не надо так сильно переживать. Здесь можно служить, как в любом уголке нашей родины. Конечно, риск есть, но ведь любой человек на земле рискует каждый день – быть сбитым автомобилем, упасть на ровном месте и сломать руку или ногу. То, что ты читаешь в газетах, часто приукрашено. Только в очень критических ситуациях или по чьей-то глупости случаются несчастья. Мама, я очень прошу тебя: сильно не переживай – ведь я вот живой, здоровый, полный энергии, сижу и пишу тебе письмо».

Мама, читая письма, беззвучно шептала: «Господи! Спаси и сохрани!»

Сын не стеснялся писать о трудностях: «Вроде все нормализовалось. Живем по расписанию. Целыми днями огневая тактика. Устаешь больше, чем в горах. Времени свободного совсем нет. До двенадцати ночи расписаны учения, куда входят стрельбы и тактика. В двенадцать часов отбой, а в пять – подъем. Я сейчас в наряде – сам попросился, потому что мучаюсь с ногами. Сильно болят, а мазь достать почти невозможно. Покоряли такие вершины, о которых я раньше только слышал. Недавно спустились с высоты в 5700 метров, куда ходили на две недели. Здесь я познал крепкое чувство товарищества и узнал цену одного глотка воды. Здесь невыносимо жарко. В тени +35, а на солнце совсем кошмар. В горах воды нет, а без воды очень трудно. Во рту пересыхает так, что пища не идет. Во время операции лезли на гору всю ночь, но воды там не оказалось. С вертушек сбрасывали, но она почти вся проливалась, и мы оказывались ни с чем. Воду делили по шесть пробок от фляжки на человека. Затем решили спускаться за водой в селение. Уходили в четыре утра, а возвращались к обеду, с водой трудно, тяжело, но зато живем».

Еще одно письмо, где он делится пережитым: «Я вернулся из командировки! Все трудности, которые были вызваны определенной ситуацией и не в нашу пользу – позади. Пишу поздно ночью. С утра уезжаем в колонну на трое суток, а может, и на неделю. Колонна – это не так страшно, как пишут в газетах. Бывают обстрелы, чаще подрывы, в основном слабые. Дело заканчивается оторванным колесом БТР, а людей контузят». В этом письме он также пишет, как «лазили возле Пакистана. Обратил внимание на удивительную красоту здешних гор, которые покрыты кедрами, елками и деревьями для меня неизвестных пород».

В честь годовщины службы в Афганистане для Андрея и его друга Валеры по Всесоюзному радио передавали концерт с зачитыванием некоторых строк из писем Андрея. Он и радовался, и стеснялся быть знаменитым.

Младшему брату Андрей писал такие слова: «Сергей, не лентяйничай, помогай родителям по хозяйству. Воспитывай в себе силу воли. Это нужно современному простому солдату. Да и ешь разнообразную пищу – армии нужны люди крепкие и здоровые. Нытики и лентяи здесь числятся в черных

списках, их никто не уважает». (Сергей, несмотря на гибель брата, выбрал военную профессию.)

Было много опасных боев, и Андрей откровенно писал сестре Вере: «Больше года служу, а цел и невредим. Жизнь тянется от операции до операции, такая, какая, возможно, была разве на прошлой войне. Только здесь проверяется человек, только здесь испытываешь разные тяготы и трудности, после преодоления которых испытываешь радость и гордость за то, что сумел выстоять, не согнулся, не испугался. Здесь я пересилил страх перед смертью. Уже не раз я смотрел ей в глаза. Видел смерть товарищей. В свой день рождения 11 апреля чудом ее избежал. Просто "духи" при десантировании побили мою вертушку. Для нас все закончилось благополучно, а "духам" вломили по самые уши: захватили и уничтожили ту установку, с которой нас продырявили. Это запомню на всю жизнь. Свищут пули, пот течет, смешиваясь со слезами, насаждают и окружают душманы, и все это надо вынести, сберечь себя и защитить друзей».

Таких молодых парней, как Андрей, лучших из лучших, и брали исполнять так называемый «интернациональный» долг. Андрей участвовал в одиннадцати боевых операциях.

9 апреля 1980 года в бою в районе населенного пункта Чамкани Андрей со своим отделением действовал в составе мотострелковой роты, во время атаки в числе первых ворвался на позицию противника и подавил несколько огневых точек. При выходе из Чамкани душманы блокировали ущелье, и в очередной схватке Андрей погиб. Это был его последний бой. Как командир, даже в последние дни службы, он не мог отправить в бой ребят одних и пошел вместе с ними: по-другому он поступить не мог.

После его смерти осиротели и родители, и друзья. Для всех стало меньше света, воздуха, тепла и добра. Память об Андрее будет жить долго. По призыву молодым и здоровым ушел он служить в ряды Советской Армии. Сколько сделал бы полезного он для других и для себя!..

В школе оформлен стенд его памяти, в музее хранятся семейные реликвии, подаренные Надеждой Алексеевной.

29 августа 2014 года на здании Ганусовской школы была открыта мемориальная доска памяти Андрея Писаренко, ее бывшего ученика.

*Илюшкина Валерия Артемовна
Рук. – Нестерова Любовь Михайловна
Московская область*

Моя... исповедь

Взволнованная, иду в наш школьный музей, с нескрываемым трепетом беру альбом, целиком посвященный жителю села Еганово, герою-пограничнику, коммунисту Федору Васильевичу Барынину. Он открывается фотографией советского офицера. Мужественное лицо, умные, чуть-чуть задумчивые глаза, в петличках – знаки различия довоенных лет.

Ровесник века, Федя Барынин родился 7 января 1900 года. Сыну крестьянина-бедняка не суждено было окончить даже начальную школу. Чуть подрос – и пришлось идти мальчиком в чайную, чтобы заработать семье несколько рублей. Потом в Москве трудился, где и прошел школу рабочей закалки.

В 19 лет юноша ушел на фронт, на Гражданскую войну. В 1932 году начал службу в войсках НКВД. И снова армия... Снова испытания: тяжелые бои под Халхин-Голом, штурм линии Маннергейма. За героизм, проявленный в боях с белофиннами, был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Закаленный в сражениях, капитан Барынин был направлен комендантом пограничного отряда в Львовский военный округ.

В мае 1941 года вместе с супругой Федор Васильевич побывал в родных краях, на Боровском кургане, обошел окрестности села Еганово, наведаясь в соседнюю деревню Зеленая Слобода, где в детстве дружил с братьями Георгием и Серафимом Знаменскими – впоследствии знаменитыми бегунами. И где бы ни появлялся Федор Васильевич, его непременно окружала ватага ребятишек: «Дядя Федя, расскажи, как ты воевал, за что орден получил?»

Когда вернулся на пограничную заставу, снова потянулись дни нелегкой службы, с бессонными тревожными ночами, проверкой постов, контрольной полосы. На рассвете 22 июня 1941 года здесь пограничники под командой капитана Барынина приняли неравный бой с гитлеровцами.

Перед нами два письма из музейного архива. Автор первого – бывший политрук подразделения М. Скрылов. Он пишет: «Я свидетель его гибели под селом Канела Жашковского района. На нас двигались вражеские танки. Тов. Барынин с пистолетом и гранатами пошел вперед...»

Второе письмо написано бывшим санинструктором Натальей Алексеевной Приблудной: «В критический момент боя пограничник Барынин поднялся во весь рост: "За Родину! Смерть фашистам!" С пистолетом и связкой гранат он пошел на вражеские танки. Пулеметная очередь сразила его. Подвиг героя потряс бойцов. Тогда из ста воинов-пограничников в живых осталось лишь семеро...»

А это из сухих документов, которые трогают не меньше! «Федор Васильевич Барынин, уроженец с. Еганово, капитан 92 погранотряда, начал свою войну 22 июня 1941 года в 3 ч. 15 мин. утра на западной границе. Несмотря на ожесточенное сопротивление, пограничникам пришлось отступить. Свой последний бой капитан Барынин принял 19 июля 1941 года у с. Канела на Киевщине». Очевидцы вспоминают: «Отряд Барынина подбил 4 танка, но их было много, они надвигались на бойцов и прижимали их к земле. Чтобы поднять боевой дух отряда, капитан Барынин встал в полный рост из укрытия и со связкой гранат в одной руке и пистолетом в другой пошел на надвигающиеся громадины. Бросил гранаты под танк, а потом начал стрелять по смотровым щелям. Вслед за командиром в атаку поднялись бойцы. Но Федор Васильевич этого уже не увидел. Он погиб, приняв первый удар на себя».

В центре села Еганово стоит памятник воинам-землякам, павшим на поле брани. Сюда часто приходила Мария Васильевна – сестра героя. Она клала к подножию обелиска три букета полевых цветов. Ведь, кроме Федора, с войны не вернулись еще два ее родных брата – Петр и Александр. Память о них незабвенна. Уже давно нет в живых Марии Васильевны, а у памятника никогда не вянут цветы... Теперь точно, я обещаю, здесь всегда будут свежие цветы...

Стыдно признаться, но лишь недавно я сделала для себя открытие... Да, я читала книги о войне. Да, я узнавала о подвигах героев. Да, возлагала цветы к подножию памятников войны. Помните, как поется в известной песне из кинофильма «Офицеры»: «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой»...

Администрация сельского поселения Чулковское к юбилею Дня Победы организовала работы по благоустройству территории памятника в селе Еганово и его обновлению. А мы, учащиеся школы, вместе со своими педагогами помогали убирать ремонтный мусор, наводить чистоту и порядок. Но не только. Ребята класса получили задание собрать информацию о тех, чьи фамилии выбиты на мемориальной доске памятника. Мы обратили внимание на три из них: А.В. Барынин, П.В. Барынин, Ф.В. Барынин. При выполнении этого задания выяснилось, что я внучатая племянница братьев Барыниных, офицеров, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. А за этими фамилиями стоят не далекие «книжные» герои войны, а реальные, настоящие, родные... И я испытываю одновременно и стыд, что не знала, не интересовалась... и гордость, нескрываемую гордость...

Семья Барыниных принесла на алтарь Отечества жизнь трех сыновей: Петра, который, окончив военную академию имени Фрунзе, участвовал в обороне Сталинграда, в боях за освобождение Киева, Кишинева, городов Венгрии, где и погиб в г. Сексард в 1944 году в звании подполковника, Александра и Федора...

А совсем недавно от своих учителей я узнала: будучи детьми моего возраста, они на территории нашей родной школы в память о братьях Барыниных, ветеранах войны, посадили аллею...

Светлая память вам, ветераны!

*Ипполитова Галина Ивановна
Рук. – Баранова Ирина Владимировна
Саратовская область*

История России на улицах Аткарка

Дорогой читатель! Возможно, ты давно закрыл школьный учебник истории, но, согласись, история – это не просто школьный предмет! Нас, россиян, живущих в больших и малых городах, в горных аулах и селах, история встречает ежедневно. Россия умеет и хранит исторические здания, памятники государственным деятелям разных эпох, песни, обычаи – словом, все то, что корнями уходит в нашу историю.

И сегодня я приглашаю вас прогуляться по улицам моего родного провинциального города районного значения – города Аткарска, хранящего историю России.

Статус города пожаловала Аткарску императрица Екатерина II в 1780 году.

Вплоть до 1870 года Аткарск оставался «соломенным городком». Поворотным моментом в истории города становится строительство Рязано-Уральской железной дороги, связавшей Поволжье с Центральной Россией. Начинается бурное развитие промышленности и торговли, население города увеличивается многократно.

Изучая историю, мы с вами, уважаемый читатель, часто встречали определение «роль личности в истории» Так вот и в истории Аткарска есть личность, заложившая основы развития города на несколько веков вперед.

В 1894 году на пост городского головы заступает деятельный и энергичный Федор Николаевич Павлюков. Вплоть до 1917 года он будет занимать эту должность и превращать Аткарск из «соломенного городка» в богатый и быстро растущий уездный город.

Деятельность Павлюкова строилась на двух эпохальных убеждениях: население должно быть образованным, город – красивым. И потому Федор Николаевич развил бурную деятельность, открывая в городе училища, женскую гимназию и строя краснокирпичные здания под учебные заведения.

И сейчас, дорогой читатель, мы стоим с Вами на центральной улице Аткарска, носившей во времена Павлюкова название Петровская (так как улица выходила на центральный тракт, ведущий в г. Петровск), а нынче – Советская. Именно здесь деятельный глава построил в конце XIX – начале XX века пять краснокирпичных зданий. Все пять зданий и сейчас продолжают служить аткарчанам, три из них – образованию. Краснокирпичные здания с затейливыми резными башенками, карнизами, парапетами, сандриками дают нам представление об архитектурном наследии в стиле русского модерна XIX века.

Напомню, дорогой читатель, мы с Вами рассуждаем о роли личности в истории. Итак, Федор Николаевич Павлюков в конце XIX века ездит в Санкт-Петербург, самолично выбирает архитектурные проекты, привозит их в Аткарск и самолично строго контролирует процесс строительства. Возможно, благодаря такому личному контролю первого лица города, краснокирпичные здания и возведены были с большим качеством. А дальше?

А дальше в этих зданиях учились, в том числе и военному делу, выдающие люди нашей страны.

Здание 1.

Уважаемый читатель, мы с Вами стоим напротив краснокирпичного здания, где сейчас располагается одна из самых больших школ Аткарского района – школа №9. Краснокирпичное здание, построенное Павлюковым в 1903 году, с 1 июля 1904 года было отдано под Аткарскую женскую гимназию. С 1907 года по 1915 год в пристройке к зданию работает начальное мужское

училище. В 1907 году Аткарская женская гимназия переезжает в отдельное краснокирпичное здание.

Итак, нынешняя школа №9 – преемник классического и трудового образования XIX века.

Здание вместе со страной переживало исторические события. Так, во время Первой мировой войны 1914 – 1918 годов, в здании школы размещалась учебная часть 159-го запасного пехотного батальона, в котором три месяца проходил обучение будущий легендарный комдив Василий Иванович Чапаев. Из-за нехватки учебных пособий тексты воинской присяги, устава наносили прямо на стены кабинетов.

Совсем недавно, во время традиционных летних ремонтов, на стенах школьного актового зала были обнаружены строчки «Молитвы перед боем» и знаки азбуки Морзе. Удивила стена лаборантской, на которой проступили следующие строки: «Воинская дисциплина требует точного немедленного исполнения...». Как рассказала жителям района «Аткарская газета», написанное на стене определение понятия «воинская дисциплина» взято из пособия для зимних занятий с унтер-офицерами пехоты 1900 года.

В 1922 году в стены этого исторического здания, где уже размещена школа, приходит учиться будущий народный артист СССР – Борис Федорович Андреев. Андреев (1915 – 1982) родился в период Гражданской войны в Аткарске. Увлекался чтением книг. Как и все аткарские мальчишки, любил рыбачить на Медведице и Аткаре, участвовал в школьной художественной самодеятельности. Артист снялся в 62 кинофильмах, озвучил 6 мультфильмов. Благодаря Борису Андрееву, Аткарск вошел в историю отечественного кинематографа. В эпизоде фильма «Два бойца» есть трогательная сцена, где, подписывая конверт, боец произносит: «весточка летит в Аткарск возле Саратова». В 2015 году память великого артиста увековечена мемориальной Доской на здании школы №9. В 2020 году в честь великого актера в аткарском городском парке установили единственный в России памятник легендарному земляку и киноактеру.

Здание 2.

К ансамблю краснокирпичных зданий относится и здание школы №3. В 1903 году в этих стенах чайниками деятельного главы Павлюкова было открыто мужское реальное училище. Деятельность таких училищ была направлена на распространение технических знаний. Здесь преподавали практическую химию, практическую механику, рисование и черчение. Реальное училище было острой необходимостью в вопросе подготовки кадров для развивающихся в г. Аткарске предприятий железнодорожного узла.

В 1918 году школа продолжает служить образованию народа, но уже как Первая Аткарская трудовая школа II ступени. В стены этой школы приходит учиться будущий художник Александр Павлович Бубнов. Учебу в школе Александр сочетал с занятиями в художественной студии у преподавателя Николая Яковлевича Федорова. Одним из самых близких друзей будущего художника становится Владимир Антонов – будущий Герой Советского Союза.

Память о выдающихся земляках Аткарск хранит. Открыт фольклорно-этнографический музей имени А.П. Бубнова, ведь, будучи мальчишкой, он увлекался этнографией, историей. В музее школы №3 организована выставка личных вещей генерала Владимира Семеновича Антонова, в том числе дневник, который он вел в годы Великой Отечественной войны.

Уважаемый читатель, мы с Вами познакомились с историей двух из пяти краснокирпичных зданий, построенных в Аткарске на переломе XIX – XX веков благодаря энергии, вере в свой народ и в будущее страны городского главы Федора Николаевича Павлюкова. Как видим, потомки оправдали его надежды. Из стен его зданий вышли настоящие патриоты нашей страны, вошедшие в историю своими ратными делами и творчеством.

Документы, исторические снимки, автографы этих и других выдающихся земляков Аткарской земли собирают и хранят сотрудники Аткарской центральной библиотеки. Приезжайте к нам в Аткарск. Мы продолжим знакомить Вас с историей страны, которая выросла на улицах нашего провинциального города. До встречи!

*Казакова Людмила Викторовна
Московская область*

**О Федоре Шаляпине в Балашихе,
или литературный мир Николая Горбунова**

Несколько лет назад мне посчастливилось познакомиться с удивительным человеком – писателем, журналистом-международником, ветераном ТАСС Николаем Ивановичем Горбуновым, который уже многие годы увлеченно и плодотворно занимается исследованием зарубежного периода жизни и творчества великого русского артиста, гения отечественной культуры, легендарного оперного певца Федора Ивановича Шаляпина, чей 150-летний юбилей широко отмечался в феврале 2023 года в учреждениях культуры подмосковной Балашихи.

О Ф.И. Шаляпине в Балашихе знают многие: и представители старшего поколения, и подрастающего. И это благодаря усилиям и стараниям, которые, несомненно, поддерживаются администрацией города и, в первую очередь, управлением культуры, замечательного нашего земляка, писателя и журналиста Николая Ивановича Горбунова.

Знакомство с Николаем Ивановичем Горбуновым, который долгие годы работал корреспондентом ТАСС в странах Северной Европы, и его литературным миром началось в 2017 году, когда в литературно-публицистическом журнале «Балашиха: Голоса сердец» в преддверии еще 145-летнего юбилея легендарного исполнителя Ф.И. Шаляпина готовилось интервью ученого секретаря Централизованной библиотечной системы Балашихи Наталии Крыловой с Н.И. Горбуновым. Он, как оказалось, наш земляк – балашихинец, но в силу своей профессиональной занятости до этого в нашу библиотеку не заходил.

И вот – он у нас в гостях. Захватывающее интервью с ним читаю в числе первых, поскольку являюсь членом редакционной коллегии журнала. Удивительная, насыщенная жизнь журналиста-международника. Занимаясь изучением зарубежного периода жизни и творчества Ф.И. Шаляпина, Николай Иванович был участником интересных встреч и событий, удивительных знакомств и уникальных находок. Об этом он и вел разговор с читателями Балашихи на страницах журнала, а потом – на встречах, фестивалях, литературно-музыкальных вечерах, которые с большим успехом проходили в Центральной городской библиотеке им. Ф.И. Тютчева.

Помнится литературно-музыкальный салон, посвященный 145-летию со дня рождения великих гениев русской культуры Ф.И. Шаляпина и С.В. Рахманинова, который прошел в Центральной городской библиотеке им. Ф.И. Тютчева в феврале 2018 года.

Готовились к проведению салона задолго. Тщательно подбирались репертуар, в который вошли любимые произведения, исполняемые певцом, и произведения композитора, которые передают настроение и состояние творцов музыки и пения. И все это искусно вплела в интересный, познавательный рассказ о великом русском певце Ф.И. Шаляпине и великом русском композиторе С.В. Рахманинове ведущая салона, председатель Балашихинского музыкального общества, заслуженный работник культуры РФ М.А. Чернова.

И, конечно же, в вечере принял участие журналист-международник, член Союза писателей России, член межрегионального Шаляпинского Центра, автор (на тот момент) семи книг о зарубежном периоде жизни Федора Шаляпина Николай Иванович Горбунов. Он рассказал присутствующим о своих удивительных находках шаляпинского периода жизни за рубежом и встрече с его дочерью Мариной в Риме.

Вечер получился удивительно светлым, насыщенным прекрасной музыкой и словом. Его участников, представителей многих учреждений культуры города, тепло приветствовала директор Балашихинской Централизованной библиотечной системы, кандидат педагогических наук Л.Н. Покрасова, которая отметила высокое исполнительское мастерство, любовь к высокому искусству и трепетное отношение к порученному делу всех, кто принял участие в подготовке и проведении салона. И все это почувствовал благодарный зритель, пришедший в этот день в библиотеку и одаривший исполнителей долгими овациями.

Такой же теплой и душевной была встреча Н.И. Горбунова в марте 2018 года с представителями старшего поколения в рамках программы культурно-оздоровительного клуба «Золотой возраст». Через литературное творчество многоуважаемого Николая Ивановича Горбунова, через его литературный мир балашихинцы стали намного ближе к непростому периоду жизни знаменитого соотечественника – Федора Ивановича Шаляпина.

После цикла мероприятий в год 145-летнего юбилея гениального актера и певца дружба с писателем Н.И. Горбуновым продолжилась. Со своими новыми книгами он шел в тютчевскую библиотеку Балашихи, ставшую ему по-

настоящему вторым домом, местом добрых встреч и новых знакомств, бесед и откровений.

В феврале следующего, 2019 года, в библиотеке прошел литературный вечер, посвященный выходу в свет новой книги писателя-земляка «Федор Шаляпин в Южной Америке», посвященной латиноамериканским гастролям певца, о которых ранее ничего не было известно. Это восьмая книга автора, относящаяся к 16-летнему зарубежному периоду (1922 – 1938 гг.) жизни и творческой деятельности великого русского артиста, который много гастролировал, открыв тем самым отечественной опере путь на сцены лучших театров мира. Автору удалось подробно воссоздать события почти вековой давности о выступлениях русского оперного и камерного певца на латиноамериканском континенте, в программах которого были произведения разных жанров и направлений, но особое внимание уделялось русским народным песням, звучащим на родном языке. И публика, не понимавшая русский, тем не менее, воспринимала выступления Ф.И. Шаляпина с восторгом и многократно вызывала на «бис».

Об этом и о многом другом писатель поведал участникам литературного вечера, представляя свою новую книгу. Увлекательный рассказ Н.И. Горбунова гармонично чередовался с голосом великого певца, звучащим в зале знаменитых песен «Эй, ухнем», «Вдоль по Питерской» и др.

Вместе с сыном Дмитрием, который в этот радостный день был рядом со своим отцом, Николай Иванович Горбунов с удовольствием посетил литературный музей жизни и творчества Ф.И. Тютчева, оставив в книге отзывом слова благодарности в адрес библиотечных специалистов за просветительские мероприятия, направленные на сохранение культурного наследия страны.

Февраль – месяц рождения Ф.И. Шаляпина. Чаще всего мероприятия с участием Николая Ивановича проходили в преддверии или в день рождения певца и актера. Не исключением был и февраль 2020 года, когда Н.И. Горбунов представил балашихинским читателям свою книгу «Мартти Талвела. Душа артиста» – книгу о «финском Шаляпине», с которым писателя связывали долгие годы дружбы. Эта книга написана к 75-летию со дня рождения великого финского артиста, которого называли «финским Шаляпиным» за огромное сходство голосовых данных и внешнего вида с русским певцом. Выходу в свет этой книги содействовали интервью, беседы, встречи, а потом и личная дружба с известными отечественными и зарубежными артистами, режиссерами, художниками, такими как Евгений Нестеренко, Владимир Чернов, Ирина Архипова, Владислав Пьявко. Поэтому книга наполнена интересными подробностями из жизни гастрольной деятельности, дружбы великих голосов мира, а самое главное, автор открыл для нас историю жизни одного из самых великих обладателей уникального баса нашей современности Мартти Талвела, который искренне преклонялся перед великим Шаляпиным.

История, рассказанная автором, «приоткрыла дверь» рядовому читателю в прекрасный мир музыкального искусства. Автор приготовил много фотографий из своего архива, которые демонстрировались на большом экране.

Участники встречи с огромным вниманием слушали на русском и на финском языках великий бас Мартти Талвела.

22 декабря 2021 года встреча с Николаем Ивановичем Горбуновым на тему «Русские вечера Ф.И. Шаляпина в Канаде» проходила как дебютная встреча, открывшая цикл мероприятий, посвященных предстоящему 150-летию со дня рождения Ф.И. Шаляпина и С.В. Рахманинова. Николай Иванович познакомил участников встречи с некоторыми фактами биографии Ф.И. Шаляпина и С.В. Рахманинова, рассказал об их многолетней дружбе и творческом союзе. Особое внимание Николай Иванович уделил неизвестным и забытым эпизодам заграничного периода жизни и гастролей Федора Шаляпина (1873 – 1938 гг.), которые легли в основу монографии Н.И. Горбунова «Федор Шаляпин в Европе и Северной Америке».

На встрече прозвучали записи песен в исполнении Ф.И. Шаляпина. Настоящим музыкальным подарком стала «Песня о блохе» русского композитора Модеста Мусоргского в великолепном исполнении Алексея Геннадиевича Васильева и Елены Юрьевны Корнеевой – преподавателей Детской духовой музыкальной школы №2 городского округа Балашиха.

2022 год вошел в историю культурной жизни Балашихи как год открытия первоначальной музейной экспозиции, посвященной жизни и творчеству Федора Ивановича Шаляпина. 11 февраля в Центральной городской библиотеке им. Ф.И. Тютчева состоялся торжественный акт передачи ДШИ №3 личного архива Николая Ивановича Горбунова – первый шаг в создании музея жизни и творчества Ф.И. Шаляпина в Подмосковье.

4 апреля 2022 г. балашихинцам выпала большая честь и ответственность открыть в современном здании Детской школы искусств №3 первоначальную экспозицию музея жизни и творчества Ф.И. Шаляпина и собрать уникальную и полную коллекцию книг Н.И. Горбунова. В этот день состоялась презентация новой книги Николая Ивановича «Федор Шаляпин в Подмосковье», которую он с радостью дарил участникам торжества.

Встреча под названием «Мое имя не раз прославляло мою Родину» прошла в Центральной городской библиотеке им. Ф.И. Тютчева в феврале 2023 г. уже в рамках празднования 150-летнего юбилея великого русского артиста. Автор уже десяти книг о Ф.И. Шаляпине, Н.И. Горбунов вел душевный разговор с читателями Балашихи, увлеченными творчеством незабвенного певца. На встречу пришли учащиеся и педагоги Детской школы искусств № 1 им. Г.В. Свиридова.

Вот такая история о том, как через литературный мир Николая Ивановича Горбунова, писателя-земляка, многим балашихинцам стал ближе творческий мир гения отечественной культуры, легендарного актера и оперного певца Федора Ивановича Шаляпина.

*Канкаев Эрдни Потаевич
Республика Калмыкия*

Воинам 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии

Затянуло окопы, как раны.
 Под травую забвенья пора
 Той войны. Здесь гостят постоянно
 Только солнце, луна и ветра.

Поле боя... Неведомо людям,
 Сколько их, тех полей, по стране.
 Верю, главное мы не забудем –
 Подвиг павших на страшной войне.

Здесь сражались отважно калмыки,
 И в душе все видней и слышней
 Храбрых воинов светлые лики,
 Грохот взрывов и топот коней.

Храбрецы, что посмертную славу
 Добывали в жестоком бою,
 С вами я у донской переправы
 До конца, стиснув зубы, стою...

Полегла за степные просторы,
 За Россию дивизии рать.
 Не приучены внуки Хонгора*
 Перед лютым врагом отступать!

За рекой не искали спасенья.
 Там, где взрывы сплошные гремят,
 Все команды для них – преступленье,
 Кроме этой: «Ни шагу назад!»

Вот и стали для вражьего войска
 Нерушимой преградой они.
 И шагнул там в бессмертье мой тезка –
 Незабывтый народом Эрдни**!

Серебрится ковыль под ногами.
 Но не властна забвенья трава
 Затянуть благодарную память,
 Что в потомках ойратов жива!

* Богатырь калмыцкого героического эпоса «Джангар».

** Герой Советского Союза Эрдни Деликов.

Кирилин Самуэль Викторович
Рук. – Чупыркина Инна Николаевна
Республика Беларусь

Язык до правды доведет

Память активна.

Она не оставляет человека равнодушным, бездеятельным.

Она владеет умом и сердцем человека.

Память противостоит уничтожающей силе времени.

Лихачев Д.С.

Вся история человека и человечества с древнейших времен и до наших дней – это борьба добра и зла.

Что такое добро – знают все. Это все хорошее, полезное, что есть в тебе, что ты несешь людям, тебя окружающим. Это, наконец, то, что ты сумеешь дать своей стране и миру.

Со злом сложнее. Зло может быть откровенно понятным и открытым, а может быть тщательно замаскированным, спрятанным от глаз человека.

Наша литература в лучших своих произведениях всегда поднимала вопросы борьбы добра со злом. Судьба литературы неотрывна от судьбы народа. Последние годы на страницах газет и журналов появляются воспоминания тех, кто прошел сталинские лагеря, был схвачен по доносу предателей, пережил сполна горе и унижение, выпавшие на их долю.

На душе почему-то смутно... Полумрак... За окном шелестят деревья, а в комнате слышен хриплый, надрывающий душу голос Владимира Высоцкого: «А на левой груди – профиль Сталина...» Память тотчас же рисует хитрое рябое лицо, густые усы, прячущие усмешку. Человек, которому поклонялись, которого боялись десятки лет... Человек, создавший систему, уничтожившую миллионы, заставившую народ встать на колени. В памяти всплывают строчки из песни Игоря Талькова:

Столько б горя страна не увидела
Ни в войну, ни перед войною
Из-за крупных и мелких вредителей,
Если б я был кремлевской стеною:
Я ронял бы, ронял бы кирпичики
На вредителей плоские лбы,
И глядишь, не возник бы культ личности,
И войны, может, не было бы.

Выключаю музыку. Тревога, тоска... Что же почитать? Сегодня не хочется брать в руки публицистику с ее страшными цифрами.

Хочется рассказать о судьбах близких людей, прошедших через тяжелые испытания в годы войны и в послевоенные годы.

Мой дедушка Максаков Александр Андреевич родился в деревне Лесная Славгородского района Могилевской области. Ветеран Великой Отечественной войны, он был комиссован по ранению: в одном из боев ему прострелили правую руку.

Именно там, на фронте, решил стать врачом. Во время одного из боев бойцы вынуждены были отступать. Бежали быстро. Вокруг рвались снаряды. Одного из бойцов ранило в живот. Он попросил у бабушки закурить. Бабушка, понимая, что боец умирает и что хуже уже не будет, дал ему закурить и прикрыл бойца шинелью.

В том бою был ранен и дедушка. Встретились они с бойцом в госпитале. Оба выжили.

В послевоенное время дедушка окончил медицинский техникум в городе Гомеле. Там он познакомился с Софией Самуэльевной, моей бабушкой. Она ему сразу приглянулась. Высокая, черноволосая, родом из Сибири. В первые годы жизни в Белоруссии не всегда хорошо понимала белорусский язык, но вскоре освоилась, и в ее речи стали появляться белорусские слова.

Они поженились. После окончания техникума поехали работать в сельскую больницу.

Послевоенное время выдалось тяжелым для всего народа. Сгоревшие дома, нищета, голод. Своего дома у молодых врачей не было: жили в бане, которую отдали им сельчане.

Работать приходилось много, часто ездили на лошади к больным по ночам, помогали роженицам. Растили детей, мечтали о счастливой жизни.

Но однажды беда постучалась в их дом: мужа прямо с работы забрал воронок, он был арестован. За что, никто не знал.

Плакала-горевала София Самуэльевна, ждала мужа, но он не возвращался. Знала: слезами горю не поможешь. Поехала в Славгород, затем в Могилев, стала добиваться на прием к высоким чиновникам. Как и многие женщины, чьи близкие были арестованы, часами простаивала в очередях в надежде, что вдруг что-то прояснится в судьбе их родных и их освободят. Верила людям и молилась Богу. Таким был удел многих женщин.

И вдруг однажды в очереди София Самуэльевна встретила женщину, речь которой ей показалась до боли родной. Да, да, она не ошиблась: этот русский «говорок» был ей знаком. Внутри у нее как будто что-то вскипело. Перед глазами стали всплывать один за другим родные лица, запахи, ощущения. Память уносила ее куда-то далеко в прошлое, где все было для нее родным и любимым. Это ее детство и юность – родная Россия. Все это увидела сквозь призму времени София Самуэльевна в стареньком и морщинистом лице совершенно незнакомой ей женщины с сильно выраженным русским говором.

«Да, именно она мне поможет!» – неожиданно для себя подумала София Самуэльевна. Она пригласила россиянку ночевать к себе.

К этому времени женщина знала, что мужа обвиняют в хищении государственных ценностей, которые были спрятаны во время войны при отступлении армии. Это была клевета. Но как доказать, что он их не брал?

Всю ночь женщины проговорили, пели русские песни, рассматривали фотографии. Родную русскую речь приятно было слушать Софии Самуэльевне, живущей в Белоруссии. Она опьяняла сознание, согревала душу, открывала второе дыхание. Ирина Петровна (так звали гостью) рассказывала о том, как нелегко живется сейчас честным людям, прошедшим через испытания войной,

как приходится постоянно экономить, чтобы накормить семью, мерзнуть из-за отсутствия топлива, в то время как некоторые сумели свить себе уютное гнездышко и живут безбедно.

Действительно, война породила слой людей, которые смогли беззастенчиво нажиться на народном горе. Разного рода жулики делали состояния на сокрытии товаров. Жизнь ее соседа-чиновника была тому ярким подтверждением. Именно к его дому однажды темной ночью подъехала машина (Ирина Петровна оказалась случайным свидетелем), из которой были выгружены различные ящики и коробки. Что было в них, она не знала, но чувствовала, что это произвол, совершается преступление, разворовываются государственные ценности.

София Самуэльевна на следующий день поехала в город Могилев и рассказала о преступлении, совершенном этим чиновником. Государственные и партийные органы, принимая ряд неизбежных мер против лиц, вызвавших возмущение граждан, закрепляли в сознании людей надежду, что могут стать высшим гарантом справедливости.

Так русский «говорок», случайное знакомство в очереди (а может, и неслучайное, может, это судьба) помогло моей бабушке освободить своего мужа, доказать его невиновность и наказать по заслугам истинных преступников.

С тех пор эта семейная история передается из поколения в поколение. Незнакомая женщина доверила бабушке свою тайну, потому что увидела в ней свою землячку, сблизил их русский язык. Слово помогло спасти дедушку, которого мы могли бы никогда не увидеть.

Еще одна человеческая судьба, едва не сломанная сталинскими репрессиями.

В тишине комнаты приходят на ум строки стихотворения Ивана Сергеевича Тургенева «Русский язык». По-настоящему начинаешь понимать глубину мысли писателя, для которого «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах... Родины» «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» был надеждой и опорой.

Взволнованный и пронзительный язык произведений художественной литературы, воспоминания простых людей о жизни в послевоенное время помогают донести правду о пережитом. А нашему поколению предстоит сохранить эту память и передать своим детям.

*Кириюткина Мария Михайловна
Рук. – Евсикова Татьяна Алексеевна
Калужская область*

Детство – счастливая и беззаботная пора, наполненная смехом и радостью, мечтой, любовью близких людей; мир, расцвеченный всеми красками радуги. А каким оно было у детей, в жизнь которых когда-то безжалостно вторглась война? У войны совсем другие цвета – серо-черные, холодные и голодные, и постоянное ощущение страха и боли. Опаленным

войной оказалось и детство у сотен ребятишек оккупированного фашистами Хвастовичского района Калужской области. Их воспоминания связаны с немецкой неволей и непомерными страданиями.

Воронову Кузьме Ивановичу, уроженцу деревни Нехочи, было всего 8 лет, когда началась Великая Отечественная война. Уже в сентябре 1941 года в его родной деревне появились фрицы. Зазвучала чужая речь, по улицам деревни по-хозяйски расхаживали немецкие солдаты, играли на губных гармошках, смеялись, бесцеремонно отбирая у женщин последние запасы еды. А есть хотелось постоянно. Приходилось тайком собирать гнилой картофель на полях.

В один из июньских дней 1943 года в Нехочах началась эвакуация. Фашисты сгоняли всех жителей в центр деревни. Некоторым односельчанам удалось убежать и спрятаться в кустах. Другим, как семье Вороновых, не повезло. Десятилетний Кузя вместе с мамой и тремя сестренками (самой младшей шел всего второй годик) оказался в толпе людей, которых немцы погнали в Брянск. Шли быстро; тех, кто падал от усталости, били, пинали сапогами, наставляли дуло автомата.

Прибывшую на железнодорожный вокзал толпу под охраной солдат и собак повели к товарному поезду. Людей затолкали прикладами в крытые вагоны. Ехали стоя, потому что народу в вагонах было столько, что некуда было протянуть ноги. Часто стояли в тупиках, давая дорогу эшелонам, идущим на восток. От духоты, грязи, голода не было сил. Постоянно мучила жажда: приходилось пить воду, которую паровоз спускал на остановках как отработанную. Так несколько дней поезд следовал из Брянска в неизвестном направлении. Не все могли выдерживать нечеловеческие условия: люди умирали, и в первую очередь дети.

Первой большой остановкой оказался город Бобруйск (Белоруссия). Здесь, в длинных бараках с трехъярусными нарами, пропитанных затхлым воздухом, пришлось зимовать. Рано утром взрослых угоняли на работу. Женщины до позднего вечера рыли окопы, расчищали взорванные железные дороги. Кормили один раз в сутки. Привозили в лагерь и давали на каждую семью баланду. Не раз Кузьма Иванович тайком убежал из лагеря, чтобы в близлежащих селах добыть хлебушка для младших сестренок, одна из которых, Акулина, умерла от голода. Нередко охранники ловили его, отбирали с трудом добытые крохи, задавали хорошую трепку и даже грозились пристрелить.

Мучения продолжались до 1944 года, когда узники были освобождены советскими войсками.

Слезы счастья от радости быть на своей земле испытала в августе 1944 года и Архипова Нина Николаевна из деревни Мойлово. Нине было всего 4 года, когда немцы бесчинствовали в селе: сплошь горело, убивали, сжигали заживо, бросали на штыках детей в колодцы. В дом девочки ворвались фашисты, затолкали всех в подвал, а потом бросили туда гранату. Нина Николаевна чудом выжила, но получила осколочное ранение. Через несколько дней Нина и ее раненая мать оказалась в колонне голодных, полураздетых

людей, которых сопровождали гитлеровцы с автоматами и собаками. Так начался плен.

В память девочки навсегда врезались бесконечные переезды в товарных вагонах, разбитые бараки со следами крови на стенах, еда-баланда за колючей проволокой.

А еще плач, прощальные объятия и страшное слово «салотопка», синоним крематория, которое произносила несчастная очередь летом 1943 года в г. Белостоке.

Потом опять вагон-товарняк. Следующий этап – лагерь Алитус в Литве. Барак с нарами, соломенная труха на полу. Из узников отбирали светловолосых детей для донорских целей. Развлекаясь, немецкие солдаты заставили шестилетнюю Нину пить вино. Когда девочка перестала глотать и упала, они громко хохотали. А ребенок пролежал несколько часов без памяти, потом была рвота, бред. Бедная мать уже не надеялась, что ее единственная дочка выйдет из алкогольной комы...

Дети войны. Угнанные в рабство, они были лишены самой радостной поры – детства. Непосильный труд и болезни, голод и холод были их спутниками. Над ними издевались, проводили медицинские эксперименты, брали кровь. У них отнимали самое святое – родных, Родину, будущее. Это нельзя забыть и невозможно простить.

*Климов Матвей Алексеевич
Рук. – Некрасова Жанна Викторовна
Архангельская область*

Важно, что мы помним!

*Нет ничего страшней войны,
ибо когда на земле мир – дети хоронят своих родителей,
а когда на земле война – родители хоронят своих детей*

Аристотель

Каждое утро бабушка Наталья шла к окну, как на работу, несмотря на боль в спине и суставах, не дающую последнее время спокойно спать ночью, несмотря на укоры старшего сына и невестки, что нужно продолжать жить и радоваться внукам. Ведь их у нее семеро. Бабушка улыбалась, кивала в ответ и, шаркая ногами, шла к лавке. Сухие, узловатые пальцы теребили кончик платка. Ее подслеповатые глаза всматривались с надеждой в лица проходящих мимо окон людей. Она ждала. Ждала уже 23 года.

Память с возрастом начинала потихоньку подводить ее. Уже не так четко вспоминались молодые годы, да и иногда вдруг забывались и недавние события. Но что касалось ее младшего сына, все было как наяву. Может быть из-за того, что он был младшим. Последышей, как известно, любят и жалеют больше других. Может быть, из-за того, что дался он матери тяжело, и выхаживала его сутками, закутав и уложив на русскую печь. А может, по какой другой причине, сейчас нам этого не узнать.

Мобилизовали обоих сыновей в 1941 году. Старшему Михаилу было 34 года. Он уже был женат и имел двух дочерей и двух сыновей. А младшему Сергею не исполнилось еще и 21.

Из мужчин остались в деревне старики, инвалиды и дети. Письма с фронта читали всей деревней. Знала бабушка, что Михаил включен в состав инженерно-железнодорожного батальона, а Сергей защищает Родину в 91-й гвардейской стрелковой дивизии. Дивизии, которая впоследствии будет названа «Духовщинской» – за освобождение одноименного города на Смоленщине.

Но бабушка и представить не могла, что творилось в смоленском котле. Сам Г.К. Жуков не любил вспоминать эту битву. Фашисты направили на Смоленск всю мощь армий «Центр». Безвозвратные потери Советской Армии при освобождении Смоленщины составили более 107000 человек.

Но то, что творилось в мирных деревнях и селах, не поддается осмыслению. В поселке Хиславичи было уничтожено за одну ночь не менее 800 евреев. На окраине села Шуя был организован лагерь для военнопленных. После освобождения села обнаружены десятки могил и более 2500 трупов советских военнопленных и мирных жителей. В деревне Тарасенки оккупанты устроили такой режим, при котором дети не имели права свободно выходить на улицу, играть и учиться. За игру на губной гармошке подверглись наказанию двое малолетних детей. Мальчика 9 лет посадили в мешок, со смехом крутили, обливали холодной водой до тех пор, пока ребенок не перестал кричать. Мальчика 10 лет посадили в мешок и опустили в колодец. Позвали мать ребенка и приказали ей стоять и смотреть, как мучится ее сын. Не знали люди тогда и о героизме партизан, и о подвиге учительницы Матрены Вольской, которая будучи беременной, вывела болотами и лесами с Духовщины более 2000 детей...

Письма с фронта приходили нечасто. Люди ждали почтальона и боялись, только бы он не принес «похоронку». Но и письма, и «похоронки» периодически не доходили до адресата. Так и бабушка Наталья не узнала, что младший сын Сергей погиб 17 сентября 1943 года под г. Духовщина. Она продолжала ждать, надеяться и верить...

В октябре 1944 года вернулся с фронта старший сын Михаил. А в мае 1945 года объявили о капитуляции Германии. Жизнь налаживалась. Михаил устроился работать в колхоз, родил с женой еще троих детей. Бабушка Наталья была окружена вниманием со всех сторон. Среди внуков был у нее любимчик – озорной Сергунька, названный в честь дяди.

Внуки росли, разъезжались по разным городам. Вот и озорник Сергунька ушел служить в армию. А бабушка ждала младшего сына. В ожидании проходили дни, месяцы.

И вот в один из дней около калитки дома остановился военный. В отглаженной форме, начищенных сапогах, он уверенно зашел в дом.

«Сереженька, сынок, ты ли это? Наконец-то я дождалась тебя, слава Богу!» – воскликнула бабушка Наталья. «Я это, я!» – отозвался внук Сережа.

Этой же ночью бабушки Натальи не стало. Она уснула спокойно, с улыбкой, дождавшись «сына». И теперь они навсегда вместе...

И неважно, что на памятной доске, установленной в центральной усадьбе в честь погибших в Великой Отечественной войне, нет имени старшего лейтенанта Попова Сергея Ивановича, 1920 года рождения.

Важно, что мы помним!

*Кондрашова Ирина Петровна
Ростовская область*

Москали, или История семьи Василенко

(отрывок)

В маленьком уютном домике моей бабушки Моти всегда пахло свежей выпечкой и дарила тепло настоящая «живая» печка. Кот-мурлыка нежился на домотканом коврикe, а я просила любимую бабушку: «Расскажи про старовину». И вот слушаю я в сотый раз повествование о ее сиротском детстве. Как нянчила племянников, как проходила азы грамоты в церковно-приходской школе – эти истории завораживали и воспринимались на одном уровне со сказками про храброго мальчика Ивашика, про злую ведьму и умельца кузнеца, что выковал злой старухе тонкий звонкий голос. (Куда там нынешним пластическим хирургам!) От этих былей-небылей веяло негой, дремотой, и в своих детских сновидениях уже не девочка Матрена, живущая в начале прошлого века, а я сама неслась на самодельных санках с высокой кручи. Это у меня, как и у всех бедных девчушек, стекленели от холода колени и была поцарапана снежной коркой попа, потому что выше валенок, кроме юбки и старого тулупчика, ничего не носили.

Почему-то в юности интерес к «старовине» пропал, и прежние рассказы казались чем-то вроде «Песни о Вещем Олеге». Ну, разве что просила еще и еще раз повторить историю, как мой дедушка Сергей приехал в село Отрадное, был сражен красотой и веселым нравом юной Матрешки, недолго думая прислал сватов, женился и всю жизнь жил и благодарил Бога, что послал ему такую жену.

На смену юности пришла моя взрослая жизнь: работа, семья. Тихо ушли из жизни бабуля и дедушка, передав нам свой опыт, мудрость, пример любви к ближним, оставив нежную память в душе.

Вновь размышлять о «старовине» меня заставил случай. Приехав в очередной раз навести порядок на могилках предков, я услышала, как моя мама поучала внука (моего сына): «Рома, ухаживай и сохраняй старые могилы с ажурными крестами. Под ними – прах твоих прадедов. Не было бы их – не было бы и тебя». Внук послушно кивал, а я для себя вдруг четко поняла, что моя мама теперь уже чуть ли не единственная, кто помнит и знает о прошлом, одно из последних соединяющих звеньев в нашей семейной цепочке. Именно тогда мне очень захотелось воссоздать историю нашего рода – не потерять память поколений. Быть может, и мои внуки, оторвав взгляд от монитора, прочтут собранные мною по крупицам воспоминания бабушки, деда, тети, мамы, отца, сестры. Для меня они – как драгоценные жемчужины, нанизанные на общую нить. Нить суровую, выдержавшую радость встреч и горечь разлук,

радость побед и разочарования поражений. И еще я очень хочу, чтобы мои дети и внуки были достойны своих предков.

В моей «Саге о Москалях» много событий, характерных для рядовых семей того времени. Люди строили, меняли свою жизнь вместе с изменениями, происходившими в стране. Но все же в каждом доме, у каждой семьи есть свои истории – жемчужинки на суровой нитке, бережно хранимые в семейных преданиях.

И если бы мои внуки, а мне бы очень этого хотелось, попросили меня: «Бабуль, расскажи про "старовину"», – я непременно бы им поведала историю, которая случилась в годы Великой Отечественной войны и отозвалась эхом в теплую осень 2017 года. Воспоминания мамы, тети, бабушки об этом горьком дне я слышала так часто, что порой казалось – сама была очевидцем той трагедии.

На дворе стоял декабрь 1941 года. Почти все взрослые мужчины хутора Луначарского воевали на фронте с фашистами. А сам хутор оказался в зоне фашистской оккупации. Дома заполонили немцы и их денщики – румыны, вытеснив женщин, стариков и детей в сараи и летние кухни. Оккупанты отобрали все, что могли: съестные припасы, скот, птицу, даже купленный до войны дамский велосипед. Моя бабушка Матрена как-то проведала, что далеко за высоким холмом сохранилась нескошенная полоска невызревшего проса. И вот, ночью, тайком, рискуя попасть в лапы к немцам или полициям, надев валенки на голые ноги и проваливаясь по колено в снег, вместе с золовкой пробирались они на поле и, по небольшому пучку, носили домой «ценный урожай». Трое детей жевали чуть сладковатые жесткие стебли, сглатывали примороженный сок, а измельченный жмых бабушка пекла на сухой сковородке – получалось безотходное производство. Эти походы за урожаем закончились обострением ревматизма, и Матрена слегла, прикованная к кровати сильными болями в коленях.

Немцы чувствовали себя полноправными хозяевами: здание колхозной бригады они превратили в свой штаб, а на соседнем участке, где жила семья дедушкиного брата Егора, в огороде выкопали силами подростков и женщин глубокие окопы – из них хорошо просматривалась дорога, ведущая к мосту через реку Миус. Во дворе у Егора был глубокий подвал – сказала хозяйская жилка Москалей: если делать – так на века. Этот подвал во время бомбежек служил убежищем: прятались там и немцы, и мирные жители. Все, от мала до велика, научились различать звуки надвигающихся бомбардировщиков – по звуку моторов заранее определяли: что за самолет, чей он, пустой или со смертоносным грузом.

8 декабря самолет летел низко, тяжело, натруженно гудел. Как потом выяснилось, его целью был немецкий штаб, ликвидация офицеров и вражеских документов была спланирована на основе сведений, собранных местными партизанами.

Заслышав зловещий звук, хуторянки с малыми детьми побежали к Егору в погреб. Только трое детей Матрены не покинули свою больную мать и из окна наблюдали за разыгравшейся трагедией. Мария Морозова с маленьким

Сашей побежала первой, Оксана с двумя детьми – следом. Припаздывая, она на ходу пыталась завернуть третью, грудную Валечку, в длинную простыню, падала, вставала и из последних сил бежала к подвалу. Жена Егора Анна вместе с сыном Федей укрылись там же. Громко выкрикивая проклятия, к спасительному убежищу толпой бежали фрицы. Они-то и были главной мишенью. Несколько сброшенных бомб стерли с лица земли каменное здание немецкого штаба (бывшую колхозную постройку), конюшню, где стояли немецкие мотоциклы, а две бомбы прямым попаданием уничтожили подвал...

Думал ли Егор, старательно выкладывая стены своего погреба, что они станут могилой любимым жене и сыну, двум сестрам и четверем племянникам?

Вот так и получилось, что моя бабушка, благодаря своей болезни, стала невольной спасительницей родных детей. Уцелели и две старшие дочери Егора Макаровича: Мотя и Варя. Они в это время находились в пути, шли по льду скованного морозом Миуса в село Троицкое. Видно, Бог уберег, чтобы не перевелось племя Москалей.

Руины разобрали, немцы, отобрав своих погибших, разрешили останки наших родственников похоронить на огороде, в окопах. Каждую мамочку похоронили рядом со своими детками, сделав подстилку из камыша, по христианскому обычаю положили на грудь по алюминиевому крестик. Прикрыли лежавшими у окопов, невесть откуда взявшимися деревянными щитами. Каждый из трех могильных холмиков увенчали самодельными крестами. И вечно помнили и поминали невинно убиенных: Анну, Оксану, Марию и их малолетних чад. Со временем, когда в деревню пришел мир и покой, установили добротные железные памятники, территорию украсили, высадили цветы и кусты сирени.

Война закончилась весной 1945 года, а москали возвращались к родному очагу не сразу: кого-то оставили новобранцев обучать, кого-то – политруком в части служить, а моя тетя, дочь деда Ивана, Клавдия Василенко, всю войну проработавшая операционным фельдшером, возглавила отдел здравоохранения в Дубовском районе. И очень многие из нашего рода полегли на полях брани.

Может быть, отцы встретились со своими детьми на небесах, ведь не зря же так звонко и старательно поют весной на их могилах соловьи?

Я – дитя советского времени: материалист и реалист. Но мне очень хочется верить, что благоухающая майская сирень – это те райские кущи, где встретились Алексей Морозов, защитник Брестской крепости, со своей Машей и трехлетним Сашенькой, знаменитый гармонист Антон Дараган, сложивший голову далеко от дома, поет там свои песни жене Оксане и дочкам: Дуняше, Клаве, крошке Валюшке. И Анна с сыном Федей, после долгих лет терпеливого ожидания, встретили и обняли своего мужа и отца Егора Макаровича – в 1966 году в огороде, по завещанию самого хозяина подворья, выросла еще одна могила...

*Корнилов Александр Николаевич
г. Белгород*

Судьбы людские

О жизненном пути простой русской женщины, которая совсем юной девушкой своим самоотверженным трудом внесла свой вклад в победу на Курской дуге, этот рассказ.

Корнилова Екатерина Трофимовна родилась 18 сентября 1925 года в селе Хитрово. Окончила 7 классов Малотроицкой школы. В школе училась на «отлично». Скромная, ответственная, была любимицей учителей и сама с детства мечтала стать педагогом. В 1940 году поступила в Новооскольское педагогическое училище. Но получить образование помешала Великая Отечественная война. В годы оккупации она была дома. Молодая девушка одевалась в старую неприглядную одежду, чтобы не привлечь внимания фашистов и избежать тяжелой участи многих молодых людей того времени – работы в Германии. И это ей удалось. После освобождения родного края, в 1943 году она в составе комсомольской бригады работала на строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава. Екатерина Трофимовна вспоминает: «Мы носили землю для насыпи на носилках. Работали на совесть. Ладони растерты до крови. Ночью намажем мазью, замотаем чистой тряпочкой, становится легче. Между бригадами было соревнование за переходящий красный флаг. Когда флаг перешел к соседям, наша бригада приняла решение: вставать на час раньше, чтобы перевыполнить план и вернуть флажок. И это удалось. Хотя дело даже не во флажке. Всем очень хотелось помочь фронту, приблизить Победу». За ударный труд Екатерина Трофимовна имеет множество правительственных наград.

После войны Екатерина Трофимовна, несмотря на все трудности, продолжила учебу и после окончания педучилища стала работать учителем начальных классов в поселке Новый Мир. Вскоре познакомилась со своим будущим мужем Корниловым Сергеем Федоровичем. Молодая семья обосновалась в селе Наша Нива. Родились 3 дочери: Валентина, Ольга, Надежда. Екатерина Трофимовна понимала, что педагог должен постоянно совершенствоваться и поэтому поступила на заочное отделение Старооскольского педагогического института, который успешно закончила, несмотря на то, что имела малолетних детей. Получив высшее образование, она перешла работать учителем русского языка и литературы в Новомасловскую 8-летнюю школу, где добросовестно трудилась до самой пенсии. В 1964 году в семье Корниловых родился долгожданный сын Николай. А в 1966 году, когда ждали еще одного ребенка, трагически погиб муж. Сын Сергей родился без отца. Но горе не сломило женщину. Ради детей стоило жить. Воспитывать детей помогала мама, которая жила в семье. Прошли годы труда. Дети выросли, получили достойное образование. По стопам матери пошли две дочери, выбравшие профессию педагога. В 1993 году, в 50-летний юбилей Курской битвы, по приглашению губернатора Белгородской области Е.С. Савченко Екатерина Трофимовна вместе с другими строителями дороги проехала на поезде по дороге, которую помогала строить в годы молодости.

18 сентября 2015 года Екатерине Трофимовне исполнилось 90 лет. С раннего утра не умолкал телефон. Юбилярушу поздравляли родственники и

бывшие ученики, которые спустя многие годы с благодарностью отзываются о ней. Один из них, Николай Иванович Махиборода, опубликовавший сборник стихов, посвятил одно из них своей первой учительнице Корниловой Екатерине Трофимовне. А вечером за праздничным столом большая и дружная семья Корниловых чествовала старейшину рода. Много прекрасных слов было сказано детьми в ее адрес. Шли годы счастливой старости...

К сожалению, в 2018 году Екатерины Трофимовны не стало. Но живет на Земле ее продолжение – 5 детей, 8 внуков, 8 правнуков, которые гордятся своей мамой, бабушкой и прабабушкой, простой русской женщиной, прожившей трудную и прекрасную жизнь. Ее портрет в день 9 мая проносят в Бессмертном полку внуки и правнуки.

*Корякина Елена Николаевна,
Акимова Юлия Афанасьевна
Ставропольский край*

СЫНЫ ДИВИЗИОНОВ

Наконец, почти 80 лет спустя, среди воинских дней Славы России появился 9 октября – день окончания битвы за Кавказ. Указ о его введении подписал Президент РФ В.В. Путин. Все жители Северного Кавказа с благодарностью и удовлетворением встретили это сообщение. Битва за Кавказ заняла достойное место в истории Великой Отечественной войны. Она была достигнута дорогой ценой: сколько жизней отдали за нее солдаты, сражавшиеся на Кавказе!

Среди них были совсем юные сыны дивизионов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, освобождавшего наш Нефтекумский (бывший Ачикулакский) район от фашистских захватчиков.

В августе 1942 года Ставропольский край был оккупирован фашистами. В Ачикулакский (ныне Нефтекумский) район немцы пришли 19 августа.

В сентябре 1942 года по указанию Главного командования Советского Союза в ногайские степи был перебазирован 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. Он совершал рейдирующие походы по захваченной фашистами ачикулакской земле, охранял от захвата Астраханско-Кизлярскую дорогу, не позволял врагу прорваться к Моздоку, где собирались силы Красной армии для контрнаступления против фашистских войск.

В добровольческом 4 гв. КККк были казаки старше призывного возраста и моложе восемнадцати лет и даже совсем юные.

Ванюша и Павлик

В архиве районного клуба «Поиск» Центра внешкольной работы г. Нефтекумска Ставропольского края хранится письмо Григория Павловича Романюка, Героя Советского Союза, разведчика корпуса. В нем рассказывается о двух мальчишках, отважных разведчиках. Вот что пишет Григорий Павлович в письме от 1987 года нефтекумским поисковикам: «В нашем 34 гвардейском полку ребята появились где-то в конце октября 1942 года. Они были настолько

молоды, что мы их звали Ванюшка и Павлик. Были они очень энергичные, просили брать их на все операции, вели себя достойно, скромно и уверенно».

Далее в письме отважный разведчик рассказывает об одной из операций.

В одной из разведывательных операций в районе села Иргаклы (недалеко от этого селения был большой курган) Григорий Павлович, будучи командиром разведывательного взвода, оставил часть разведчиков с лошадьми возле кургана, с ними был оставлен и Павлик. Сам же Романюк с небольшой группой в 6 человек, в числе которых был Ванюшка, пробрался в Иргаклы. В селе было много немцев. Вечером туда вступил танковый корпус противника. Ванюшка, хорошо зная местность, вывел разведчиков к центру села. Они собрали нужные им данные и окружным путем, одному Ване известными дорогами, вернулись к кургану, где воссоединились с остальными. Вскоре по с. Иргаклы был нанесен артиллерийский огонь.

Ходили в разведку эти ребята и в Каясулу, и в хутор Сунженский, и даже в их родной Ачикулак.

В январе 1943 года корпус перешел в преследование отступающих немцев. Время было напряженное. Оба юные разведчики продолжали служить и делать свое дело. 10 января 1943 года Григорий Павлович был ранен. Как сложилась дальнейшая судьба Ванюшки и Павлика, он не знал.

Прошло время. Появились новые возможности для поиска данных о героях. Мы обратились на сайт «Подвиг народа». И вот что узнали: «Гутенко Иван Яковлевич, 1923 года рождения, звание – гвардии казак. Место призыва – Ачикулакский РВК, Орджоникидзевский край. Награда – «Медаль за отвагу». Гвардии казак Гутенко Иван Яковлевич «в боях под Сунженской, будучи в разведке вышел в расположение огневых точек противника и доложил командиру. Во время наступления уничтожил 7 гитлеровцев».

Швыдко Павел Евдокимович, 1925 года рождения. Место рождения – Чечено-Ингушская АССР. Дата наградного документа – 06.11.1985 г. Награда – «Орден Отечественной войны 2 степени». К сожалению, на этом закончился наш поиск об этих славных защитниках нашего края: мы не смогли больше узнать об их дальнейшей судьбе.

Сотрудничество районного клуба «Поиск» (в то время им руководила Нина Федоровна Яковенко, подключала к этой работе и авторов данного очерка) с ветеранами 4 гв. КККК было плодотворным. Ветераны этого корпуса спустя 45 лет после боев в наших степях приезжали в Нефтекумский район, встречались с его жителями, вспоминали боевых погибших друзей.

Леня Шафарин и Гриша Ахаян

В 1988 году в Нефтекумск приезжал Леонид Васильевич Русин, военный корреспондент корпусной газеты «Гвардеец». Он обратил внимание нефтекумских поисковиков на очерк в его книге «Казачья гвардия» – «Сыны дивизиона». События, о которых рассказывается в этом очерке, происходили на территории Ачикулакского района в 1942 году. Перед разведчиками дивизиона была поставлена задача: достать данные о расположении артиллерии противника за Кумой в селе Урожайном. Командиры разведки решили послать на задание юных разведчиков Леню и Гришу под видом местных. Им дали

старые крестьянские рубахи и худые штаны с лямками. Через плечо оба надели торбы из мешковины.

Леня и Гриша, используя хитрость, обошли все село. Данные, собранные ими, были проанализированы, сопоставлены с другими. Были сделаны конкретные выводы. А потом всем дивизионом вместе с артиллерией дивизии сделали налет на село Урожайное. Сразу ударили по школе во время обеда фрицев, по танкам в саду и по огневым позициям шестиствольных минометов на кладбище.

Ребят представили к правительственной награде. Сыны дивизиона Леня и Гриша были удостоены медалей «За отвагу». Позже Леня Шафарин во время боя под Новкус-Артезианом 2 декабря 1942 года отбивал из брошенного броневика атаку немецких танков, попал в плен к фашистам, бежал, добрался в родной город Краснодар и там продолжал борьбу с фашистами.

Майор Степан Тихонович Чекурда, славный артиллерист, знаменосец 4-го гв. Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, улыбаясь, так говорил о Лене Шафарине: «13 лет хлопчику, а казак. В полной форме казак и патриот».

Эти боевые мальчишки, пройдя страшными дорогами войны, показали себя доблестными и мужественными солдатами: Гриша Ахаян награжден орденом Отечественной войны 2 степени, Леня Шафарин – орденом Красной Звезды.

В 1987 году нефтекумские пионеры-следопыты нашли Леню Шафарина, который жил в Москве. Он присылал ребятам письма с воспоминаниями о своем боевом детстве. Гриша Ахаян после войны жил в Армении.

Леонид Синолицын

Тринадцатилетний мальчишка был немного крупнее своих сверстников. И когда формировался Кубанский казачий корпус, он добавил себе два года и ушел воевать вместе с казаками. Старшие старались заботиться о мальчишке и определили его в коноводы, не допуская к боевым действиям. Но 17 октября 1942 года во время боя в селе Урожайном на подмогу фашистам шла колонна немецких танков. Леня Синолицын, вместе со взводом, оставленным для прикрытия, принял неравный бой против 21 фашистского танка. Это случилось под селом Камыш-Бурун Ачикулакского района. Он погиб в этом бою как герой.

Великая Отечественная война закончилась салютом Победы. Но память о ней остается навечно. Пройдут еще годы, может быть, столетья, но люди будут помнить бесстрашных мальчишек и девчонок, юных героев войны, и будут удивляться их мужеству и смелости, будут восхищаться их великой любовью к своей Родине.

*Кузичева Елизавета Алексеевна
Рук. – Кузичева Людмила Александровна
Брянская область*

Белые журавли

«Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей»... Почему именно в журавлей? Этот вопрос я задавала себе много раз, когда слышала песню на стихи Расула Гамзатова. Написанная в середине прошлого века, она до сих пор является гимном воинам, не вернувшимся с войны. Меня охватывает чувство непонятной грусти, когда звучат эти трогательные слова. С таким же чувством провожаю взглядом журавлиный клин. Он появляется не внезапно. Вот вдалеке раздается странный крик, который с каждой секундой приближается и становится все отчетливее. Его не перепутаешь ни с чем: так возвещают о себе величавые птицы, покидающие родину и отправляющиеся в теплые края. Вся округа наполняется их прощальным курлыканьем. С некоторых пор я стала внимательно наблюдать за полетом журавлей. Мне кажется, что один из них – мой дедушка, который, как павшие солдаты, превратился в белого журавля и, пролетая над домом, посылает нам свой привет...

Нет, он не погиб на фронте, а пришел с войны и прожил долгую жизнь. Успел в ней и дом построить, и дочерей вырастить, и на заводе, где работал, почет и уважение заслужить. Его не стало на восемьдесят пятом году. Но этот человек принадлежал к тому поколению, которому пришлось «хлебнуть горя» в тяжкую для страны годину, быть одним из тех, кто совсем молодым взял в руки оружие и сделался солдатом, готовым в любую минуту отдать жизнь за Родину. Боевые награды, благодарности за участие в различных операциях, документы, фотографии тех лет – все это бережно хранится в нашей семье. Это память, которая не позволяет времени уничтожить то, что дорого.

Вот с пожелтевшего снимка глядит на меня юноша лет девятнадцати, одетый в военную форму. На солдатской гимнастерке красуются медали и два нагрудных значка. Он серьезен, но глаза выдают веселый нрав. Лицо все в веснушках. На голове роскошная копна светло-русых волос. Даже не верится, что это мой дед, Александр Афанасьевич. Я помню его совсем старым, с глубокими морщинами на лице, с волосами, сильно поредевшими, густо посеребренными сединой. Но именно таким мальчишкой, как на фотографии, вовсе не богатырского сложения, ушел он в сорок третьем на фронт вместе с войсками, освободившими город Брянск. Ему тогда исполнилось всего семнадцать лет.

Дедушка очень мало рассказывал о войне. Об этом, наверное, ему трудно было вспоминать, а еще труднее говорить. В солдатской шинели и стоптанных кирзовых сапогах прошагал он в пехоте по ухабистым фронтовым дорогам России, Белоруссии, Польши, Германии. Закончил войну в Берлине. Рядовой Моисеев Александр Афанасьевич служил в 241-м стрелковом полку. Он был ранен в ногу – легко, к счастью. Однажды при переправе через реку под обстрелом чуть не пошел ко дну. Чудом удалось спастись: под руку попала доска, с помощью которой выплыл.

Когда дедушку спрашивали, страшно ли было в бою, он только смущенно улыбался. А что он мог ответить? За всех солдат сказала Юлия Друнина в своем стихотворении:

Кто говорит,
 Что на войне не страшно,
 Тот ничего не знает о войне.

Среди его наград есть медали «За отвагу», за взятие Варшавы и Берлина, значок «Отличный минометчик», юбилейные медали и орден Отечественной войны второй степени. К сожалению, мы теперь не узнаем подробностей того, за какие заслуги он получил их. Но я уверена, что отмечен он был за стойкость, мужество, преданность Родине. А жизнь на войне для солдата, где бы он ни находился, ни голодал, ни мерз, была тяжким испытанием, и каждый день ее длиннее многих жизней.

В нашей семье нет героев Великой Отечественной войны. Но в годы суровых для страны испытаний вклад любого воина, офицера или рядового, очень ценен и значим. Сила и мужество каждого защитника родины слились в ту могучую силу, которая смогла одолеть вероломного и жестокого врага и еще раз доказать всему миру: «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет», как сказал А. Невский. И мне приятно осознавать, что мой дедушка – малая частица этой великой силы. «Горжусь моим поколением», – любил говорить он. И, думаю, было чем гордиться: эти стойкие люди прошли испытания огнем войны, холодом, голодом, тяжелым трудом, но не сломились, не очерствели, не ожесточились. Они сделали все, чтобы мы сейчас не боялись поднимать глаза к бездонному голубому небу и любоваться стройным косяком величавых белых птиц, которые стали символом мира, света и добра...

«И в том строю есть промежутки малый, быть может, это место для меня», – вспоминается голос Марка Бернеса, исполнившего песню, которая почти всегда звучит на митингах и мероприятиях, посвященных Дню Победы. И я представляю, что мой дедушка занял свое место в журавлином клине, когда ушел из жизни. Помашу рукой вслед удаляющемуся косяку и буду ждать, когда эти птицы прилетят снова и я услышу знакомое курлыканье.

Леутин Егор Борисович
Рук. – Леутина Елена Валентиновна
Республика Мордовия

Мой лейтенант

«Двери кинотеатра распахнулись, и ватага ребят выпорхнула на улицу. Наперебой они старались поделиться впечатлениями о картине и захлеб, жестикулируя, громко обсуждали фильм о самоотверженном подвиге советского танкиста Ивушкина, совершенном во вражеском тылу. После просмотра картины «Т-34» ребятам, действительно, было что обсудить. Фильм не оставил никого равнодушным.

– Здорово! Вы видели, какая у танка броня! – восхищенно говорил Виталик.

– Я даже зажмурился, когда, казалось, снаряд летит прямо в меня, – перебивал Димка.

– Хотел бы я побывать внутри этого танка, – задумчиво отвечал Сашка.

И только Егор шел молча. Никто не знал, что на этот фильм он ходил уже в четвертый раз. И пошел бы и в пятый, если бы ни удивленный взгляд матери, которая недоумевала, зачем смотреть один и тот же фильм столько раз, но все же давала деньги на билет. И внутри этого танка он бывал. Правда, не по-настоящему. С первого класса он увлекался этими боевыми машинами и знал о них все, поражая окружающих рассказами о моделях, устройстве, особенностях комплектующих и снарядов. А потом он стал рисовать их и собирать их из конструктора «Лего». Все это выросло в настоящую мечту – поступить в танковое училище. А мама смеялась:

– Не возьмут тебя, сынок. По росту не подойдешь.

И вот сейчас он шел, не слушая своих друзей, словно погрузившись в свой фильм. Танки занимали все его воображение. Он явственно ощущал вибрацию от их движения, слышал рев их двигателей, шум от работы гусениц.

Зимний вечер был удивительным, сказочным. В воздухе, в свете уличных фонарей, порхали снежные хлопья и тихо опускались на землю. Было тихо, снежно, бело, спокойно. На фоне такого умиротворения, разлитого в природе, совсем не хотелось думать о плохом. Но перед глазами Егора стояли сцены из фильма, и мальчику стало нестерпимо больно от того, что и тогда, как и сейчас, шел снег и навсегда белым саваном закрывал тела тех, кто погибал на полях сражений, кто никогда не насладится таким прекрасным вечером, а тихо спит, отдав последний долг солдата».

Так я хотел начать рассказ о мальчике, который, как Саня Григорьев из знаменитого романа Каверина «Два капитана», пойдет вслед за своей мечтой. Правда, станет он не летчиком, а танкистом. И в этом герое я, конечно же, хотел изобразить себя. Мужчине, я думаю, всегда нужен пример для подражания. А если таким примером может стать родной тебе человек?

«Мужчина приходит в этот мир, чтобы защищать его», – не раз повторяла бабушка и любила рассказывать о своем отце, прошедшем Великую Отечественную войну.

Я всегда любил рассматривать семейный альбом, особенно военные фотографии, которые, казалось, могут рассыпаться в руках от прикосновения к ним и словно пропахли порохом. Рассматривая мятые, пожелтевшие, потрескавшиеся снимки военной молодости своего прадеда, я поражался, сколько жажды жизни, оптимизма можно было прочесть во взгляде бойцов!

Я любовался портретом прадеда. На меня смотрел красивый статный юноша в военной гимнастерке, с медалью на груди. Во взгляде этого молодого солдата угадывались молодецкая удаль, озорство, воодушевленность, решительность, смелость, но в то же время задумчивость и теплота.

«Я, Губернаторов Иван Федорович, родился 12 апреля 1918 года в д. Зиновкино Краснослободского района Мордовской АССР в семье крестьянина-средняка...», – пишет мой прадед в автобиографии.

На пожелтевшем листке чернилами выведены красивые ровные буквы, напоминающие солдат в строю. Простой деревенский мальчишка, который после окончания шестилетней школы поступил в Зооветтехникум, а, окончив его, стал работать участковым зоотехником. А дальше читаю: «В марте 1939

года по призыву через Краснослободский Райвоенкомат пошел в Советскую Армию в 191 стрелковый полк 1-й отдельной Краснознаменной Армии. В ноябре 1939 года окончил полковую школу, после чего работал командиром отделения...»

А потом началась война... Как точно скажет потом об этом в своем стихотворении Давид Самойлов:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Прадедущка потом вспоминал: «В назначенный день мобилизации все собрались в центре села. Женщины плакали, кое-кто подхватывал удалую частушку. Подростки, по-взрослому насупив брови, держали отцовские вещмешки, а маленькие, не осознавая всей трагедии происходящего, поднимая пыль, вертелись под ногами. Раздалась команда грузиться в машину. Но, соблюдая деревенский обычай провожать за околицу, толпа людей, построившись в колонну, со всхлипами гармошки, медленно пошла по улице. Шли обнявшись: с одной стороны – жена, с другой – отцы обнимали своих детей, в последний раз давая наставления, говорили слова утешения и поддержки».

«В октябре 1941 года мне было присвоено военное звание «младший лейтенант», и я был переведен на должность командира взвода Телеграфно-эксплуатационной роты 562 отдельного Линейного батальона связи 25-й Армии Дальневосточного Фронта,» – пишет прадедущка.

Из документальных источников я узнал, что Дальний Восток с самого начала войны находился на особом положении. С одной стороны, на его территории не велись военные действия, и в сравнении с западными районами страны, подвергавшимся постоянным нападениям немецких войск, бомбардировкам и артобстрелам, он был глубоким тылом. С другой стороны, находясь в опасной близости от Японии, союзника Германии во Второй мировой войне, Дальний Восток в любой момент на протяжении всей Великой Отечественной войны мог превратиться в театр военных действий. И если для европейской части 8 мая 1945 года война закончилась, то для Дальнего Востока она началась с новой силой. Позже один из тех, кто был участником этих сражений, Юрий Гордиенко напишет:

В страну холмов, знакомую по сказкам
О золотом китайском фонаре,
Мы звезды мира принесли на касках
И вешний гром на танковой броне.
И в той стране, куда пути не близки,
Где пагоды древнее пирамид,
Народы нам воздвиглиobeliski
И наши звезды врезали в гранит.

«За время пребывания в роте Губернаторов Иван Федорович показал себя одним из лучших командиров в деле подготовки взвода. Состав своего взвода

знает хорошо и заботится об их росте. Общий кругозор развит хорошо. Решения принимает быстро, инициативен и расторопен. Дисциплинированный, добросовестный, волевой и культурный командир, требователен к себе и подчиненным. Работая на должности командира взвода, с работой справляется хорошо. Его взвод на весенней инспекторской проверке по боевой подготовке показал хорошие результаты. Авторитетом среди личного состава пользуется. Волевыми качествами офицера обладает...»

Эти строки с волнением и гордостью я читаю, листая послужной список своего прадеда. Да, к счастью, мне представилась такая возможность. Мой прадед был командиром взвода! Ему было всего 23 года! Молодые люди, оказавшиеся на войне, взрослеют быстро, потому что все события, происходящие с ними, заставляю их чувствовать ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни других людей.

«Нервы войны»... Иногда так называли службу связь армий и фронтов с Генеральным штабом Красной Армии. Без связи с руководством, с соседними подразделениями невозможны скоординированные действия. Из документальных источников я узнал, что более одного миллиона военных связистов участвовало в сражениях Великой Отечественной войны, обеспечивая бесперебойную связь на суше, в воздухе и на море при любых условиях. Они доставляли в штабы необходимую информацию, обеспечивали оповещение войск об обстановке, о действиях противника, своевременно передавали в соединения и части боевые приказы и распоряжения командования, восстанавливали поврежденную связь или прокладывали новую линию. В эфире тоже шла война, и надо было глушить вражеские радиостанции. Всего за время Великой Отечественной войны было сформировано более 300 полков связи и 1 000 батальонов связи.

В одном из таких батальонов воевал мой прадед. Выполнял боевые задания. Нес ответственность за своих солдат. Был хорошим командиром.

«Радисты и связисты всегда были в первых рядах во время боя, за ними шли медики. Поэтому и гибло нашего брата много – вот нас так и перебрасывали. Бои шли ожесточенные, вырванные из часа несколько минут для сна считались за счастье... Вот пехота пришла и стала окапываться, а связисты уже побежали вперед... Даже стрелкам было в этих обстоятельствах легче. Залегли и начали окапываться. С каждым комом отрытой и выброшенной на бруствер земли шансов выжить становилось больше. А связистам некогда окапываться. Они должны наладить связь...» – рассказывал прадедушка в мирное время.

О связистах, их подвигах на войне написано не очень-то много. Нечасто об этом рассказывал и прадед: «В нашем батальоне был молоденький связист-полевик. Маленький, худенький, молчаливый. Посмеивались мы над ним. Вроде солдат, а дрожит от выстрелов и бомбежек. Однажды атаковали нас японские бомбардировщики. Связь была оборвана. Линия связи получила 29 порывов, так он устранил эти порывы за 32 минуты, причем – под постоянным обстрелом врага! Так и погиб он, сжимая провод, чтобы связь не прервалась. Простить не могу себе, что фамилии его не запомнил».

Читаю автобиографию прадеда дальше: «С сентября 1946 года служил в Корее в должности командира телефонного взвода при 567 стрелковом полку 384 стрелковой дивизии 25 Армии Приморского ВО до демобилизации меня из армии...»

После войны мой прадед работал зоотехником в совхозе. У него была большая дружная семья. Он вырастил четверых детей, которых воспитал достойными людьми.

Он не мог пройти мимо чужой беды и за свою мудрость и справедливость заслужил уважение односельчан. Высокий, статный, сильный, сохранивший до конца дней военную выправку, немногословный, он напоминал богатыря из народных былин, а его умелые золотые руки, словно руки Левши из сказа Н.С. Лескова, творили настоящие чудеса. И все же война не ушла из него...

Война... В детстве это автоматика, танчики и друзья с тарахтелками из Детского мира. И еще «немцы» и «наши». Да еще крики: «Мишка, я так не играю, ты убит, падай давай!» В самом жестком случае синяк под глазом от снежка, которым залепил тебе сосед Мишка. На настоящей войне все по-другому...

Валерий Коцлов, прошедший войну в Афганистане, писал: «Правду больше не говоришь никому. Не воевавшему человеку не объяснить войну, точно так же, как слепому не объяснить ощущения зеленого, а мужчине не дано понять, что значит выносить и родить ребенка. У них просто нет необходимых органов чувств. Войну нельзя рассказать или понять. Ее можно только пережить».

Память в сердце – гордость в поколениях. Об этом нужно рассказывать. Нам нужно понять, усвоить и помнить уроки этой войны. Незримая связь поколений – это верная, прочная нить, которая связывает и объединяет нас.

Прадедущка, если бы я встретился с тобой, то крепко пожал бы твою руку и сказал: «Спасибо!» А в День Победы мы все-таки встретимся и пойдем рядом в «Бессмертном полку».

Когда-то в начальной школе я прочитал повесть А. Лиханова «Мой генерал». Это произведение о дружбе Антошки и его деда – боевого генерала, который учит своего внука добру, справедливости, умению сопротивляться жизненным невзгодам и быть настоящим человеком.

У меня тоже есть такой Герой – мой прадедущка!

*Малько Лариса Юрьевна
Ставропольский край*

Последняя любовь Колчака

К этой женщине относились по-разному: одни осуждали, другие восхищались. Но ей, по большому счету, было неважно, какие эмоции она вызывает. Жизнь Анны Тимиревой была сложной, трагичной, и главной в ней была любовь.

Ей было всего 27, когда она впервые пошла под арест. К тому времени Анна уже успела переехать в Петербург, обучиться живописи, французскому и

немецкому языкам, выйти замуж, стать матерью сына Владимира и, наконец, встретить свою любовь. Это был Александр Колчак – флотоводец, георгиевский кавалер и полярный исследователь, стоявший во главе Белого движения в годы Гражданской войны.

Наверное, историю жизни и любви адмирала Александра Колчака и его гражданской жены Анны Тимиревой можно переложить на язык современных публикаций в желтой прессе, ориентированной на непроверенную информацию и дешевые сенсации, обсуждать в сетевом виртуальном пространстве, наряду с сомнительной репутацией медийных личностей и популярных блогеров. Можно, вполне допускаю. Только для этого придется переписать историю государства заново. Придется выхолостить ее морально-этическое содержание. Придется заставить жить наших предков даже не по законам, а по понятиям современной модной тусовки.

Когда в 2008 году на экраны вышел российский историко-художественный многосерийный кинофильм «Адмиралъ», многих из нас захватила история жизни знаменитого адмирала и тех, кто шел с ним по жизни. Есть в нем бальные платья и морские бои, мятежи и несущийся в Сибирь поезд, Константин Хабенский в роли Колчака и две женщины, первой из которых однажды было сказано: «Ты моя жена, я твой муж, и так будет всегда», а второй навеки: «Я Вас люблю».

А ведь кроме романтической истории любви с Верховным Правителем, существовала другая история – история рода Сафоновых. И история, рассказанная самой Анной Васильевной, о которой вряд ли подозревает Лизонька Боярская.

И совсем немногим известно, что имя одной из главных героинь, Анны Тимиревой, тесно связано с нашим округом.

Фонд Краснокумской сельской библиотеки располагает двумя уникальными книгами: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» и «Не ненавидеть, но любить», которые лично передал в дар сельским читателям Илья Кириллович Сафонов – правнук известного педагога и дирижера Василия Ильича Сафонова, сделав на них дарственную надпись.

В истории сельской библиотеки эти издания особенные: в них запечатлены добрые пожелания, напутствия, теплое и благодарное отношение к библиотеке, ее читателям и сотрудникам. Количество таких документов не так велико, тем не менее, они бесценны для всех нас, потому что являются своеобразной летописью времени.

Анна Тимирева (Книпер) родилась 18 июля 1893 года в Кисловодске в семье великого русского пианиста, дирижера, композитора, основателя Московской консерватории Василия Ильича Сафонова.

В 1906 году семья переехала из Кисловодска в Санкт-Петербург, где Анна продолжила учебу в гимназии княгини Оболенской. Занималась живописью, свободно владела французским и немецким языками.

В 1911 году после выпускных экзаменов гимназии вышла замуж за морского офицера Сергея Николаевича Тимирева.

В 1914 году родился сын Владимир.

У этой женщины была тяжелая жизнь, все тяготы в которой случились из-за любви. Не встретить она в 1915 году Александра Колчака, может, все сложилось бы для нее благополучно. Но встреча произошла и принесла с собой повествование о любви, о которой говорят и спустя 100 лет...

Анна вспоминала: «Когда началась первая мировая война, муж получил назначение в штаб главнокомандующего Балтфлотом, и им пришлось переехать в Гельсингфорс. Провожая мужа, она увидела на вокзале стремительно идущего по перрону невысокого широкоплечего офицера. Тимирев сказал жене, кивнув в его сторону: «Знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции...»

Муж рассказал Анне, что Колчак окончил Морской корпус вторым в своем выпуске и после плавания в Тихом океане ушел в полярную экспедицию к берегам Таймыра.

Глава экспедиции, барон Толль, отправился на байдарках на остров Беннетта и пропал, и тогда Колчак убедил Академию наук снарядить второй, спасательный, отряд, который он возглавил. Они плыли по Северному ледовитому океану на шлюпках, пробиваясь через торосы, проваливаясь под лед. Приходилось грести круглые сутки. Колчак нашел доказательства того, что барон Толль погиб и собрал важнейший научный материал. Экспедиция Колчака достигла цели и вернулась без потерь в своем составе. Императорское научное общество наградило Александра Васильевича высшей наградой – Большой золотой Константиновской медалью.

Едва добравшись до материка, Александр Васильевич отправился в Порт-Артур, на Русско-японскую войну. За храбрость он был награжден двумя орденами и золотой саблей.

Когда Порт-Артур пал, Тимирев и Колчак угодили в японский плен. Кстати, в Японии Колчак научился медитации: он увлекался дзен-буддизмом и духовными практиками. Говорят, что он мог спать с открытыми глазами.

Конечно, в глазах флотских дам Колчак был романтическим героем. О том, что Колчак относится к Анне Васильевне по-особенному, пожалуй, знали все. В ревельском Морском собрании проводили вечера офицеры со всего Балтийского флота. Молодой адмирал Колчак, командир Минной дивизии, не отходил от жены своего приятеля Тимирева, и ей это нравилось.

Шла война. Колчак прорывался в немецкий тыл, топил крейсера. Его офицеры каждый день играли со смертью, а сойдя на берег, ехали развлекаться. Вечер заканчивался ранним утром, и через несколько часов миноносцы Колчака снова отправлялись на охоту.

Жить становилось все страшнее. Немецкая армия методично перемалывала откатывающиеся к востоку русские войска, одно поражение следовало за другим. На фронте погиб обожаемый брат Анны. В Петрограде – смута, рабочие бастуют, стрельба, все разговоры о Распутине и о том, что государыня – немецкая шпионка. С каждым днем становилось все понятнее, что страна катится непонятно куда.

В один из таких страшных дней, взглянув на Колчака, Анна почему-то подумала: «С ним бы я ничего не боялась...» И тут же одернула себя: «Какие глупости лезут в голову!» Но, тем не менее, их признание состоялось.

Выходя из Морского собрания в аллее парка Катриненталь, Анна неожиданно для себя сказала ему: «Я люблю вас...»

Адмирал ответил: «А я вас больше, чем люблю!»

Вскоре контр-адмирал Колчак был произведен в вице-адмиралы и был назначен командующим Черноморским флотом. Русское командование собиралось захватить Босфорский пролив. На прощание Колчак попросил у Анны перчатку. Тимирева грустно подумала: «Ну вот и все...»

А через два дня перед ней возник дюжий матрос Черноморского флота и протянул ей письмо от Колчака. Анна сидела с мужем и друзьями в своем доме и страшно смутилась. Так начался их роман в письмах.

Позже мемуары будут опубликованы в книгах «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» и «Не ненавидеть, но любить». Это не какой-нибудь пошлый романчик и не бездушная гранитная монография, написанная ученым языком. Нет, этот сборник очень живой, трепетный. Мемуары самой Анны Васильевны, ее исповедь на заре жизни – она пишет о своем детстве, о таких музыкальных родителях, не образованной, но очень мудрой бабушке-казачке, о путешествии по Европе и, конечно, о своей химере – А.В. Колчаке – от их первой мимолетной встречи до его последних дней в заключении. В сборнике приводятся черновики некоторых писем Александра Васильевича, письма Анны Васильевны – как прекрасно это аристократическое обращение всегда «на Вы», и как тонко эти два человека чувствовали души друг друга.

Ей было 22 года, ему – 41, и к моменту их встречи Колчак успел исследовать воды четырех океанов и двадцати морей, объехал (первый раз) вокруг Земли, выпустил две книги, заслужил ряд русских и иностранных орденов. Между их первой встречей и последней – пять лет.

Большую часть этого времени они жили порознь, у каждого – своя семья. Месяцами и даже годами не виделись. Окончательно решив соединиться с Колчаком, Тимирева объявила мужу о своем намерении «всегда быть вблизи Александра Васильевича».

В августе 1918 года постановлением Владивостокской консистории она была официально разведена с мужем и после этого считала себя женой Колчака.

Отношения Анны с Александром были крепкими, преданность друг другу, вопреки всем жизненным обстоятельствам, была настолько сильной, что в январе 1920 году Анна добровольно пошла под арест вместе с адмиралом Колчаком. Это, конечно, поступок сильный, не каждая женщина на него способна, и не всякий мужчина заслуживает такой любви.

Так глубоко ты в сердце врезан мне,
 Что даже время потеряло силу
 И четверть века из своей могилы
 Живым ты мне являешься во сне,

Любовь моя... И у подножья склона,
И в сумерках все не могу забыть,
Что в этот страшный мир, как Антигона,
«Пришла не ненавидеть, но любить».

Кем же была для адмирала его последняя любовница Анна Тимирева? Чтобы понять это, надо понять характер Александра Васильевича.

Служить с Колчаком было нелегко. Говорят, что в гневе он наводил на подчиненных страх... Бывало, что, обращаясь к старшим, он, произнося «почтительнейше докладываю вашему превосходительству», сопровождал доклад ударами кулака по столу.

Барон Будберг: «...Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыскивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тускнеет, то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников».

Эти, как и многие другие свидетельства, наталкивают на предположение, что все-таки природой Александр Васильевич не был задуман как воитель, как государственный деятель. При всей своей внешней суровости, внутренне он оставался сентиментальным, наивным, склонным к рефлексии человеком.

Несломленная в жерновах судьбы

«Независимо от того, какое положение занимал Александр Васильевич, для меня он был человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым...», – так писала об адмирале Колчаке Анна Васильевна Тимирева-Книпер.

Позади были почти сорок лет лагерей, гибель любимого человека, потом гибель нового спутника жизни, которого ей довелось встретить, гибель сына. Все они пропали в безднах ГУЛАГа. Много, даже по меркам сталинской эпохи. Но она умудрилась выжить и до конца дней сохраняла поразительные память и доброту.

Из воспоминаний Анны Васильевны:

«С утра меня одолевало предчувствие: сегодня, 6 февраля 1920 года, должно случиться что-то ужасное. За окном гремели выстрелы, в коридоре грохотали сапоги. Я приникла к "глазку" камеры и последний раз в жизни увидела его – человека в серой папахе вводили люди в черном...»

Семь арестов за 30 лет

«После расстрела Колчака я тоже ждала смерти. По субботам и воскресеньям людей отправляли в подвал, а потом телеги увозили трупы к общим могилам. В ноябре 1921 года меня вызвали с вещами, я подумала, что это конец, но меня отправили в Москву. Помог случай, за меня вступилась первая жена Горького, Екатерина Пешкова, опекавшая политзаключенных, она

дошла до Дзержинского. Я оказалась на свободе. Впереди была долгая, бедная и трудная жизнь».

Выйдя из лагеря, Тимирева подала местным властям прошение о выезде в Харбин (там в это время жил ее первый муж – Сергей Тимирев). В ответ получила короткую резолюцию «Отказать» и год тюремного заключения. Третий арест последовал в 1922 году, четвертый – в 1925-м. Обвинение: «За связь с иностранцами и бывшими белыми офицерами». Ее приговорили к трем годам тюрьмы.

Освободившись, Анна Васильевна вышла замуж за инженера-путейца Владимира Книпера. Но хождение по мукам продолжалось.

Весной 1935 года – новый арест за «сокрытие своего прошлого», лагерь, вскоре замененный поднадзорным проживанием в Вышнем Волочке и Малоярославце. Работала швеей, вязальщицей, дворничихой. В 1938 году – снова арест, шестой по счету.

На свободу она выходит после окончания войны. Из родных почти никого: ее 24-летнего сына от брака с Тимиревым Володю, талантливого художника, расстреляли 17 мая 1938 года. Муж Владимир Книпер умер от инфаркта в 1942-м: не выдержал травли супруги.

Ей по-прежнему не разрешают жить в Москве, и она перебирается в Щербаков (ныне Рыбинск) Ярославской области, где Книпер-Тимиревой предлагают работу бутафором в местном драмтеатре.

...Город Рыбинск, провинциальный театр. Немолодая особа небольшого роста с короткими седыми волосами и яркими живыми глазами выстраивает в фойе рыбинского театра бутафорскую композицию.

Движения плавные и на редкость осмысленные. На первый взгляд – обычная труженица. Никто в театре не знал истории Анны Васильевны, ее любовной трагедии, связанной с Колчаком. Только вот почему-то режиссер театра, уважаемый человек, да еще с дворянским происхождением, всякий раз, когда Анну Васильевну видел, подходил и целовал ей руку. С чего бы такие знаки внимания какой-то бутафорше, шептались за кулисами.

...Крохотная комнатка в коммунальной квартире – высокий лепной потолок, огромное окно. Анна Васильевна заваривает чай, а на столе – два кусочка черного хлеба. Ужасающая бедность.

Вот что рассказывали об этой встрече красноярцы Анатолий Чмыхало и забайкальский поэт и писатель Георгий Граубин:

«Первым делом Тимирева потребовала ответить:

– Кто был, по-вашему, Александр Колчак?

– Крупный полководец, ученый, государственный деятель, великий человек...

– Теперь спрашивайте...

Разговор состоялся тяжелый.

"Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние годы его жизни. Вот, в сущности, и все. Я никогда не была политической фигурой, и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось".

Полжизни она провела в советских лагерях, в том числе и среди уголовников.

И тем не менее, за 37 лет к ней не пристало ни одного лагерного слова: речь интеллигентна, во всех манерах ее чувствовалась блестящее дворянское воспитание. Единственное, что омрачало внешние впечатления: она курила дешевые сигареты. Курила беспрестанно и через длинный, примитивно изготовленный мундштук. И вообще она была одета бедно. Но в целом она сохранила себя. Была в курсе культурной жизни, если уж не страны, то, во всяком случае, столицы. Голова у нее была светлая.

Еще в начале разговора она заявила, что о политике говорить не будем. Политика ее не касается. В политику она не вмешивалась и тогда, в Омске в 1918–1919 годах...»

Из воспоминаний Анны Васильевны: «Отец мой был художественным руководителем и главным дирижером концертов Русского музыкального общества. Шестнадцать лет возглавлял консерваторию. Не приняв бури революции, он покидает пост ректора, передает его Ипполитову-Иванову, а сам уезжает в Америку. Он еще в начале века предсказывал, что нельзя делать революцию. Россия так устроена, что ее должны возглавлять императоры, нужен свой дирижер, свой руководитель этого огромного оркестра...»

С 1906-го по 190-й год он жил в США, был дирижером филармонии, директором Национальной консерватории в Нью-Йорке. Как педагог создал одну из ведущих дореволюционных русских пианистических школ.

Мама – Варвара Ивановна обладательница превосходного меццо-сопрано. Она блестяще окончила Петербургскую консерваторию по классу пения, много концертировала, но, выйдя замуж, целиком посвятила себя семье. Она была дочерью Ивана Алексеевича Вышнеградского, основоположника очень популярной ныне и очень широко используемой теории автоматического регулирования. Позже он оставил свою научную деятельность, увлекся администрированием, стал у Александра III министром финансов».

«Теперь мне все кажется сном: детство в Кисловодске в большом уютном доме на Крестовой горе, любящая семья, музыка, величественные горы, любимая «Ильинки» на живописном берегу Подкумка, где совсем недавно женщин в роскошных платьях мужчины во фраках и парадных мундирах во время бала приглашали на тур вальса. А сегодня вся былая роскошь осталась в забвении, как и та эпоха...», – вспоминала Анна Васильевна.

Очень зримо представляется из рассказа Тимиревой сцена ареста Колчака в поезде:

«Мы сидели в вагоне моего незабвенного Александра Васильевича. Зашли эти непутевые люди. В грязных сапогах. Грязь сразу потекла на дорожку. Какой-то идиот стал просить у него оружие на память. "Что вы себе позволяете? Какое право вы имеете тыкать?", – руки Александра Васильевича задрожали, он опрокинул чернильницу. Я подошла к нему, успокаивая, как делала всегда, взяла за запястье: "Сашенька"».

На станции Инокеньевская Колчака предательски передают большевикам. Красноармейцы по льду Иртыша препровождают его, Анну

Васильевну Тимиреву, нескольких гражданских и военных членов правительства.

В протоколе задержания указано: «Баронесса Тимирева сдалась добровольно, желая остаться с Колчаком». В тюрьме мужественная женщина добивается совместных прогулок в тюремном дворе.

Во время прогулок Александр Васильевич произнес слова: «Одна ваша любовь не знает измены...» Предчувствуя исход следствия, Анна Васильевна обратилась к тюремному начальству: «Расстреляйте меня вместе с ним». Но ей сохранили жизнь, если только можно назвать жизнью 37 (!) лет, проведенных в сталинских лагерях и тюрьмах. За несколько часов до расстрела Колчак написал ей записку, так до нее и не дошедшую. Десятки лет листок кочевал по папкам следственных дел: «Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне... Не беспокойся обо мне. Я чувствую себя лучше, мои простуды проходят. Думаю, что перевод в другую камеру невозможен. Я думаю только о тебе и твоей участи... О себе не беспокоюсь – все известно заранее. За каждым моим шагом следят, и мне очень трудно писать... Пиши мне. Твои записки – единственная радость, какую я могу иметь. Я молюсь за тебя и преклоняюсь перед твоим самопожертвованием. Милая, обожаемая моя, не беспокойся за меня и сохрани себя... До свидания, целую твои руки». Свидания больше не было.

Его расстреляли 7 февраля 1920 года, на следующие сутки после дня рождения....

Вот так, через историю одной семьи, мы можем выйти на рассказ об одной из величайших трагедий XX века – о неслыханных репрессиях и забытых именах.

Это светлая печаль о трагических жизнях, которые не заканчиваются смертью... Десятки тысяч жертв террора – священников, офицеров, художников, инженеров, крестьян, рабочих – всех, из кого складывается народ.

От нищеты Анну Тимиреву спас американский пианист, звезда мировой величины Ван Клиберн. Он заявил журналистам, что его «музыкальным дедушкой» был не кто иной, как Василий Сафонов, директор сначала Московской, а затем Нью-Йоркской консерватории. Только тогда вспомнили про дочь Сафонова и назначили ей по ходатайству Д. Шостаковича, Н. Обуховой, И. Козловского пенсию в 45 рублей «за заслуги отца перед русской и мировой музыкальной культурой».

После реабилитации Анна поселилась в Москве, получив крохотную комнатку в коммуналке на Плющихе. Работала библиотекарем, архивариусом, дошкольным воспитателем, чертежником, ретушером, картографом, членом артели вышивальщиц, инструктором по росписи игрушек, маляром, бутафором и художником в театре, подолгу оставалась безработной или перебивалась случайными заработками.

Думаете, она стала дома вязать носки километрами и судачить о соседках? Нет. Не той породы эта женщина была. Несмотря ни на что, хранила в себе «огарочек поэзии». Может быть, это давало силы жить, а не просто выживать? Анна консультировала Сергея Бондарчука в его киноэпопее «Война

и мир», сыграла в массовке фильма пожилую дворянку, а в «Бриллиантовой руке» Леонида Гайдая – «даму с осуждающим взглядом» в сцене рядом с Леликом (его играл Анатолий Папанов) – в эпизоде показа мод. Сыграла в ленте «Умеете ли вы жить?».

В 1975 году Анна Васильевна попала в больницу, из которой уже не вышла. С собой у нее была тетрадь, в которой Анна Васильевна сделала только одну запись: «Оглядываясь на свою прошедшую жизнь, я не могу воскресить себя той, которой была. Что общего у меня с молодой, горячей и на все готовой женщиной? Так, уголек от прежнего огня...»

Перед смертью она говорила: «Во все прожитые мною годы разбуди и спроси меня, чего я хочу больше всего на свете, я бы ответила – видеть его...» За несколько лет счастья ей пришлось заплатить тяжелую цену – годы тюрем и ссылок, потеря близких, скитания и нищета.

Она не жалела и жила только для того, чтобы сохранить память о нем и их любви.

Финальные титры фильма «Адмираль»: «Анна Васильевна Тимирева умерла в Москве 31 января 1975 года». Своего адмирала она пережила на 55 лет.

Вот такая история....

Имена многих наших земляков стали олицетворением целой эпохи в истории отечественной и мировой культуры. В их числе и семья Сафоновых, оставившая добрый след на георгиевской земле.

Сафоновы, словно магический кристалл, отражают страшную историю триумфа и трагедии российской интеллигенции. Почему трагедии? – думается, объяснять не надо. И триумфа тоже, так как в самых страшных обстоятельствах в нашей стране было слишком много людей, сумевших не потерять человеческое достоинство и не совершить подлость.

Каждая страница документального повествования об этой династии вырастает в реквием. И не только семьи Сафоновых, а по всем загубленным, безвестным, канувшим в лихолетьях двадцатого века.

*Медведева Любовь Васильевна
Алтайский край*

Из истории почты села Паутово

Почтовое дело стало зарождаться на Руси еще в X столетии. Правда, тогда послания и депеши отправляли преимущественно князья. Простые же люди должны были беспрекословно предоставлять княжеским гонцам коней и корм: такая повинность называлась «повозом». Позже, в XIII веке, появились первые почтовые станции – ямы, и почтовая повинность трансформировалась в ямскую. Между станциями также ходили лошади, которых предоставляло местное население. Гонцов на лошади возили сами крестьяне. Расстояние между ямами составляло до 100 километров. Таким образом, крестьянин мог «выбыть» из домашних дел на несколько дней. К тому же, такая работа не оплачивалась. Получать вознаграждение за свой труд ямщики стали только при

Иване Грозном. Почтовая служба в классическом ее понимании возникла в XVII веке, при этом ямское дело продолжало существовать параллельно с ней. Ямщики доставляли срочные послания в конкретное место, а почтальоны разносили много писем сразу строго в определенное время. При Петре I ямская и регулярная почта слились в одну организацию, которой управлял генерал-почтмейстер. Высшими органами были почтамты, а внизу иерархической лестницы находились почтовые станции. Внутригородская почта появилась в России в 1833 году: она работала в Петербурге. Жители столицы могли отнести свои письма в один из 45 пунктов приема. Трижды в день письма отвозили в почтамт, где послания сортировали, и почтальоны разносили их адресатам. В середине XIX века с появлением марок, которые нужно было клеить на конверт, в городах разместили почтовые ящики, и людям уже не приходилось подолгу ждать своей очереди в пунктах приема писем. Первые ящики были сделаны из досок, обшиты железом и окрашены в темно-синий цвет. Новинка быстро стала мишенью для воришек, и ящики один за другим исчезали с городских улиц. Тогда их начали делать из чугуна: вес одной такой конструкции составлял под 40 килограммов, и снять его стены было довольно затруднительно. К 1896 году в России насчитывалось больше 15 тысяч почтовых ящиков.

Почтальона в России можно было издалека узнать на улице по его форме, похожей на солдатский мундир. Позже ношение формы было упразднено, и мундиры были заменены сюртуками, которые почтальоны должны были приобретать из своего кармана. В конце XIX и начале XX века рабочий день почтальона длился целых 16 часов – с раннего утра и до самой ночи. За это время сотрудник почтового ведомства мог прошагать около 30 километров с сумкой, весившей десятки килограммов. По этой причине корреспонденцию разносили только мужчины, а женщины, как правило, трудились в канцелярии ведомства. На работу принимали только незамужних, бездетных и вдов. При поступлении на работу каждая женщина подписывала обязательство о том, что она покинет службу в том случае, если решит обзавестись семьей. Считалось, что муж и дети послужат для сотрудниц отвлекающим фактором и помешают рабочему процессу. Несмотря на непростые условия труда, оплачивалась работа почтальона весьма скромно. Так, в начале 1900-х годов средняя зарплата сотрудника почты составляла 20 рублей в месяц. При этом литр сметаны стоил около 80 копеек, а килограмм шоколадных конфет – 3 рубля. Чуть больше получали почтальоны, перевозившие корреспонденцию на лошадях: за одну такую поездку им полагалось по 20 копеек прибавки в сутки. В 1912 году в «Почтово-телеграфном вестнике» вышла заметка, которая гласила: «Чай стоит 5 копеек, хлеб – 4 копейки фунт, остается 11 копеек на обед. Мудрено каши отведать на эти жалкие гроши... Неужели Главное управление не сознает, что за 20 копеек в течение суток прокормиться невозможно?»

Шли годы, происходили изменения и с почтой.

Профессия почтальона, бесспорно, насколько значимая, настолько и ответственная, трудная, сообщение между людьми необходимо всегда.

Работа эта требует от сотрудников честности, добросовестности, аккуратности, так как они несут материальную ответственность. Она требует хорошего физического и психологического здоровья, почтальону приходится много ходить, причем в любую погоду, по сельскому нашему бездорожью... Он должен быть гуманным человеком, уметь общаться с людьми.

Наши сельские почтальоны – именно такие люди. В Паутово почтальона всегда ждали и ждут.

Обратимся к нашей истории. До войны и после почту в село доставляли из Быстрого Истока на лошадях. Из колхоза имени Крупской почту возила Анисья Владимировна Родионова, она начала работать ямщиком, когда была еще подростком, в 14 лет. Анисья Владимировна вспоминала: «У меня было двое сопровождающих: Владимир Валуйских из Петропавловки и Арсений Кучин из Быстрого Истока, они возили секретную почту, письма, посылки, были вооружены револьверами. Ездили в любую погоду: в лютые морозы, бураны, иногда приходилось ночевать в поселке Восход, ездили посменно. Работали за трудодни. В Паутово ямщиками были Семен Скоробогатов и подросток Ваня Старостин. Почта до войны находилась при сельсовете, это здание не сохранилось, а располагалось оно примерно там, где сейчас усадьба Александра Наземцева».

Начальником почты в селе работала Анна Дмитриевна Ромицина. В плохую погоду, когда ямщики приезжали часа в 2-3 ночи, почту завозили Ромициной домой.

Село Паутово по протяженности очень длинное, до 7 км, и почтальонам всегда приходилось очень трудно. За день сильно уставали, а дома ждали семейные заботы.

Особое волнение испытывали жители села во время войны, когда к дому подходил почтальон. Почти везде ждали вестей с фронта, а каково отдать в руки похоронку? Чужую боль эти женщины принимали как свою. Почтальонами в то время работали Мария Алексеевна Кожина, Мария Михайловна Задонских, Мария Лукьяновна Лаушкина. Это были самые трудные годы, люди голодали, много работали, почти не отдыхали, но старались не жаловаться.

В 1955 году молодой девушкой приехала работать в село Мария Трофимовна Ветчинкина, ее назначили начальником почтового отделения; почта в то время по-прежнему располагалась в сельсовете. В 1956 году решено было построить отдельное здание. Сооружать его помогали все почтальоны, шоферы подвозили песок, женщины заливали фундамент, штукатурили, белили, красили; получился маленький домик, одну половину заняла почта, другую отдали под квартиру М.Т. Ветчинкиной, позднее здесь был красный уголок.

Почтальонами в то время работали Надежда Николаевна Скоробогатова, Мария Егоровна Дружинина, Ирина Еремеевна Черемисова. Женщины-почтальоны работали за трудодни, Мария Трофимовна получала зарплату. Колесникова-Ромицина Анна Дмитриевна в это время работала помощником начальника отделения связи.

Ветчинкина Мария Трофимовна имела 8 классов образования, затем проучилась на курсах связистов в Томске. Начальником районного узла связи работала Татьяна Прокопьевна Дрокова. Она была очень внимательна к своим подчиненным.

Мария Петровна Казанцева, которая начала работать почтальоном в 1951 году, вспоминает, что все хозяйственные дела почтальоны выполняли сами: кололи дрова, разгружали уголь, дежурили у коммутатора; ей еще пришлось работать исполнителем при сельсовете, приходилось пешком ходить в Декалу в любую погоду, брести по огромным лужам.

Нина Ивановна Новикова, которая работала почтальоном в 1960-е годы, вспоминает, что ремонт на почте они делали собственными силами. Оформляли подписку, она достигала в те годы 1500 экземпляров. Платили почтальонам мало – по 18 трудодней.

В 1960-е годы почтальонами работали многие: Александра Григорьевна Полянская, Пана Глущенко, Ира Налимова. С Н.И. Новиковой работала Раиса Федотовна Бонарева, Мария Федоровна Шалякина. В 1969 году построили новую колхозную контору, и председатель колхоза Я.Е. Ендовицкий предложил почтальонам комнату в ней для отделения связи. Но оказалось, зря они покинули свой теплый домик, в конторе было очень холодно. Продержались почтальоны здесь до 1972 года, а потом им предложили другое помещение, которое надо было прежде поштукатурить, побелить, покрасить. Засучив рукава, почтальоны стали облагораживать свое новое жилище. Им уже платили заработную плату, но она была небольшой, а труд был ответственный и тяжелый.

Почтальоны менялись часто. В 1970-е годы работали Людмила Ивановна Рехтина, Клавдия Ивановна Паутова. Клавдия Ивановна вспоминает, какие у них были тяжелые сумки, доходили до 20 килограммов, и еще все туда не помещалось, почтальоны несли в руках сетки с журналами. Доставляли они и пенсии, в выходные тоже приходилось работать – разносить телеграммы.

М.Т. Ветчинкина, помимо заведования почтой, была еще и контролером сберкассы; много позже сберкассе отделили от почты.

В 1972 году в новое здание почты пришла работать техничкой и истопником Татьяна Филимоновна Рехтина. Благодаря ее самоотверженному труду, на почте всегда было тепло, чисто и уютно. Она проработала здесь 10 лет, ее сменила Галина Михайловна Пушкарева – она совмещала работу технички и почтальона. Сейчас мы вновь вернулись к тому времени, когда работники почты сами убирают помещение.

В 1988 году заведующей отделением связи стала работать Людмила Ивановна Пчельникова; в селе было построено новое кирпичное здание, где находилась поликлиника, и в 1989 году туда решили перевести почту. Людмиле Ивановне посчастливилось работать в новом здании, где было уже центральное отопление. Помощником ее была В.С. Алексеенко; начальником районного узла связи работал и работает В.П. Новичихин. Все работники почты, особенно пенсионеры, отмечают, что это очень внимательный человек, в коллективе не забывают о ветеранах труда, не скупаются на доброе слово к праздникам.

В годы перестройки и после, когда людям перестали платить зарплату, резко сократилась подписка, подорожали почтовые услуги, произошло сокращение почтальонов. Село стали обслуживать всего два человека. Труднее стало выполнять план, но люди надеялись на лучшее.

С 1 января 1993 года от почты отделили операторов телефонной связи, отныне не стали здесь принимать телеграммы. С 1993 года заведующей отделением связи работает Светлана Александровна Говорухина. На почту пришла молодежь: почтальонами в те годы были Марина Ивановна Шматова, очень добросовестный работник, о ней писали в «Ударнике», и Вера Дмитриева Ширнина. Потом «толстую сумку на ремне» носили по нашему селу две Оксаны – Петрова и Котова. В 2005 году с целью сокращения управленческого аппарата Петропавловский узел связи присоединили к Смоленскому. Теперь в каждом селе действует отделение связи, входящее в Смоленский узел. Почту доставляют из Смоленского в каждое село три – четыре раза в неделю. Наше почтовое отделение называется так «Почтовое отделение Паутово Смоленского почтамта».

Кадры с годами менялись. С 2015 года начальником почты начала работать Фурсова Елена Владимировна, у нее в подчинении два почтальона – это Очаковская Ирина Геннадьевна и Михайлова Оксана Сергеевна. На почте появился компьютер. Услуги связи на территории района оказывают 2 организации: Петропавловское отделение Смоленского почтамта ФГУП «Почта России», УФПС Алтайского края, Алтайский филиал ОАО «Сибирьтелеком», Петропавловский районный узел электросвязи. В районе функционируют 8 отделений почтовой связи. Телефонную связь имеют все населенные пункты района. В районе активно развивается сотовая связь. На территории района работают три оператора сотовой связи: «Билайн», «МТС» и «Мегафон». В рамках проекта «Электронная деревня» в селе Паутово действует интернет-киоск, возведена вышка мобильной связи.

Как и прежде, жители Паутово с нетерпением ждут почтальона. Как можно больше всем нам хороших, радостных вестей!

*Меньшова Ирина Александровна
Ставропольский край*

Неравнодушный к судьбе родного уголка человек

Красивая картина расстилалась вокруг – поля налево, поля направо. Смотри на изумрудную зелень да радуйся – сколько свежести, сколько простора... Только вот урухчане, особенно те, кто постарше, восторга по этому поводу не испытывают. Потому что хорошо помнят, каким был здесь пейзаж лет 20-30 назад: до самого горизонта тянулись сады, да какие! Абрикосы с куриное яйцо! а груши! а яблоки! а вишни! а сливы! а виноград! Все вокруг благоухало, радовало глаз, щедро одаривало всевозможными фруктами.

А потом все это стало исчезать... С ними, с садами, столько хлопот; то ли дело – засеяли поля пшеницей или кукурузой – и никаких тебе забот до самой уборки! Только как обеднили мы себя и детей наших таким примитивным

хозяйствованием. Вырубает леса, сады, изгаляемся над природой, а что людям после себя останется? Такой примерно разговор состоялся у меня с урухчанином, которого я попросил показать мне один известный всей станице родник, который обустроил, привел в божеский вид пенсионер Борис Николаевич Хриняк.

И следа не осталось от былой неухоженности подземного ключа, не родник стал, а – настоящее произведение искусства. Громко сказано? Не сомневаюсь, что при случае Мастер, если был бы еще жив, высказал мне свое недовольство: «Я же просил, если уж писать об этом, то – как можно скромнее, короче...». Я помню о вашей просьбе, Борис Николаевич, но очень трудно сохранять бесстрастность, когда душу переполняет восхищение перед прекрасным творением рук человеческих!

Представьте себе просторную поляну в лесу, в обрамлении стройных кленов и ясеней. А в уголке ее – родник со срубом, как у колодца, с симпатичной «цаплей» на боку, при помощи которой к вам поднимается изящный черпачок – бери и пей на здоровье чистейшую, напоенную лесной прохладой воду. Которую так бы пил и пил – настоящую ключевую воду, от вкуса которой многие из нас давно отвыкли. Прикрывает сруб серебристое восьмигранное покрытие (назову эту деталь, которую два-три года назад, скажу честно, недолго думая опустила бы, а сейчас считаю себя не вправе подгонять картинку под всем удобный стереотип) с ликом... Николая угодника и выгравированной на металле надписью: «Да поможет вам Бог в благородных трудах ваших».

Родник огорожен изящной ажурной оградой, две ступеньки ведут к нему. Металлические и деревянные части ограды настолько умело подогнаны друг к другу, что составляют один ансамбль. Ансамбль, который от начала до конца сделал своими руками Борис Николаевич Хриняк. Где доставал материалы? «С этим никаких проблем не было, – рассказывал Мастер. – Все металлические части – из металлолома, его на птицефабрике (а там я, кстати, тридцать лет строителем проработал) хватает. Кое-что в колхозной бригаде выпросил, из негодных деталей...». А серебристые «тюльпаны» из алюминия, а резные деревянные столбики по бокам ограды? «Все Борис Николаевич самолично изготовил, – подтвердила его жена Мария Сергеевна. – По ночам сварку производил, чтобы никому не мешать, даже мне о том, что задумал, ничего не говорил. И только когда работа к концу подошла, я узнала обо всем. Не любит он раньше времени хвалиться, таков уж у него характер...»

У каждого творения есть своя первопричина. А что побудило нашего героя обустроить этот полузабытый родник?

По словам Бориса Николаевича, эта мысль зародилась у него давно, лет 18 назад. Вспомнился завет предков, которые говорили, что каждый человек должен посадить дерево, выкопать колодец... Мысль, что и говорить, очень простая, да только многие ли из нас относятся всерьез к этой заповеди? Вот он и решил: а почему бы не сделать достоянием людей этот заброшенный в лесной глуши родник?

Не сразу увидел в проекте именно такое оформление. Поначалу виделось оно гораздо проще, скромнее. Но, видимо, кого-то и такой вид родника выводил из себя – здесь и мусорили, и даже из ружья в сруб стреляли. Но мысль – сделать так, чтобы родник жил и радовал людей, укрепились прочно в его душе. И вот настал момент, когда он сказал себе: пора! И с подъемом принялся за дело. Были, конечно, трудности разные, но, в общем, работа подвигалась удивительно споро – «будто сам Бог помогал».

В какой именно день он приступил к работе, это, считает Борис Николаевич, не так уж важно. А вот цель он себе поставил – закончить работу к 22 мая, на Николая-угодника, и с этой задачей справился, день в день! Почему именно в честь этого святого? Очень он его уважает...

Хотел поставить ограду незаметно, потому что не ради славы – ради души все это делал, но не удалось. Перед работой по пути на птицефабрику «Георгиевская» заехали попить водицы из родника два Анатолия – Рузавин и Мельников, увидели земляка, который возился с привезенной на мотоцикле конструкцией. Помогли установить.

Вскоре о необычном роднике знала вся станица. И потянулись к нему люди – пожилые и молодые, верующие и атеисты, всем пришелся по душе обновленный родник. И вот уже всем отрядом приводят сюда детей из пришкольного лагеря, и этот, довольно удаленный от станицы, уголок стал излюбленным местом отдыха урухчан. Да и жители Нижнезольского знают сюда дорогу. Сотни людей побывали здесь, но вокруг чисто – ни бумажки, ни окурка. И постоянно букеты цветов: пионы, «девичья краса».

Я не знаю, о чем говорят, на что обращают внимание школьников приводящие их сюда учителя о чем беседуют на лавочке у родника супружеские пары с детьми. Но думаю, и так каждому ясно: доброе дело сотворил их земляк. И если бы все мы за текучкой мелких дел почаще думали о вечном, о том, что оставим после себя людям, жизнь наша стала бы лучше и чище. Как этот лесной родник, которому дали вторую жизнь доброта и труд неравнодушного к судьбе родного уголка человека.

*Мирзалиева Мирра Рустамовна
Рук. – Ступак Лилия Васильевна
Донецкая Народная Республика*

Маленькие ангелы

*Детям, пережившим ту войну,
Поклониться нужно до земли!
В поле, в оккупации, в плену,
Продержались, выжили, смогли!*

Салий В.

Каждый год, в теплые майские дни, вся наша страна после Победного марша на Красной площади молчаливым нескончаемым потоком идет с портретами людей, которые завоевали нашу Победу на полях сражений и работая в тылу. А еще вспоминают всех, кто не смог пережить эти страшные

годы. Но я никогда не видела портретов погибших детей – их нести, наверное, некому...

22 июня 1941 года... «Внимание! Внимание! Передаем срочное сообщение! – звучало из всех радиоприемников страны. – Сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война». Война! Славян, евреев, цыган немцы считали людьми «второго сорта» и целенаправленно уничтожали. Всего мирных людей русской национальности погибло около восьми миллионов человек. Не было семьи, не потерявшей близких, не было дома, которого бы не коснулось горе. Но самое страшное – пять миллионов детей стали узниками фашистских лагерей, и на их долю выпало очень многое: болезни, холод, тяжелый труд, медицинские опыты, забор крови для фашистов. Невозможно забыть всех преступлений, совершенных на нашей земле, невозможно простить жестокость и беспощадность карателей. И поэтому во многих городах России стоят мемориалы всем сожженным, взорванным, закопанным, замученным пытками, пропавшим в неволе и в концлагерях детям, взрослым, старикам, подвергшимся самому страшному геноциду в истории человечества. Вот и в нашей республике есть такой памятник.

До войны это был детский сад, самый детский, с огромными деревьями и светлыми окнами. Но фашисты организовали там приют «Призрение». Место, куда каждое утро мамы, спеша на работу, приводили своих малышек, где звучал детский смех, превратили в приют, и не просто в приют, а в приют смерти. И смерть там обосновалась надолго... Еды детям давали немного, да и то подножные продукты: то гнилую свеклу, то кукурузу. В приюте было более шестисот девочек и мальчиков. Детей-евреев расстреливали сразу, над оставшимися проводили опыты. А была еще чистая, но очень страшная комната. Няня, приводившая туда детей, говорила, что нужно сдать анализы, но после всех этих процедур у малышек почему-то очень кружилась голова и им трудно было ходить. Оказывается, у маленьких узников брали, нет, выкачивали кровь, донорскую кровь для раненых солдат Вермахта. Самому старшему из пленников было двенадцать лет, самому младшему – шесть месяцев. Сколько погибло – сосчитать трудно: кто выживет в таких условиях?!

Выжили... И о том, что происходило в этом приюте, узнали все. А рассказала об этом девочка Галя Самохина – она со своим младшим братишкой провела там самые жуткие годы, которые хотелось забыть, просто вычеркнуть из памяти... Но нет, не получилось. Не вышло, потому что нельзя просто забыть в штабель сложенные тела детей, ужас от увиденного, страх, что в комнате, где жил ее братик, она его не найдет...

И это одна история из тысячи. Кто-то из детей приюта «Призрение» выжил, а кто-то нашел свой последний приют в огромном захоронении, которое вскоре после освобождения Донбасса от фашистов обнаружили под Донецком – там нашли около трехсот тел мертвых детей. И в память об этих страшных событиях появился памятник, единственный в мире памятник Детям-донорам, тем самым, из приюта «Призрение». Этот мемориал – молчаливый укор всем,

кто еще не понял, что война – это страшно, что страдают ни в чем не виновные маленькие ангелы.

Но события тех далеких дней позабыты, и вот уже в наши дни, спустя 80 лет, новая война бомбит, убивает, калечит людей. И на земле Донбасса погибают дети – невинные жертвы жестокой войны, уроков которой так и не выучили. И вновь потоком идут люди по Аллее Ангелов, несут игрушки и живые цветы оставшимся маленькими навсегда...

Каждый год, в теплые майские дни, вся наша страна после Победного марша вспоминает всех, кто погиб в эти страшные годы... Вспоминает и маленьких ангелов, чьи портреты, наверное, нести уже некому...

*Немыкина Елена Владимировна
Ставропольский край*

Есть имена, события и даты...

Так уж меняется отношение общества, людей к современной жизни и событиям прошлого, что мы порой вычеркиваем, не только из памяти, но и из названий городов, сел, прежде уважаемые и известные имена. Неудивительно, что отсюда пошла и «мода» сносить памятники, даже героям – Героям Великой Отечественной войны, гражданской, убирать из скверов и от Домов культуры Ленина, фигуры спортсменов, ранее вполне себе гармонично вписывающихся в общий архитектурный ряд.

Тогда что говорить о героях гражданской войны начала 20 столетия? Я, каждый раз подводя посетителей музея к экспозициям, связанным с борцами за Советскую власть, с казачеством, ловлю себя на мысли и произношу ее вслух, что сложно объяснить порой, кто прав, а кто нет, в гражданской войне. Она же недаром так и называется, в обиходе, братоубийственной...

Кочубеевский район образован сравнительно недавно, 14 августа 1959 года, когда нынешний Невинномысск получил статус города краевого подчинения. Сегодня это самая развитая индустриальная площадка, пожалуй, не только на Ставрополье, но и на всем Северном Кавказе.

Но вернемся домой, в Кочубеевский район. С 1935 по 1956 г. он носил имя немецкого политического деятеля Карла Пауль Фридриха Августа Либкнехта. И это было не случайностью: село Кочубеевское в 1961 году объединило два раздельно стоящие села: Великокняжеское, основанное немцами-меннонитами, и Ольгинское – как удел русских крестьян, украинских казаков. Дата их «рождения» – 1866 год.

Немецкие промышленники и заводчики Тиссен, Герцен, Фризен, Панкрац в начале 1900-х годов организовали чугунолитейное, кирпично-черепичное производство, построили предприятия, артели по ремонту и выпуску сельскохозяйственных машин. Справедливости ради, именно эти отрасли до сих пор сохранились в селе Кочубеевском. И если тогда строились за счет собственных и заемных средств конкретными людьми, то история повторяется, ведь сегодня это – акционерные общества с большим процентом частного капитала.

Немудрено, что после революции и установления Советской власти было принято решение партийными и исполнительными органами о присвоении району имени немецкого коммуниста, последователя учений Маркса и Энгельса. К слову, в селе Кочубеевском есть и улицы Энгельса и Маркса, расположенные неподалеку друг от друга. По иронии судьбы – рядом Колхозная и Рабочая и 60 лет Октября.

Но историю делают не только налаженные производства и культурные ценности, а, скорее всего, люди, личности.

Так порой случается, что жизнь и поступки некоторых людей, как, например, Ивана Кочубея, героя Первой мировой войны, красного комбрига, спустя векпосле гибели обсуждаются, вызывая неоднозначные оценки.

Он родился 25 июля 1893 года в хуторе Роцинском, ныне территория Георгиевского поселения. Отец – потомственный казак Антон Иванович Кочубей, из Приднепровья, а мама, Екатерина Поликарповна, уроженка станицы Воровсколеской, что из Андроповского округа, а тогда Баталпашинского отдела Кубанской области. Оба – великие труженики, были очень уважаемой семьей, их лидерство сказалось на том, что в начале 20 века они и их товарищи переехали на новую землю в Кавказский отдел Кубанской области, на реку Бейсуг, образовав там станицу Александро-Невскую.

Иван был первенцем у Кочубеев, крещен в станице Беломечетской, в храме Михаила Архистратига. Через несколько лет в семье один за другим появляются еще семеро братьев и сестер – Антон, Мария, Любовь (Олимпиада, Ольга), Варвара, Степан, Порфил (Порфирий) и Илья. Учиться в школе, а их в округе было немало, не довелось: дорого. Отец, безусловно, пожалев Ивана, попросил трудиться. А Иван и не возражал – пас скот, чужие табуны, отары, в результате стал лихим и умелым наездником. Невзирая на безграмотность, мальчик оказался очень способным к языкам, легко владел украинским, ногайским, черкесским языками.

В 1912 году они переехали в Александро-Невскую. Следуя строгим казачьим обычаям, когда жених и невеста, в общем-то, не имели права выбирать себе пару, отец женил его на дочери зажиточного крестьянина Ивана Семенцова Агриппине. 2 января 1914 года у них родилась дочь Татьяна, рождение которой Иван не увидел, так как служил в армии.

Первая мировая война, которая началась 1 августа 1914 года, стала большой школой для молодого казака. Служил в кавалерии, принимал участие в длительных походах против германских войск, воевал в Персии (ныне Иран), Турции, Ираке. Под командованием генерала, князя Н.Н. Баратова (Бараташвили) в составе экспедиционного корпуса старший урядник Кочубей проявил свои самые лучшие качества. Непосредственно подчиняясь генералу Шкуро А.Г., совершал партизанские вылазки в горах, где никто не мог победить противника.

За мужество и отчаянность, храбрость Кочубей награжден тремя орденами Святого Георгия, при этом неоднократно представления на награждения отмечались вышестоящим начальством. Неудивительно, что Иван

Антонович, несмотря на молодой возраст, был не только принципиальным, но и дерзким, не боялся прослыть неуправляемым.

Когда в 1917 году начались революционные волнения, Кочубей возвращается домой, к семье, но вскоре снова встает в воинский строй, вместе с товарищами-казаками организует красные кавалерийские подразделения.

Он, безграмотный и не имеющий военного образования, разбивает полки генералов Деникина, того же Шкуро, Покровского, пресекая контрреволюционные атаки. Его отряды защищают Екатеринодар (Краснодар), Армавир, Ростов-на-Дону.

Многих справедливо интересует вопрос, а воевал ли Кочубей на территории нашего района? По свидетельствам его сослуживцев, многие из которых проживали в селе Богословском и подчинялись Якову Балахонову, еще одному из прославленных комбригов, и исходя из книги «Очерки истории Кочубеевского района и г. Невинномысска» Грибанова Владимира Тихоновича, бригада воевала с белогвардейцами на территории современного Ивановского и Новодеревенского муниципальных поселений, а точнее – в пределах хуторов Тамбиевский, Калиновский, Зеленчука, Таврический, Маковский, Барановский.

Также они освобождали от белых хутора и станицы ныне Андроповского, ныне Курсавского района.

В Великокняжеском Кочубей и его разведывательный взвод побывали лишь единожды, промчавшись по современной южной части улицы Гагарина и 60 лет Октября, по направлению к станице Невинномысской.

В начале 1919 года кочубеевцы освобождают Георгиевск, несут большие потери, и командование Южного фронта принимает решение о расформировании бригады.

Пробираясь холодными днями-ночами в Прикумье Кочубей, его гражданская жена Клавдия, а также еще несколько человек были схвачены в плен, сам Иван Антонович тяжело заболел тифом. Его привезли в город Святой Крест (Прикумск, ныне Буденновск), поместили сначала в лазарет, но впоследствии в подвал одного из домов, превращенный в пыточную. Били до крови, допрашивали. Есть свидетельства того, что подчиненные царского генерала Эрдели предложили Кочубею не только вылечиться, но командовать полком, на что получили категорический отказ.

22 марта 1919 года комбриг был казнен. На шее героя висела дощечка: «Красный бандит Кочубей». Когда ему надели петлю, выбив табурет из-под ног, веревка оборвалась. Люди, согнанные на казнь, закричали: «Свободу!» Однако Божий завет был нарушен, и целую неделю Иван висел на площади города. Потом его похоронили в общей могиле. В 1957 году состоялось торжественное перезахоронение Кочубея, был установлен памятник красному командиру.

В декабре 1958 года молодой тогда еще режиссер Юрий Озеров выпустил фильм «Кочубей», в основу которого была положена одноименная книга Аркадия Алексеевича Первенцева. Напомним, что автор – уроженец села Нагут Минераловодского района, он же – троюродный брат Маяковского. Писатель, журналист, драматург, лауреат Сталинской премии. Из церковно-учительской

семьи. Во время Великой Отечественной войны работал спецкором газет «Красная Звезда», «Известия», «Красный флот». Награжден орденом Ленина. Родился в 1905 году, умер в 1981-м. Заглавную роль в фильме сыграл Николай Николаевич Рыбников.

В 1968 году в центральном парке села Кочубеевского был установлен бюст Ивана Антоновича Кочубея. Скульптор – Перетятко Федор Иванович, при этом он – автор памятников практически всех героев гражданской и Великой Отечественной войн, Героев Социалистического Труда. Кстати, его сын Александр Каравинский – автор «Ангела-хранителя» в Ставрополе.

В 1988 году в станице Георгиевской нашего района был открыт музей им. Кочубея, к сожалению, сегодня уже закрытый. На встречу с земляками приезжали дочь Кочубея, Татьяна Ивановна, и автор книги «Быль о Кочубее» (1973), учитель истории и краевед из Ставрополя Сербиненко Владимир Яковлевич. Он, кстати, первый директор и организатор музея «Память» в краевом центре, который является неотъемлемой частью мемориала «Огонь вечной славы». Также Владимир Яковлевич стал инициатором создания «Поста № 1» в Ставрополе.

В 2001 году на центральной площади села Кочубеевского, на месте, где сегодня всех радует фонтан, был установлен новый памятник Кочубею. Его автор – местный художник Валерий Каплин. Вскоре памятник «переехал» к зданию администрации села, а после реконструкции сквера у фонтана – обрел новое место, как бы рассматривая весь центр Кочубеевского.

Судьба Кочубея и его семьи трагична. В годы Гражданской войны погиб брат Антон, убивают сестру, в годы Великой Отечественной погибает Степан, а вот сестра Мария выходит замуж за сына товарища Кочубея – Михайлова. И в 2018 году наш музей нашел потомка в Краснодарском крае – сына Марии Антоновны Николая Николаевича Михайлова. Он активно занимается историей казачества, собирательством легенд, песен, стихов и обрядов казаков, часто встречается с детьми и молодежью, в том числе в Краснодарском музее им. Е.Д. Фелицына, в редакциях газет. Николай Николаевич – автор книги о казачестве «Разговор сквозь года». В ней есть и еще неизвестные нам подробности о жизни Ивана Антоновича, его семьи и друзей.

Долгое время сами братья и сестры, родные Кочубея не верили в его гибель, считали, что за его норы Советская власть сослала комбрига на Колыму. И лишь когда вышел на экраны фильм «Кочубей», им пришлось смириться с этой мыслью.

Кочубеевский историко-краеведческий музей, его филиал историко-краеведческий музей им. Я.Ф. Балахонова в селе Балахоновском хранят память о героях в фотографиях, документах, в воспоминаниях участников гражданской войны. Есть постоянно действующие экспозиции. Бесспорно, настольными книгами для сотрудников музея являются «Кочубей», «Быль о Кочубее», очерки Грибанова В.Т., проводятся экскурсии.

Не секрет, что едва ли не в каждом крупном населенном пункте района и края и даже страны есть улица или переулок Кочубея. Ему присвоено звание «Почетный житель города Невинномысска».

*Носов Андрей Юрьевич
Рук. – Абушева Светлана Васильевна
г. Калининград*

Я помню, я горжусь!

*Никто не забыт и ничто не забыто,
На все поколения и все времена.
Сединами живших и кровью убитых
Оплачена страшная эта война.*

Бугримова О.

Великая Отечественная война была одной из самых страшных и жестоких войн в истории нашей страны. Она искалечила судьбы миллионов людей. На протяжении многих десятилетий в каждой семье с особым трепетом хранится память о героизме и мужестве тех, кто сумел отстоять и защитить Отечество.

Мои прадедушки и прабабушка принимали участие в боевых действиях Великой Отечественной войны. С уважением и скорбью мы часто вспоминаем о судьбе прадедушки, который не вернулся с фронта домой.

Лопырев Ефрем Федорович родился 16 мая 1909 года в деревне Космач Смоленской области в крестьянской семье. Он работал зоотехником, был разносторонне развитым человеком: самостоятельно освоил игру на скрипке, любил книги и много читал. В 1928 году прадедушка создал свою семью, в которой к началу Великой Отечественной войны подрастало трое детей. Старшему сыну исполнилось двенадцать лет, средней дочери было четыре года, а младшему ребенку, моему дедушке, – всего лишь три месяца.

Уже на седьмой день после начала войны Ефрем Федорович Лопырев был призван на защиту Родины.

Его жена Прасковья Романовна получила всего лишь одно фронтовое письмо, и то в начале июля 1941 года, поскольку Ефрем Федорович находился на передовой.

На руках у прабабушки остались дети и ее пожилые родители. Прасковье Романовне пришлось нелегко: вместо лошади впрягалась в плуг и обрабатывала землю, рыла противотанковые рвы, привязывая платком к груди маленького сына, пекла хлеб из семян конского щавеля, собирала весной на полях гнилой картофель и готовила из него блины, которые за характерный запах и вкус в народе называли «тошнотиками». Все это тяжелое время в душе у прабабушки не угасала вера в то, что война закончится, вернется Ефрем Федорович, и жизнь снова наладится. Однако ее мечтам и надеждам не суждено было осуществиться. Отгремели взрывы кровопролитной войны, наступил долгожданный мир, но прадедушка домой так и не вернулся...

Более шестидесяти лет семья разыскивала сведения о нем, но на многочисленные запросы в военкомат и архив Министерства обороны СССР приходил один и тот же короткий и ранящий душу ответ: «Пропал без вести».

Прасковья Романовна вырастила детей, помогла им получить достойное образование. Став взрослыми и состоявшимися людьми, они продолжали искать информацию о судьбе своего отца.

И вот в 2008 году из материалов обобщенного банка данных «Мемориал», созданного по инициативе Министерства обороны Российской Федерации, наша семья узнала, что прадедушка был пленен 20 июля 1941 года в городе Кричев на востоке Могилевской области и находился в концентрационном лагере «Шталаг II-Ф», где скончался 10 декабря 1942 года.

Нам хотелось больше узнать о судьбе родного человека. Обратившись в Народный Союз Германии по уходу за военными могилами и Бюро информации и розыска Главного управления Польского Красного Креста, семья получила информацию о том, что место захоронения Ефрема Федоровича находится на Интернациональном кладбище военнопленных в небольшом польском городе Чарне.

Летом 2017 года мы посетили мемориал и почтили прадедушку.

Площадь кладбища составляет около пяти гектаров. Добраться до него непросто, особенно пожилым людям, – путь неблизкий. Восемнадцать безымянных братских могил, в которых были захоронены более сорока тысяч советских военнопленных, находились в лесу. Русские воины были измучены тяжелым физическим трудом, голодом и болезнями.

В память о погибших военнопленных на месте захоронения создана стела с мемориальной доской. Скромный памятник выполнен из камня и бетона. Близкие погибших приносят к монументу цветы, ставят свечи и прикрепляют небольшие таблички с эпитафиями. На могилах установлены бетонные столбики со звездами.

Каждого, кто оказывается в этом скорбном месте, поражает его энергетика: звенящая тишина, изредка нарушаемая пением птиц; безмолвные сосны, уходящие своими бесконечными стволами высоко к небу. У подножья деревьев растет мягкая трава, в которой под бетонными звездами покоятся тысячи погибших солдат. Звезд так много, что издали кажется, будто это уменьшенный макет забытого большого города... И становится страшно: сколько же горя, страданий и боли пережили люди.

К сожалению, огорчает неухоженность кладбища: трава не обкашивается, большая часть столбиков покосилась и нуждается в реставрации, стела местами поросла мхом... Мы с родителями решили, что при следующем посещении приведем в порядок хотя бы небольшую часть звезд. Ведь под какой-то из них покоится мой прадедушка – простой деревенский человек, проживший недолгую, но достойную уважения жизнь, отданную во благо счастливого будущего не только его родных и близких, но и многих семей в этом мире.

*Обрубова Анна Григорьевна
Самарская область*

**Сценарий праздника «8 июля – День семьи, любви и верности»
в детском саду «Ромашка – красивое имя, ромашка – моя Россия»**

Цель: Воспитывать у детей любовь к своей семье и своим родственникам, уважение к ним; создавать условия для развития взаимоотношений образовательного учреждения и родителей воспитанников.

Задачи:

-способствовать формированию позитивно окрашенных эмоциональных отношений в детском коллективе. («Социализация»)

-развитие свободного общения со взрослыми и детьми. («Коммуникация»);

-формирование у детей толерантного отношения к духовно-нравственным традициям общества;

-накопление двигательного опыта. Развивать у детей физические качества: быстроту, ловкость, выносливость.

Описание проведения мероприятия.

Сценарий праздника «День семьи, любви и верности»

Ведущая:

Поздравляю вас с Всероссийским днём семьи, любви и верности. Начиная с 2008 года, 8 июля - он ежегодно отмечается в день памяти святых супругов Петра и Февронии.

(рассматриваем икону святых)

Эта дата - замечательный повод собраться всей семьей, проявить особенную заботу о своих родных и близких. Поэтому-то ему так легко шагаются - выйдя из церковного календаря, он готов постучаться в каждую дверь. Ведь теплomu празднику рады в любом доме. (рассматриваем с детьми репродукцию иконы Петра и Февронии)

Я расскажу, почему мы отмечаем день семьи, любви и верности именно сегодня, 8 июля. Это день памяти православных святых, супругов Петра и Февронии. Они издавна почитаемы в России.

Петр был человеком благородного происхождения, князем. Однажды, сражаясь со злым змеем, который угрожал его семье, Петр был ранен, и все его тело покрылось язвами. Князь долго пытался излечиться у многих врачей, но ни один не вылечил его. И только простая девушка Феврония из Рязанской губернии с помощью волшебной травки, любви и заботы излечила его. И Петр полюбил Февронию и женился на ней. Княжили супруги в городе Муроме. Жили долго и счастливо, нежно любили друг друга и умерли в один день.

В честь памяти этих святых в России 8 июля, 8 числа и отмечается этот семейный праздник. Это одна из многих традиций, которая не была заимствована из западных стран, а является исконно русской.

А традиции в России испокон веков чтились и оберегались. Они являются очень важной частью нашего культурного наследия.

(Ребёнок читает стихотворение)

Семья-основа государства,

Семья-основа жизни всей,

От одиночества лекарство,

И остров преданных людей.

Семейного желаем счастья,

Свою любовь не растерять,
В семейной жизни настоящей
Добра и радости познать.

Ведущая: Ребята, а как вы думаете, почему у меня в корзинке ромашки?

Правильно! Ромашка – исконно русский цветок, является одним из символов России, а также главным символом нашего праздника. А ещё ромашка-символ милой простоты и нежности, а главное-символ любви и верности. А как вы думаете, каким образом ромашка связана с любовью? Кто знает, как?

Дети: На ромашках гадают «любит», «не любит».

Ведущая:

Ее желтоглазым цветком называют
Сорвали цветок – лепестками гадают,
Но чтобы счастливым поистине стать
Не стоит, поверьте, ромашки срывать.
Я ромашку белую с жёлтой сердцевинкой
Спрячу в книжку толстую-засушу в картинках.
И за зимним чтением под уютным пледом
Солнышко вдруг встречу я, и запахнет летом!
Игра «Собери ромашки»

Ведущая: Так и просятся слова:

«Ромашка - красивое имя, ромашка - моя Россия»

А вот, что еще для вас есть у меня в корзинке (достает и показывает матрешку).

Матрешка — это символ «загадочной русской души», символ жизни. Матрешка знакома всем нам с детства, она тесно связана с семьей, с материнством.

А что может скрываться внутри красивой игрушки, можно только гадать
.....

Женщина даёт жизнь дочери, та, в свою очередь, даст жизнь следующему существу и так далее. Матрешка символизирует богатство, плодородие, материнство. Именно поэтому её так любят в народе.

Выходит Матрешка:

Матрешка:

Здравствуйтесь, ребята!
Наша русская матрешка
Не стареет сотню лет.
В красоте, в таланте русском
Весь находится секрет.
Так, немного и немало
Символом России стала.
Знают все её загадку...
В ней хранятся по порядку
Краснощёкие девчонки...
Её младшие сестрёнки.

Ведущая:

Матрешка, ты к нам пришла не зря, у нас праздник – «День семьи, любви и верности»

Матрешка:

Ах, праздник? День семьи, любви и верности?

С днем семьи всех поздравляю

Счастья, радости желаю.

А в качестве подарка

Примите от меня

Наш танец – яркий, красочный

В честь праздничного дня!

(Звучит музыка, дети хлопают в ладоши, и выходят маленькие матрешки.)

Матрешки:

Первая матрёшка:

Дуйте в дудки, бейте в ложки!

В гости к вам пришли матрешки!

Ложки деревянные,

Матрешечки румяные.

Вторая матрёшка:

Очень любим мы, матрешки,

Разноцветные одежки.

Сами ткem и прядем,

Сами в гости к вам придем.

Третья матрёшка:

Я девчонка ничего!

Не боюсь я ничего.

Если я и упаду,

Все равно не пропаду!

Танец матрешек

Ведущая: Молодцы, матрешечки! Оставайтесь с нами на праздник!

(дети читают стихи)

В. Берестова «Любили тебя без особых причин».

Первый ребёнок:

Любили тебя без особых причин

За то, что ты-внук,

За то, что ты-сын,

За то, что малыш,

За то, что растёшь,

За то, что на папу и маму похож.

И эта любовь до конца твоих дней.

Второй ребёнок:

Семья – это МЫ. Семья – это я,

Семья – это папа и мама моя,

Семья – это Павлик — братишка родной,

Семья – это котик пушистенький мой.

Семья – это бабушки две дорогие,

Семья – и сестренки мои озорные,

Семья – это крестный, и тети, и дяди,

Семья – это елка в красивом наряде.

Семья – это праздник за круглым столом,

Семья – это счастье, Семья – это дом,

Где любят и ждут, и не помнят о злом.

Собирайся народ.

Вас много веселых игр ждет!

1. Русская народная игра ручеек.

2. Русская народная игра «Перепрыгни через костёр».

3. Карусель

4. Жмурки

5. Битва подушками

6. Перетяни канат

7. Завязать на березке ленточки- это особое место, где каждый может загадать желание.

Праздник заканчивается чаепитием из самовара.

Работа с родителями:

1. На протяжении многих веков в нашей стране были большие, крепкие семьи, когда все жили дружно, заботились друг о друге, почитали родителей. А те в свою очередь любили своих детей и передавали им свои знания. Вырастая, дети строили свои семьи, похожие на те, в которых выросли сами, с теми же ценностями и тем же укладом. Поэтому очень важно, чтобы наши дети поняли всю важность и ценность семьи.

Так здорово, что родители группы "Степашка" вместе с детишками изготовили дома фамильные щиты как символ крепкой семьи, где есть любовь, понимание, счастье, забота и защита. Ребята с такой гордостью и радостью демонстрировали щиты и рассказывали каждый о своей семье.

2. В заключение нашего праздника, мы попросили каждого родителя написать на лепестке ромашки какое-то доброе пожелание ко «Дню семьи, любви и верности». Наша ромашка получилась замечательной, очень теплой и душевной, она наполнена теплом наших ребят и их родителей. Ромашку мы повесили в беседке, где каждый родитель мог прочитать пожелания друг друга.

Пояснительная записка.

Мероприятие посвящено «Дню памяти святых Петра и Февронии», «День семьи, любви и верности».

Возраст детей 5-6 лет.

Духовно-нравственное воспитание детей средствами народной и православной культуры, на сегодняшний день, является актуальной темой. Соприкосновение с народными и православными традициями, участие в народных праздниках, духовно обогащают ребенка, воспитывают гордость за свой народ, поддерживают интерес к его истории и культуре. Сейчас к нам постепенно возвращается национальная память, и мы по-новому начинаем

относиться к старинным праздникам, традициям, фольклору, художественным промыслам, декоративно-прикладному искусству, в котором народ оставил нам самое ценное из своих культурных достижений, просеянных сквозь сито веков. Дети должны знать традиции, обычаи русского народа, историю народной культуры, проникнуться чувством понимания её древности и величия, чтобы приобщиться к её истокам. Духовно-нравственное воспитание детей возможно только совместными усилиями семьи, образовательного учреждения и государства.

Духовно - нравственное воспитание рассматривается в программе ДООУ как одна из важнейших сторон общего развития ребенка. И программа и содержание мероприятия направлены на воспитание у ребенка любви и уважения к родной семье, родному дому, Родине.

Мероприятие направлено на совместное участие детей и их семей в традиционных праздниках. Каким бы замечательным ни было воспитание общественное, формирование личности ребенка закладывается в семье, под воздействием родительской любви, семейных традиций. Ведь все, что он видит и слышит в семье, он повторяет, подражает взрослым. Лучшим средством воспитания правильных отношений является личный пример отца и матери, их взаимное уважение, любовь, помощь и забота. Если дети видят хорошие отношения в семье, то, став взрослыми, и сами будут стремиться к таким же красивым отношениям.

Мероприятие проводится в форме праздничного развлечения, в котором использовались фольклор, стихи, песни, танцы. Данное мероприятие акцентирует внимание на воспитании у детей любви к семье, уважения к близким людям и их обычаям. Знакомство детей с основами духовно-нравственных народных традиций русского народа и традиционного уклада жизни.

После данного мероприятия ребёнок узнаёт о русских святых Петре и Февронии, о российском празднике семьи, связанном с их именами, о семье и ее обычаях и традициях.

В результате данного мероприятия развиваются такие личные качества как: доброжелательность, доброта, гостеприимство, уважительное отношение к родителям, заботливое отношение к младшим и старшим.

*Паздников Николай Николаевич
Рук. – Сафиулина Анфиса Ханифовна
Удмуртская Республика*

Защитник Отечества в моей семье

*Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...*

Е. Агранович

22 июня 1941 года... Обычный воскресный день для более чем 200 миллионов граждан. Но скоро они станут героями и жертвами войны, убитыми и ранеными, солдатами и беженцами, блокадниками и узниками концлагерей,

партизанами, военнопленными, сиротами, инвалидами. А через четыре года – победителями и ветеранами Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война длилась 1418 дней и унесла миллионы жизней наших соотечественников. Немецко-фашистские захватчики отличались особой жестокостью, в том числе по отношению к мирному населению оккупированных территорий. Они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Фашисты стремились полностью истребить славянские народы, организовывая массовые расстрелы, сжигая целые села, бомбежками превращая в руины крупные города.

Мне довелось узнать о Великой Отечественной войне не только из учебников и кинофильмов. В нашей семье огонь войны прошел мой прадед Панфилов Николай Николаевич. Сегодня я хочу рассказать о нем. Он родился 29 мая 1926 года на Украине, в селе Васьковцы Хмельницкой области. Когда немцы захватили Украину, ему было всего 16 лет. Он попал в плен. И его вместе с другими пленными на товарных эшелонах отправили в концентрационный лагерь. В самый кошмарный из всех лагерей – Освенцим. Как говорит мама, дед не любил вспоминать этот период жизни. Только 9 января предавался скудным воспоминаниям, от ужасов которых у родных застревал ком в горле и катились слезы.

По воспоминаниям моего прадеда, дорога до лагеря была началом жуткой истории. Вагоны были забиты людьми, никах условий не было, по дороге останавливались лишь для того, чтобы выбросить умерших. После прибытия в лагерь всех распределяли по группам: от больных и слабых не было никакой пользы, поэтому от них сразу избавлялись; маленьких детей забирали у родителей, кто был постарше, покрепче отбирали для тяжелого принудительного труда. Мой прадед был отправлен на строительство нового корпуса лагеря. Немцы забрали всю одежду и обувь. Выдали полосатые робы и деревянные сабо. Всем узникам Освенцима наносили татуировки с порядковым номером, с того времени к ним не обращались ни по имени, ни по фамилии. После войны прадед стер свою татуировку, и мы не знаем, какой номер был у него наколот.

Одно из самых страшных воспоминаний деда – это смерть его двоюродного брата, который вместе с ним оказался в этом лагере. Так как их очень плохо кормили, условий для полноценного сна тоже не было, его брат вскоре после прибытия в лагерь стал очень слаб и заболел, его вместе с другими такими же ослабшими узниками закинули в яму и сожгли. И все это происходило на глазах моего прадеда. Даже представить сложно, какие чувства в тот момент он испытывал, когда хочется помочь своему родному человеку, но возможности сделать этого нет.

Еще мне запомнилась другая история, рассказанная прадедом моей маме: однажды, сидя за столом, они с ребятами решили представить, что едят нечто вкусное: кто-то конфету, кто-то мясо, кто-то яблоко. А потом делились своей воображаемой едой с друзьями... Несмотря на все тяготы лагерной жизни, суровые испытания, невозполнимые потери, ребята сохраняли бодрость духа и жизнелюбие.

Мой прадед был высоким, крепким парнем. Благодаря своему здоровью, он выжил в этой главной «фабрике смерти» нацистской Германии и дождался дня, когда советские войска освободили узников. Случилось это 27 января 1945 года.

Как вспоминал мой дед, когда немцам стало очевидно, что советские войска в скором времени освободят Освенцим, они начали уничтожать следы, свидетельствовавшие о существовании «фабрики смерти»: основную часть заключенных (около 60 тысяч человек) эвакуировали, а детей оставили в лагере. Надзиратель должен был выдать всем детям молочный кисель и всех взорвать, но он этого не сделал. Открыл ворота и отпустил детей. Тогда ребята постарше побежали в сторону, где были слышны выстрелы. Моего прадеда и еще нескольких его товарищей обнаружили у оврага русские разведчики. Он примкнул к нашим солдатам и пошел с ними в наступление на Берлин. Дед говорил, что бои были ожесточенные, русские войска не давали ни на секунду расслабиться фашистам. А когда увидели огромный город, чувство радости и ликования охватило всех: это был последний вражеский рубеж, и час расплаты настал! Завязались жестокие уличные бои. Победа была близка...

Перед лицом смертельной опасности, даже в дни жестокого голода и лишений наши люди не потеряли самых важных человеческих качеств – любви, сострадания, самопожертвования, взаимопомощи. По-моему, об этом надо знать и помнить, чтобы по-настоящему ценить день сегодняшний под мирным небом над головой и надежным родительским крылом с изобилием на столе и множеством развлечений. Помнить и чтить своих истинных героев – тех, кто отважно боролся с фашистами во имя Великой Победы. Ведь только на таких примерах вырастет достойное поколение граждан.

Я горжусь своим прадедом, он защищал Родину от фашизма, чтобы мы жили в мире и согласии.

*Перминов Петр Михайлович
Рук. – Лапина Лариса Ивановна
Удмуртская Республика*

Мой прадед – защитник Отечества

1941 год... Страшная весть... Война... Тогда моему прадеду, Дмитрию Михайловичу Перминову, было 16 лет, поэтому на фронт его не взяли. До войны он уже работал в колхозе помощником бригадира, и когда бригадира мобилизовали, на его должность назначили прадеда. А в декабре 1942 года подошла очередь и 17-летнему юноше послужить на благо Отечества. Ратная служба продолжалась шесть с половиной лет. Сначала была учеба во Втором военно-пехотном училище, эвакуированном в г. Глазов. Через 7 месяцев, недоучив курсантов, все 20 рот училища отправили на передовую. Попали они в 3-ю танковую армию, в то время еще генерала П.С. Рыбалко (будущего маршала). Новобранцы приняли участие в прорыве через Днепр. Большинство курсантов 2-го ЛВПУ были зачислены в 272-й минометный полк, Дмитрий Перминов – в орудейный расчет подносчиком снарядов. «Переправлялись на

тот берег на подручных средствах ночью или ранним утром, когда на реке сплошной туман, – вспоминает Дмитрий Михайлович. – Мы с минометом на плоту переправились удачно, без потерь. Но на том берегу досталось всем. Букринский плацдарм несколько раз переходил из рук в руки: то нас потеснят фрицы, то мы в контратаке овладеем им. В одной из них меня и настигла пуля, ранило в правую ногу, но кость не задело. В армейском полевом госпитале пролежал три недели».

За время вынужденного «отдыха» прадеда Дмитрия наши уже взяли Киев и двинулись дальше на запад. Многих однополчан ему не удалось встретить – погибли. Свой полк Дмитрий Михайлович догнал глубокой осенью и снова в бой. Был разведчиком-наблюдателем, корректировал с помощью оптического прибора огонь батареи. В марте 1944 г. при взятии Перемышля Дмитрия ранило второй раз, опять в ногу, уже левую: мина рядом разорвалась. Из воспоминаний прадеда: «Оправившись от ранения и контузии, по счастливой случайности, я узнал, где находится полк, туда главврач и выдал мне документы. Полк вел тяжелые бои в Польше. Были наступления и отступления. Были потери, и немалые». По дороге на Берлин вновь получил тяжелое ранение. Случилось это в январе 45-го, в местечке Роте-Вассер, на Одере. Более трех месяцев провел в госпитале. С 29 апреля снова в строю. Форсировали реку Шпрее. Потом захлестнули жестокие берлинские уличные бои – за каждый дом, каждую подворотню. Берлин взят, Германия капитулировала. Но война продолжалась... Освобождение Праги для полка обошлось почти без потерь. Дальше – Австрия, Вена. Здесь окопались остатки разбитых фашистских войск СС. В Австрии пришлось еще немало повоевать, хотя фактически война в Европе закончилась».

Еще четыре года тянул армейскую лямку прадед. Демобилизовался только в марте 1949 года. Говорят, что ветераны не любят вспоминать то страшное время, но своему сыну, как будущему защитнику Отечества, он рассказывал, как ходил в разведку, как бил врага. А дядя поведал несколько историй нам, подрастающему поколению. Вот что рассказывал прадед: «Однажды пошли в разведку Бахвалов, Фалин и я. Напоролась на троих немцев, видимо, тоже обследовали территорию. К перелеску стали подходить – кусты зашевелились. Фалин на слух из автомата – шварк, немец готов... Он финн по национальности, а у них, прирожденных охотников, слух как у кошки. Одним словом, один немец убит, второй ранен, а третий руки поднял и кричит: «Гитлер капут». Да, если бы они опередили нас и первыми начали стрелять, не уйти нам живыми. Благодаря Фалину остались в живых».

А вот еще один случай, рассказанный прадедом, который невозможно забыть. «Стояли мы в обороне, отдыхали в блиндаже, завшивели все. Гимнастерки поснимали и занялись «санобработкой» – вшами давай по печке-буржуйке водить. Прожарили гимнастерки, хотели только одеваться – начался обстрел. Я смекаю: первый снаряд – перелет, второй – недолет. Кричу: «Давай быстрее, уходим, "вилку" взял немец, сейчас на поражение бить будет». И действительно, на третий раз – прямое попадание в блиндаж. Хорошо, мы успели выскочить, 12 человек, шинели наспех только накинули, все-таки зимой

было дело... А был еще такой случай во время боев на Украине. Прорываясь в тыл врага по заданному маршруту, мы получили по радиации приказ изменить направление движения, так как немцы отсекли и взяли в кольцо 6-й танковый корпус. Чтобы дождаться отставших подразделений полка и направить их по вновь заданному маршруту, командир оставил меня, как умеющего читать карту, за регулировщика на перекрестке дорог. Кругом стрельба, все смешалось, не понять, где наши, а где немцы. Несколько часов я прождал своих в неизвестности, а словно целую вечность. Ну, думаю, влип. На всякий случай приготовил гранату – в плен не сдамся. Вдруг вижу, по дороге несется "виллис" наших полковых разведчиков, а за ними вдогонку немцы на мотоциклах. Заметив меня, разведчики, сбавив ход, закричали: "Быстрее давай прыгай, за нами погоня!" Я кубарем свалился в кузов. Разведчики прибавили ходу. Земляк и друг мой Аркадий Никулин, припав к пулемету, точными очередями рассеивали догонявших. Благодаря его хладнокровию удалось оторваться от фрицев и догнать своих. Отставшие подразделения полка, изменив маршрут, добрались до места назначения проселочными дорогами. Аркадий Никулин за этот бой был награжден орденом Славы 3-й степени».

После войны прадеда не раз приглашали в школу на уроки Мужества.

Однажды его спросили ученики: «Дядя Митя, а страшно на войне?» Он ответил: «Конечно, страшно. Война ведь не вечеринка и даже не кулачный поединок. Но страх скрадывается осознанием того, что ты не один, что рядом верные друзья. Недаром говорится: на миру и смерть красна. Страшно, когда ты один и обстановка не ясна».

Мой прадед честно выполнял все то, что было возложено на него. Он награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За Победу в Отечественной войне», не считая юбилейных медалей. Мне есть с кого брать пример. Сейчас я учусь в Удмуртском кадетском корпусе. Придет и мое время служить Отечеству. Я, как и прадед, буду честно нести службу.

Пилюк Полина Сергеевна

Рук. – Сулова Марина Валентиновна

Белгородская область

Вахта памяти

Прошло много лет с того дня – первого дня Великой Отечественной войны. И его никто никогда не сможет забыть. Ведь память войны стала высшей памятью, вновь возвращающей к героизму и мужеству солдат. Именно память не позволяет опускаться ниже той нравственной отметки, которой отмечены горькие и героические годы, она продолжает свято и неотступно жить в сердце каждого человека. А еще ратные поля – свидетели подвигов наших предков. «Ах, война, война! Болеть нам ею – не переболеть, вспоминать ее – не перевспоминать!» – сказал Виктор Астафьев. Действительно, это так. Память о Великой Отечественной войне не стирается, не тускнеет с годами. Нет такого срока, после которого можно было бы забыть все. Память эта живет в

сердцах и душах тех людей, которые пережили войну, воевали, многое видели, пострадались...

Анна Яковлевна Ладыгина – жительница села Сабынино Яковлевского района Белгородской области, расположенного недалеко от Прохоровского поля. В ее памяти навсегда остался день, когда советские войска отбили у оккупантов родной Верхний Ольшанец. Анне тогда было всего пять лет.

Мы разговариваем долго, подогревая время от времени чай. Я приехала в Сабынино к своей бабушке и решила навестить Анну Яковлевну. Мне давно хотелось узнать ее поближе, расспросить пожилую женщину. Говорит Анна Яковлевна спокойно, но иногда все же прорываются слезы, которые стекают по глубоким бороздам морщинок. Она их смахивает рукой или вытирает передником. Я слушаю 82-летнюю женщину и удивляюсь ее неистраченному уму и памяти.

Перед Курской битвой над селом к фронту по многу раз в день низко пролетали штурмовики – тройками, самолетов двенадцать – пятнадцать. Спустя полчаса тем же путем низко, прямо над крышами, они возвращались назад. Иногда их было уже не двенадцать, а девять – десять... Воздушные бои истребителей. Взрывы случайных бомб. (Осколок одной, упавшей ночью за огородами, врезался в дверь дома.) Массированные бомбежки железной дороги (от села в пяти километрах), передвижение танков, автомобилей с пушками на прицепе, скопление войск – такой была полоса возле фронта.

«К нам пришли с разведки солдатики, уморенные все. Мать им отдала переднюю хату, а задняя, как мы говорим, теплюшка, там русская печка была, мы все на печи, мать перины кидала... Когда кинули бомбу, все повиносило, одна печь осталась. Ни дверей, ни окон, и мы сидим там, «посжурились», и Бог сохранил нас», – рассказала ветеран труда Анна Ладыгина. Потом они узнали: немцы бомбили по наводке. Среди красноармейцев были и раненые, и погибшие. А мать с детьми чудом уцелела.

После войны Анна училась и работала в колхозе. Чего только не умели делать золотые руки этой не балованной жизнью женщины! Она может починить замок и сшить сапоги. Село было разграблено и сметено после лихолетья, и Анна чинила обувь, клеила односельчанам бахилы из автомобильной резины, из старых ведер делала распространенные в войну мельницы-тёрки. Сейчас уже силы не те, здоровье подводит

Своего суженого Анна встретила на ярмарке. Будущий муж привез ее в Сабынино знакомиться с родителями и рассказал о могиле в саду. Спросил невесту: «Не побоишься ли смотреть каждый день на могилу, ведь ее видно отовсюду?» Дом окнами выходил в сад. «А чего бояться мертвых, надо живых бояться», – ответила та.

Семья мужа хранила историю о том, как погиб солдат. В Сабынино стоял немецкий штаб. Трое советских бойцов вышли в разведку. Гитлеровцы обнаружили их и открыли стрельбу. Одного и убило возле дома. Солдата похоронила мать мужа. Впоследствии она же ухаживала за могилой. Потом эту вахту памяти переняла Анна Яковлевна. А солдат так и остался безымянным.

Простой металлический обелиск, выкрашенный свежей зеленой краской, красная звезда с немного кривоватыми лучами на нем. О своем солдате пенсионерка заботится больше 60 лет, хотя и ходить ей уже трудно.

Старательно ухаживает за могилкой, рыхлит землю от сорняков вокруг, ставит простой букетик в обрезанную пластиковую бутылку. Имени его не знает, но это неважно. Неизвестный боец за эти годы стал для женщины родным. Анна Яковлевна по-матерински называет его сыночком. «Это моя благодарность всем освободителям», – говорит со слезами женщина.

У Анны Ладыгиной с этой безмолвной могилой связана своя душевная боль. Ее отец ушел на фронт в 1941-м. В памяти остались лишь строчки последнего письма супруге. В 1942-м пришло известие: пропал без вести. Все эти годы не знали, где похоронен боец. Лишь два года назад с помощью открытых архивов удалось узнать место захоронения отца – Орлова Якова Герасимовича. Он покоится в братской могиле у хутора Калмыковский Волгоградской области. Анне Яковлевне навестить его уже не позволяет здоровье. Надеется, что его последний приют тоже под присмотром...

Безымянные могилы с безымянными героями той проклятой войны на сельских погостах и просто в лесу. Сколько их?! Многие семьи до сих пор ждут вестей о своих героях. Ждут и надеются, что их солдат, как и этот, не одинок. Что кто-то, такой же неравнодушный, несет свою нескончаемую вахту памяти у места упокоения, чтобы ратный подвиг не был забыт. И наша память о Трех Ратных Полях России – живое свидетельство этому. Особенно сейчас.

*Попова Татьяна Яковлевна
Республики Саха (Якутия)*

Соседка

Эта история произошла давным-давно. Тогда Варвара, женщина лет сорока, работала в летнике учетчицей. Молоко, надоенное доярками, проходила через ее руки каждый день. Она всегда восхищалась доярками: благодаря их труду, каждодневно лилась тоннами молочная река.

Ферма находилась далеко за деревней. У Варвары была дочь, которой на тот момент исполнилось 7 лет. Она всегда брала дочь с собой на работу. Оставлять ее одну в старом ветхом доме Варвара не решалась.

Случилось так, что однажды Машенька заболела, поднялась температура. Мать вынуждена была оставить ее одну (не брать же больного ребенка с собой), выполнит работу, прибежит, проведает дочку...

Незнакомка была примерно такого же возраста, как и Маша. Лохматая, босоногая, одетая в тряпье, непрошенная гостя жалобно смотрела на стол, где лежала конфетка. Она протянула Маше руку, будто прося у нее конфетку. Когда девочка дала ей угощение, та вырвала лакомство из ее рук и спряталась за печку. Маше стало не по себе, она не шутку испугалась.

Вскоре странная незнакомка появилась вновь. На этот раз Маша закрыла глаза в надежде, что та исчезнет. Но она никуда не уходила. Появившись вновь, девочка протянула Маше руку. Когда она дотронулась до нее, Маша испытала

странное чувство, будто по ее руке прошла дрожь. Но незнакомка оказалась доброй и ничего плохого Маше не сделала.

Постепенно девочки подружились. Когда незнакомка задерживалась, Машеньке бывало грустно. До поры, до времени про странную соседку Маша никому ничего не рассказывала. Но однажды невзначай поведала об этом матери. Услышав это, Варвара испугалась, заплакала и тихо запричитала, что это был домовой...

Вскоре Маша выздоровела. Ей хотелось, чтобы та девочка вновь пришла к ней поиграть. Но больше незнакомка не появлялась.

*Русин Артем Вячеславович
Рук. – Селина Мария Олеговна
г. Белгород*

Помнить, чтобы жить...

*Есть память священная в каждой семье,
Ничем эта память неистребима...*

Пономарева М.

Я часто езжу в гости к бабушке и дедушке, потому что они живут недалеко от нас. Находясь в их доме, я всегда обращал внимание на большую комнату с полками книг во всю длину стены. Мне нравилось пересматривать переплеты книг, обложки с рисунками и просто читать названия. Однажды я открыл нижнюю дверцу книжного шкафа и увидел на полке толстую картонную папку с завязками, изрядно потрепанную и набитую всякими документами, фотографиями... Я позвал дедушку и попросил разрешения посмотреть, что в ней находится. Дедушка бережно достал папку из шкафа, стал развязывать веревочки, попутно рассказывая, что наша семья собирала эти документы о своих родных, которых уже нет в нашей жизни, но о которых хочется сохранить память, чтобы передавалась она из поколения в поколение. А это не просто память, а каждая отдельная судьба, очень непростая. Среди разных документов мое внимание привлекли две пожелтевшие фотографии с неровными краями, на которых была запечатлена красивая молодая девушка. На одной фотографии она была одета в темный пиджак и сидела за деревянным большим столом, сложив перед собой руки, как складывают прилежные ученики, а перед ней стояли чернильницы и лежали открытые тетради. А на другой фотографии эта девушка в белом платье в горошек стояла возле березы, улыбалась, черная длинная коса ее струилась по платью, а в руках девушка держала букет сирени. Каким-то светлым счастьем был наполнен этот снимок. Я спросил у дедушки, кто эта девушка. Оказалось, это была его мама, моя прабабушка. И дедушка поведал мне историю жизни этой милой девушки, которая была совсем не такой счастливой, как казалось на этой фотографии.

Родилась моя прабабушка, Попова Мария Алексеевна, 11.10.1925 года в селе Нелидовка в то время Микояновского района Курской губернии, в небогатой, но трудолюбивой семье плотника Алексея Романовича (по подворью Романці). В тридцатые годы пришел страшный голод, и Мария очень

рано потеряла маму. Вместе со старшими братьями она помогала по хозяйству. В те сложные времена никто не баловал своих детей, да и нечем было... Отец был к Марии очень требователен, он говорил ей: «Если надо утром рано хоть одну картошку почистить, ты должна встать и почистить». Потом он отправил ее учиться в Харьков к родственникам. Перед самой войной и были сделаны эти фотографии, на которых девушка, пережившая трудное детство, находилась в юношеском возрасте. Она хотела учиться, строить свою жизнь и с надежной на счастье смотрела в будущее. Она тогда еще не знала, что впереди ждала страшная война, которая лишит ее возможности дальнейшего образования и украдет счастливую пору молодости.

Когда началась война, Мария вернулась домой. Ей было 16 лет. С октября 1941 года Микояновский район был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками, которые устанавливали свои правила жизни среди мирного населения. А 20 мая 1943 года полицаи сначала согнали в комендатуру девушек 1924 – 1925 годов рождения, потом отправили на железнодорожную станцию, погрузили в товарные вагоны и увезли в Германию. Это были несовершеннолетние дети, которые ничего не успели взять с собой из вещей, никто не мог помочь им, так как фашисты безжалостно разлучали детей с их семьями и за сопротивление могли убить и других членов семьи и даже всех жителей деревни. Без права переписки детей увозили в неизвестном направлении, и никто из них не мог даже представить себе, что ждет каждого впереди, смогут ли вернуться когда-то домой или навечно пропадут в чужой вражеской стороне. Страшно себе представить все ужасы, которые пережили дети войны!

Всех угнанных молодых людей там разбросала жизнь. Кто-то работал на фермеров, кто-то прислуживал немецким семьям, кого-то забрали на производство. Бесплатных рабов немцы использовали, где хотели.

Мария работала на военном заводе по 12-14 часов за токарным станком, жила в лагере в холодном бараке, питалась похлебкой.

В 1945 году наши войска взяли Берлин, долгожданную свободу получили советские люди, угнанные в Германию на принудительные работы. Мария отправилась на Родину. Пересаживаясь с поезда на поезд, она добралась до Харькова, а там и до Долбино. Пешком через знакомые поля она пришла в родное село Нелидовка. Ей было 20 лет.

Но совсем непросто было войти в обычную мирную жизнь. Марии пришлось пройти через множество проверок в своей стране, получить много всевозможных справок, заполнить разного рода анкеты, прежде чем приступить к честной трудовой деятельности на благо своей родины.

А трудилась она всю свою жизнь в родном колхозе «Страна советов» почти без выходных. Была она и дояркой, и пастухом овец и коров, полола и убирала свеклу, работала поваром в колхозной столовой, разнорабочей – везде, куда пошлет родной колхоз.

Трудная была судьба у Марии, но она никогда не унывала. Все члены семьи и односельчане помнят ее как доброго, отзывчивого, веселого человека. Говорили, что она была очень чуткая к чужому горю, видимо, потому что сама

была ранена. Она не ходила, она бегала – такой все ее помнят, такая быстрая походка у нее была, и так же быстро у нее все ладилось в руках. Может, это отношение к труду и к жизни спасло ее. Мария как бы не давала себе остановиться, загружала себя работой. Пройдя через все трудности и испытания, она выжила, несмотря ни на что, для того чтобы мы появились на свет. Не любила она ничего рассказывать о своей жизни, никогда не жаловалась на судьбу, только улыбка ее была всегда с грустинкой. Видимо, пережитое наложило свой тяжелый отпечаток.

Практически всю информацию о страшном военном времени в судьбе прабабушки моя семья, как оказалось, собрала уже позже, после ее смерти. В архивных документах нашли список мирных советских граждан, которые были отправлены насильно из села в германское рабство (так и было написано в документе), анкету проверочно-фильтрационной комиссии, справки из КГБ...

Дедушка сказал, что его мама никогда ничего не рассказывала про тот период ее жизни. Знали только, что она работала на заводе, и то об этом говорили тихо... Когда он вспоминает о ней, то прячет слезы в глазах, чтобы никто не видел.

Узнав всю историю жизни моей прабабушки, я понял, какое страшное время было, какой ужасный след оставила Великая Отечественная война в судьбах наших соотечественников. Мне так горько – ведь коснулся он и нас, тех, кто хранит память своих предков. Я представил детей, оторванных от своих родителей, маленьких и больших, как им было горько, одиноко, страшно, больно, голодно... и я тоже не мог сдержать слез. Еще я представил, что хотели сделать фашисты с нашей страной: отнять ее у народа, а народ превратить в своих рабов. Но пока мы все будем об этом помнить, мы не дадим врагам нас победить!

Вспомнились мне слова Альберта Лиханова из книги, которая мне очень понравилась. Он говорил своим читателям: «Уходит жизнь – приходит память. И память возрождает жизнь».

*Русских Павел Алексеевич
Рук. – Берестова Лариса Валентиновна
Республика Удмуртия*

Мне не забыть!..

Моя прабабушка, Евгения Михайловна Русских (Кудрявцева), и сейчас с закрытыми глазами нашла бы те улицы в Ленинграде, по которым ездила в войну на своем стареньком ЗИСе. Бывала она там не раз после войны и узнавала каждую пядь земли: вон за тем поворотом подорвалась на mine соседняя машина, здесь была воронка от бомбы, тут от колдобины трясло так, что душа еле держалась на месте... Кто бы мог подумать, что она, простая валамазская девчонка, попадет в блокадный Ленинград!

Когда началась война, работала на лесозаготовках. Валила лес ручной пилой, трелевала его, натирая руки до кровавых мозолей, падала без сил от непосильной работы и голода. Через год отправили прабабушку в город, хотели

выучить на санитарку, но выучили на шофера, вручили права и послали в Ленинград, не спрашивая ее согласия. Видела она, как в Ижевске, прямо у проходной завода, умирали от голода люди, но то были единичные случаи. Здесь же, в Ленинграде, трупы лежали повсюду... И так их было много, что доверху забивался ими кузов машины... Для нее, худенькой, неокрепшей еще девчонки, этот страшный груз был самым жестоким испытанием. Натянутые, как струна, нервы не переносили жуткой тишины безлюдья. Как сейчас помнила: на улице не видно ни зги, всюду светомаскировка, нельзя даже фары включать; едешь в этой густой, непроглядной темноте, и такое ощущение, что этот мрак никогда не рассеется... и только дружеское пожатие руки спасает от тоски и одиночества.

Часто вспоминает бабушка о том, как берегли их, девчат, шоферы-мужчины. Ездили всегда колонной, и в ней, в этой колонне, для девчат находили самые безопасные места. Поломка какая – девушке и из кабины вылезать не надо: мигом умелые, быстрые руки устраняли неполадку, и колонна продолжала путь.

Дорога через лед Ладожского озера – единственная транспортная магистраль, соединявшая блокадный город с внешним миром, по праву называлась Дорогой Жизни. От них, от шоферов, зависели многие жизни, и они, не зная ни сна, ни отдыха, спешили доставить ценный груз, продукты, голодающим людям. Из города везли какие-то ящики, везли их далеко, до Хельсинки. Что было в этих ящиках, Евгения Михайловна не знала. Проезжая через некогда грозные оборонительные сооружения, линию Маннергейма, она была внимательна до предела: один неверный поворот руля – и взлетишь на воздух, наткнувшись на колючую проволоку, за которой – мины. В кромешной тьме не было видно никакой дороги, ориентировалась по взмахам руки солдата, лежащего на капоте машины. Финские деревни, безлюдные, притихшие, не представляли такого жуткого зрелища, как разрушенные русские деревни в окрестностях Ленинграда. У финнов – ни одного сожженного дома, полные закрома зерна, сена, словно хозяева ненадолго ушли куда-то и вот-вот вернуться... А у русских – ни одного уцелевшего дома: где печная труба торчит, где стены одни сохранились...

Как-то оставшаяся в живых незнакомая женщина нарвала морковок со своего огорода, сварила всем суп из нее. Как благодарили ее шоферы! Немало было и трагических моментов. Вспоминает бабушка, как весной, когда таял лед на Ладожском озере, целая колонна машин вместе с водителями ушла под лед...

А сколько машин, ломая лед, рассекая волны, вырывалось на берег! Только бы успеть еще хоть раз доставить продукты обессиленным жителям! На вес золота ценилась ленинградцами соленая крапива. Засоленная в больших бочках, она мгновенно расходилась. Не забудет Евгения Михайловна никогда, как люди, несмотря на крайнюю степень истощения, делились друг с другом последним своим куском.

Всю жизнь трудилась моя бабушка в совхозе «Валамазский». Семерых детей родила. Одна из дочерей обосновалась в Ленинграде. Ее муж, дядя Вадим посвятил бабушке такие строки:

Ты подарила внуков Ленинграду,
 Матушка родная, век живи средь нас,
 За детьми седыми тоже нужен глаз.
 Мы тебе желаем быть такой, как есть,
 Чтобы лет в копилке было бы не счесть!

В 2019 году наша семья ездила в гости к родственникам в Санкт-Петербург. Вспоминаем, как приехали на вокзал, встретились с тетей Зиной (дочкой прабабушки), с внучкой Алисой. По дороге домой они нас спросили, что бы мы хотели посмотреть в их городе. Я, не задумываясь, ответил: «Те улицы, где ездила наша бабушка». В тот же вечер повез нас на экскурсию на своем автомобиле дядя Паша, мой тезка. Он нам показывал те улицы, по которым ездила бабушка Женя, рассказывал про дома, на которых во время войны были вывески с надписью: «Эта стена опасна при артобстреле».

Когда я представляю, сколько пережила моя бабушка, будучи совсем девочкой, у меня замирает сердце, глаза наполняются слезами и подходит ком к горлу. В эту минуту не хочется ничего говорить, просто помолчать и мысленно произнести: «Спасибо!..»

В тот день мы не стали делать фото, хотелось просто прочувствовать дух мужества и героизма...

Освободили Ленинград 27 января. Эту дату я хорошо запомнил, так как это следующий день после моего дня рождения. Моя бабушка никогда не задумывалась, сколько жизней спасла, пробираясь с продуктами по льду озера в блокадный Ленинград, никогда не считала, что совершила нечто необыкновенное, что можно назвать подвигом. Просто она любила жизнь, любила ленинградцев, которых считала родными и близкими... А Дорога Жизни соединила ее навсегда с легендарным городом.

В 2024 году исполнится 80 лет со дня полного снятия блокады. Я очень хочу съездить в Санкт-Петербург и побывать на выставках, мероприятиях, посвященных этому великому событию. Верю, что моя мечта обязательно сбудется!

*Рындина Виктория Александровна
 Рук. – Масалова Татьяна Алексеевна
 Ставропольский край*

Солдатские письма

*Из тех,
 Пожарами объятых,
 Из роковых
 Сороковых,
 Для нас, живых,
 Воспоминаньем,
 Приходят письма
 неживых...
 Геннадий Петров*

Письма с фронта – заветные «треугольники». Как же ждали вас женщины, изможденные непосильной работой и голодом, в далеком тылу, делая все возможное, а порой и невозможное, для того, чтобы однажды вместо письма с передовой домой пришел сам автор! Пусть израненный и уставший, но живой.

В письмах, уже пожелтевших, а порой и полуистлевших от времени, сосредоточен целый пласт бесценных исторических хроник, запечатленных непосредственными участниками тех поистине страшных лихолетий, которые впитали в себя ожесточенные бои под Сталинградом и на Курской Дуге, ужасы Освенцима и Дахау, 900-дневную блокаду Ленинграда и оборону Севастополя, а затем взятие Будапешта, Праги, Варшавы, Вены и, наконец, битву за Берлин, где и было уничтожено мировое зло двадцатого столетия – фашизм.

Из села Прасковья ушло на фронт около 3000 человек. Погибли в боях 604, умерли от ран 36, пропали без вести 561, погибли в концлагерях 12 человек.

А ведь за каждой этой цифрой – человеческие судьбы! И каждого солдата ждали дома с Победой. И никому даже в голову не приходило, что разлука растянется на целых 4 года, на 1418 бессонных дней и ночей.

Мы, молодежь 21 века, очень мало знаем о Великой Отечественной войне. Однажды в социальной сети мне была сброшена ссылка, по которой я прочитала следующее письмо:

«Здравствуй!

Мы с тобой никогда не разговаривали. Я жил много лет назад. Я тоже ходил в школу, гулял с друзьями, играл в разные игры, а из еды больше всего любил картошку... И когда мама подходила на ночь поцеловать – вот это тоже... Я знаю, и ты это любишь.

А потом меня убили. Убили, потому что шла война. Я умер за тех, кого люблю, умер, чтобы у моих близких было будущее.

И сегодня я хочу попросить тебя об одной вещи. Вспомни меня. Расспроси обо мне своих маму, папу, бабушек, дедушек – всех-всех родственников. Спроси у них – а кто в нашей семье погиб на войне? Я знаю, ты найдешь мою фотографию. Увидишь меня. Узнаешь мою историю. Ты удивишься – как мы похожи. И тогда я смогу жить. Жить в твоей памяти.

Помни меня».

Это письмо неизвестного автора очень потрясло меня и заставило признаться: «А ведь я на самом деле почти ничего не знаю о тех, кто подарил мне мирное счастливое детство...» И мне захотелось исправить эту ситуацию, узнать о своих земляках-участниках войны.

Сначала я прочитала замечательную книгу Виктора Васильевича Омельченко «Прасковья. Из истории земли Прасковейской», побывала в краеведческом музее села Прасковья. Сотрудники музея показали мне множество экспонатов, но больше всего меня заинтересовали солдатские письма. Их немного, ведь фронтовые треугольники – это, в основном, достояние семейных архивов, да к тому же, очень немногих.

Письма с фронта! Я представляю, как вас писали на прикладах автоматов, на камнях, обгорелых досках, среди руин. Посылая весточку домой, каждый из фронтовиков понимал, что она может быть последней, и потому торопился сказать в ней самое важное. Никто не думал тогда, что эти фронтовые треугольники станут историей, а последующие поколения будут брать их в руки с тем же благоговением, как берут сегодня историки берестяные грамоты.

У меня в руках два пожелтевших, полуистлевших солдатских треугольника. Автором этих писем был Шерстюк Александр Платонович, уроженец села Прасковья (1899 г.р.).

6 ноября 1943 года Шерстюк А.П. был призван на фронт Буденновским военным комиссариатом. Участвовал в освобождении Белоруссии, Польши, Германии. В Книге Великой Победы говорится, что Шерстюк А.П. был младшим сержантом, награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу». Сухие факты. А мне хотелось узнать об этом человеке больше. Каким он был? О чем мечтал?

Из материалов музея я узнала, что Александр Платонович имел благодарность от Верховного главнокомандующего товарища Сталина за взятие польского города Лодзи.

3 февраля 1945 года на территории Германии на подступах к городу Франкфурт младший сержант Шерстюк А.П. во время боя смог взять на себя командование отделением. Отделение заняло удобные позиции, вело шквальный огонь, и фашисты не смогли сломить наше сопротивление. За участие в этом бою герой был представлен к награде «За боевые заслуги».

В апреле 1945 года красноармеец Шерстюк А.П. участвовал в боях за расширение плацдарма на западном берегу реки Одер в районе города Лебус. За бесперебойное обеспечение боеприпасами передовых огневых позиций под сильным артиллерийско-минометным огнем красноармеец Шерстюк А.П., стрелок 4-й стрелковой роты 963-го стрелкового краснознаменного полка 274-й стрелковой Ярцевской краснознаменной ордена Суворова дивизии, 27 мая 1945 года был награжден медалью «За отвагу».

В этом бою Александр Платонович получил серьезное ранение (от артобстрела 14.04.45 г.) и был отправлен на лечение в Казань. В госпитале он находился до конца октября 1945 года. Именно оттуда и отправлено одно из последних писем солдата. К сожалению, последствия боевых ран оказались серьезными, и в ноябре 1945 года Шерстюк А.П. скончался, так и не увидев свою любимую жену Дарью и дочь Люсю. Я узнала также, что не вернулся домой, погиб на фронте Шерстюк Иван Платонович, родной брат Александра.

Солдатские письма... Они полны любви и заботы, веры в победу, в скорую встречу. В этих письмах не только картины боев, окопного быта, госпитальных коек. Фронтовые треугольники читать надо так, как читали их родные во время войны. Понимать то, что сказано между строк. Стараться уловить мысль и чувства солдата. И тогда за скупыми, короткими строчками откроется человеческая душа – ее волнения, страхи, верность, мужество.

Читаешь эти письма и думаешь об одном: сколько же война разрушила прекрасных человеческих жизней!

Солдат не думает о том, что кто-то через много лет будет читать его письмо. Шерстюк А.П. пишет о том, что его волнует, и это не военные действия. О войне он пишет коротко: «...нахожусь на фронте, бьем немцев по правилам», «...если погибну – за Родину, за счастливую жизнь».

А вот дом, семья, их проблемы – это очень беспокоит Александра Платоновича. Он не молод, ему уже 45, он – глава семьи. И даже находясь за тысячи километров от дома, он остается им. Он беспокоится о здоровье дочери, тяжелом труде жены, о корове-кормилице, телеге, цене на хлеб...

А с какой теплотой и любовью он обращается к своей Даше: «Дашенька, милая голубка, котик, радость и жизнь моя...». Только чистый душой человек способен пронести свои чувства, несмотря на все тяготы войны.

Война, чудовищная по своей сути, может соединять то, что соединять невозможно и невысказано. Ведь на страницах солдатских писем стоят рядом любовь и смерть, нежность и варварство, красота полевых цветов и лежащие в них трупы врагов и наших павших героев.

Идут годы... С каждым днем все больше и больше редуют ряды ветеранов Великой Отечественной войны, живых свидетелей страшной войны. Настанет день, когда уйдет и последний ветеран из жизни. И тогда нам нести дальше их правду, их боль, их память. Как нести и что нести? Это решать нам, юношам и девушкам великой России.

*Рябова Елена Вячеславовна
Нижегородская область*

Узница фашизма

78 лет назад Советский Союз одержал победу в Великой Отечественной войне, которая явилась огромной трагедией для нашей страны. Война принесла немало бед советскому народу: миллионы погибших, ставших инвалидами после ранений, оставшихся без крова. А сколько детей осталось сиротами! Жертвами фашизма стали и более пяти миллионов советских граждан, насильно вывезенных на работы в Германию с оккупированных территорий. Выжить и остаться человеком для этих людей оказалось трудной задачей. Страшные воспоминания о своем рабстве они пронесли через всю жизнь.

В фондах Краеведческого музея имени В.А. Громова хранится уникальный документ периода Великой Отечественной войны – рабочее удостоверение, выданное немецкой полицией Прокофьевой Лидии Константиновне, которая с первых дней войны вместе с новорожденной дочерью оказалась в рабстве в Германии.

На каждого иностранного рабочего в гитлеровской Германии был заведен рабочий паспорт – «Arbeitskarte» («Рабочее удостоверение»). В нем указывались личные данные владельца: ФИО, место рождения, место работы, национальность, фотография, отпечатки больших пальцев левой и правой рук.

Мужчины и женщины, находившиеся на принудительных работах в Германии, часто выполняли непосильную работу и были исключительно бесплатной рабочей силой. Восточные рабочие трудились в промышленности, частном секторе, сельском хозяйстве, на железнодорожных станциях, на строительстве оборонительных укреплений, барачных, в шахтах, а также приводили в порядок улицы городов и сел.

Сергачанка Лидия Константиновна Прокофьева находилась в плену почти четыре года.

Из ее воспоминаний:

«...Всего лишь за два часа до того, как на Каунас обрушились первые бомбы, мой муж, офицер Советской армии, отправил меня в родильный дом. Свою дочь Люду я рожала под грохот бомб.

Уже на второй день в город вошли немцы. Я лежала больная и не знала, где мой муж, моя мать и мой двухлетний сын. По выходе из роддома с малюткой на руках я сразу же попала под надзор полиции. Не передать словами того ужасного состояния, в каком я тогда оказалась. Одна с младенцем, беспомощная, в кругу врагов, без средств к жизни. Всюду немцы. Всюду чужая речь.

Вскоре в числе многих советских граждан меня с ребенком на руках угнали в рабство в Германию (...) Нас ставили в исключительно тяжелые условия. Я, например, с ребенком на руках вынуждена была круглый год жить у своих хозяев в нетопленном подвальном помещении. Чтобы не простудить дочь, я клала в ее постельку бутылку с горячей водой и потом уже укладывала ее на ночь.

Кормили нас отвратительно, русским преимущественно готовилась картофельная болтушка, и той давалось не досыта. Работать же приходилось по 13–15 часов в день. Моя девочка всюду была со мной и, можно сказать, росла в меже.

Холод, голод, изнурительный труд, вдали от Родины, в постоянном унижении. Мы считали дни, надеялись, что все наши страдания скоро кончатся, потом считали месяцы, а там и годы. Так я насчитала 1399 дней своего рабства».

Освобождена была Лидия Константиновна 11 апреля 1945 г. Путь на Родину оказался долгим. Лишь к концу 1945 года она прибыла с дочкой в родной Сергач. И только тут узнала, что муж погиб в самом начале войны. Сына же Л.К. Прокофьева искала двадцать лет и встретила с ним лишь в 1962 году.

Вдали от фронта узники фашизма пережили все тяготы войны, бесчеловечные издевательства фашистского плена. Они нашли в себе мужество, несмотря ни на что, до конца оставаться человеком. Пройдя сквозь самые тяжелые испытания, они сохранили главное – свое человеческое достоинство, любовь к жизни, человечность, помогающие жить и трудиться. Миллионы советских граждан прошли через все ужасы навязанной им войны и ценой громадных, ничем невозместимых личных утрат отстояли Родину, утвердили великое право на жизнь, на свободу и независимость.

Савченко Ольга Сергеевна
Кемеровская область

Новокузнецк – город трудовой доблести

Это почетное звание было присвоено всего 21 городу России, таким как Боровичи, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Иркутск, Казань, Кемерово, Магнитогорск, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Пермь, Самара, Саратов, Томск, Ульяновск, Уфа, Челябинск, Ярославль. За что же дали такое почетное звание?

В годы войны наши земляки для работы предприятия города шли на героические подвиги во благо Победы над фашистской Германией. Поистине, 64 тысячи человек ушли на фронт и более 14 тысяч отдали свои жизни за Родину. Весь мир знает о подвиге Ивана Герасименко, Александра Красилова и Леонтия Черемнова, в ожесточенных боях под Новгородом закрывших своими телами амбразуры вражеских дзотов. Герой Советского Союза Алексей Маресьев назвал этот подвиг кузнецких парней самым удивительным из многих тысяч других, совершенных участниками Великой Отечественной войны. Это первый и единственный за всю войну подобного рода групповой подвиг самопожертвования.

В 1942 г. в ходе наступательной операции под Новгородом наш земляк Федор Трофимович Каплун закрыл своим телом амбразуру дзота и спас своих товарищей. При обороне Москвы на Можайском направлении в 1941-1942 гг. насмерть стояли легендарные воины 32-й стрелковой дивизии под командованием новокузнецчанина, полковника Виктора Ивановича Полосухина. В жесточайших десятидневных боях 32-я стрелковая дивизия потеряла половину личного состава и техники, но сохранила свою боеспособность. 18 февраля 1942 г. полковник В.И. Полосухин погиб на поле боя.

Также наши земляки-воины отличились в жесточайшей битве за Днепр. Герои Советского Союза Г.Ф. Карташов, А.А. Павловский, А.Д. Барвинский, В.П. Пономарев прославили свои имена и наш город в ходе этой днепровской операции. А еще при водружении флага над рейхстагом увековечил свое имя в истории новокузнецчанин – Герой Советского Союза Петр Петрович Кагыкин.

12 460 новокузнецчан получили высокие боевые государственные награды, 52 земляка удостоены звания Герой Советского Союза, десять являются полными кавалерами ордена Славы, что равноценно высочайшей награде Героя. Новокузнецчане героически сражались за Родину на всех фронтах, участвовали в Сталинградской битве, защищали Ленинград и Мурманск, освобождали Украину, Белоруссию, Прибалтику, Венгрию, Польшу, Чехословакию, штурмовали Берлин.

С первых дней войны в Новокузнецк стали приходить санитарные поезда. Привозили с полей сражений тяжелораненых солдат. В бывших школьных классах, гостиницах и институтах стояли койки. Новокузнецкий госпиталь выполнял функции сортировочного. Именно отсюда поступивших раненых и больных в очень короткие сроки распределяли по другим госпиталям.

В разгрузке поездов и круглосуточном дежурстве помогали врачам дружины Красного Креста, а также трудовые коллективы практически всех крупных предприятий. Они же помогли приспособить под госпитали почти два десятка корпусов вузов, техникумов, школ, гостиниц, общежитий, отдельных многоэтажных домов. Поэтому г. Сталинск (а ныне Новокузнецк) по количеству госпиталей и развернутых в них коек был одним из ведущих госпитальных центров Западной Сибири. Всего их было 11. Первыми из них были эвакогоспитали № 1241 и № 1247. Госпитали располагались в Центральном, Кузнецком и Куйбышевском районах города. Таким образом, наш регион стал одним из центров тыловой госпитальной базы, куда везли раненых бойцов со всей страны – с документами и без, в сознании и в беспамятстве. Кого-то вытаскивали с того света, выхаживали и возвращали в строй. Кого-то спасти не удавалось...

Перед городом стояла важная задача – перестроить хозяйство на военный лад, всю жизнь подчинить лозунгу «Все для фронта, все для победы!». И город с этой задачей справился. Кузнецкий металлургический комбинат стал мощной базой для развертывания производства вооружения и боеприпасов для Красной армии. Великая Отечественная война явилась для кузнецких металлургов серьезным испытанием. Преодолевая огромные трудности, они организовывали производство броневых листов для танковой и авиационной промышленности. Так, с 1941 по 1945 год эшелоны ежедневно увозили на фронт десятки тысяч снарядов с маркой «КМК», а также тысячи танков Т-34, штурмовиков ИЛ-2, одетых в фирменную броню. Русская броня (каземковская и магнитогорская) была самой лучшей в мире.

За образцовое выполнение заданий Государственного Комитета Оборона, Кузнецкий металлургический комбинат был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Кутузова 1 степени (боевого!), а за заслуги трудящихся города в социалистическом строительстве, их большую роль в индустриализации страны и значительный вклад в обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне – орденом Октябрьской Революции. Кузнецкие металлурги увеличили производство металла и тем самым стали лучшими в стране.

Сфера образования тоже потерпела изменения. Многие учителя ушли на фронт. Школьники тоже помогали, они выступали перед ранеными с концертами, читали газеты, писали под диктовку письма, стирали бинты... Десятки школьных зданий были заняты под госпитали. Сложность была в обеспечении школ учебниками, тетрадями, наглядными пособиями, инвентарем. Но, несмотря на все трудности, занятия в школах не прерывались.

В годы Великой Отечественной войны наш Драматический театр уступил свою сценическую площадку театрам из Москвы, Украины и Новосибирскому театру «Красный факел», а коллектив перенес свою творческую деятельность в Ленинск-Кузнецкий. Многие артисты и работники театра были призваны в действующую армию. Многие выступали с концертами на предприятиях и госпиталях. Коллектив Московского театра оперетты за полтора года пребывания в Сталинске дал 400 концертов.

В городах и селах не прекращалась работа культурно-просветительских учреждений, хотя их число в военные годы уменьшилось. Несмотря на трудности военного времени, в городе активизировалась культурная жизнь. Этому способствовало как участие приезжих живописцев, актеров, так и успешное освоение их опыта творческими работниками Сталинска.

Трудовые заслуги и героизм жителей города послужили основанием для присвоения городу почетного звания «Город трудовой доблести». И Указом президента от 2 июля 2020 г. город Новокузнецк был удостоен этого почетного звания.

*Самарцев Захар Сергеевич
Рук. – Лапина Лариса Ивановна
Удмуртская Республика*

Мой дед Героем был!

В жизни каждого человека есть свой герой, который вдохновляет на многие поступки, делает человека сильнее и мудрее. Кто такой герой? Герой – это человек, который готов пойти на любые жертвы ради своих близких, который имеет высшие моральные и духовные ценности. Настоящий герой сделает все возможное ради блага человека или народа. У каждого героя есть своя история – история его жизни, его побед и поражений...

Героем нашей семьи является Свержев Евгений Владиславович – мой дедушка. Он был капитаном, сотрудником военной контрразведки КГБ СССР, участвовал в боевых операциях в Республике Афганистан.

Евгений Свержев родился в 1957 году в купеческом городе Сарапуле. По рассказам моей мамы, бабушки и других родственников, дедушка был жизнерадостным, веселым, честным, душевным человеком. Совсем молодой Евгений решил стать военным, посвятить свою жизнь служению Родине.

История о моем дедушке упоминается в рассказе Ларисы Кучеровой «Шиндандские этюды». Приведу отрывок из рассказа «Гератская операция»:

«В тот период у Свержева в проверке находились сведения по фактам мародерства в полку, заслуживающие серьезного оперативного внимания. Взвесив все "за" и "против", Смирский, как начальник отдела, запретил Свержеву принимать участие в операции.

– Да вы что?! Как же я после этого в глаза мужикам-то смотреть стану? Ведь они не на прогулку идут! Мясорубка намечается еще та!

– Именно поэтому мы не имеем права рисковать! Слишком серьезное дело у тебя в разработке, – ответил Валентин Романович.

– Но...

- Никаких "но"! Это приказ!

...Не успел Смирский детально ознакомиться с ситуацией, как радиостанция вновь ожила и встревоженный голос, прорываясь через шум бушующего боя, сообщил:

– Ранен контрразведчик. Не можем вынести его с поля боя.

Подполковник рванулся к гарнитуре. В горле застрял ком.

– Кто? – выдавил он из себя, сжимая в руке тангенту.

– Капитан... Капитан Свержев, – послышалось сквозь треск помех...»

Прочитав рассказ в первый раз, я был очень взволнован. Я понял, мой дедушка – настоящий герой. Чувство гордости за него переполняло меня.

«Дедушка словно предчувствовал свою смерть. Перед операцией сходил в баню и надел новую форму. Высокий, красивый, в новом обмундировании, он выделялся из общей массы. И снайпер выбрал именно его...» – так заканчивается рассказ.

Дедушка был мужественным и решительным человеком. Он героически погиб на поле сражения, отдавая собственную жизнь за друзей и товарищей, которые были рядом. Считаю, что он имел высокие духовные идеалы, которые не позволили ему пойти против совести. Запрет участвовать в боевой операции не остановил дедушку, он не бросил своих товарищей, пошел в атаку вместе со всеми солдатами. Этот поступок – нравственный выбор деда.

Свержев Евгений Владиславович посмертно награжден орденом Красного Знамени. Его имя выбито на памятнике, посвященном уроженцам Удмуртии, погибшим в Афганистане и в других локальных войнах. Также в его честь открыта мемориальная доска в школе №13 города Сарапул, которую он закончил.

Мой дед Героем был! Его цели, жизненные ценности заставили задуматься меня, двенадцатилетнего мальчишку, о дальнейшей жизни. Я поступил в Удмуртский кадетский корпус – это первая ступень моего восхождения к моей цели. Уверен, если бы дед остался жив, то поддержал меня в моих начинаниях. Жизнь кадета нелегка, но я справлюсь. Когда мне бывает очень тяжело, я вспоминаю деда. Для нашей семьи он жив. Жив в наших сердцах.

*Семенихина Ирина Ивановна
Белгородская область*

Оккупация в воспоминаниях очевидца

Рустислав Степанович Бычков проживал в Губкине Белгородской области с 1959 года, работал в газетах «Ленинское знамя», «Строитель», возглавлял Губкинскую типографию. Он принадлежал к поколению детей войны, которую пережил в родном селе Богородицкое (Фенино) Боброводворского (ныне Губкинского) района. Сохранились его воспоминания об оккупации малой родины. Было ему тогда 13 лет...

«Летом 1942 года стало ясно, что немцев не остановить. Звуки артиллерийской канонады и разрыва бомб все слышнее докатывались до нашего Боброво-Дворского района. Немец шел, как говорили, с Прохоровки, куда он дошел в прошлую летнюю кампанию, перейдя на зиму в оборону.

На 2 июля 1942 года была назначена эвакуация Боброво-Дворского отделения Госбанка, где мой отец, Бычков Степан Филимонович, работал главным бухгалтером. Поскольку он был беспартийным, то транспорта для эвакуации его семьи не полагалось.

Помню последние минуты его прощанья с матерью. Повисла она у него на шее, залилась горькими слезами, не в силах выговорить ни слова. Наконец сквозь рыдания я услышал: "А как же мы?.." И ответ отца: "Как люди, так и вы..." И повернувшись в мою сторону, добавил: "Только на тебя надежда!"

В наше село война пришла 5 июля. Наши отступающие части отстреливались из соседней деревни Шорстово, расположенной в естественной котловине. Бить оттуда отступающих гитлеровцев было сподручнее.

О потерях наших бойцов на этом участке мне неизвестно. Немцы захоронили у проселочной дороги трех своих солдат-велосипедистов, оставили две подбитые автомашины – грузовую-бортовую и легковушку. Один из наших снарядов угодил в гусеницу танка. Мы с соседским моим одногодком Николаем Рыжих были очевидцами. Танк мчался в конце нашего огорода, а мы лежали с Николаем в картофельной ботве на противоположном его конце. Вдруг, казалось от вздыбленного султана почвы, шедший на большой скорости вражеский танк комично завертелся на одном месте и заглох. Однако экипаж не пострадал. Танкисты выскочили из башни, громко лопоча на незнакомом языке, быстро сменили поврежденный трак, поставили гусеницу на место и помчались догонять своих.

Последующие четверо суток оккупанты пешим и гужевыми обозами, на автомашинах и мотоциклах занимали наши села без боя. Они еще завидно располагались на ночлег, по-хозяйски доили деревенских коров, выбирали из куриных гнезд яйца, вылавливали в пруду гусей, ловили петухов, отрубая им головы.

Наша семья принадлежала к так называемому сословию служащих. А в то время считалось патриотичным, если служащий не имел никакого личного подсобного хозяйства. Дела служебные и общественные ставились выше личных. И наша семья жила в унисон с традицией того времени. Мы не держали коровы, не откармливали свиней. Правда, было посеяно соток 6-7 картошки, грядка капусты. Из живности – десяток кур. Таким образом, после эвакуации отца, на зарплату которого мы жили, наша мать, инвалид труда, осталась с тремя несовершеннолетними детьми без средств к существованию. У нас не было ни хлеба, ни жиров, ни крупы, ни дров. Даже спичек не было, чтобы развести в печи огонь и зажечь коптилку в вечернее время. Да и для коптилки керосин был на исходе. Как жить?

Однако, подчиняясь инстинкту самосохранения, стали мобилизоваться для выживания. На огороде ожидалась картошка. Куры, пока лето, жили на подножном корму и откладывали в день по 4-5 яиц. Неподалеку, в трех-четырёх километрах от села – казенный лес. В нем можно было собирать валежник на топку. Вместо спичек появилось кресало, которое изготовил я сам, приспособив обломок старого напильника. Кроме того, отец оставил мне в "наследство" шило и сапожный нож.

Сначала я ултал обувку домочадцам. А когда об этом узнали односельчане, мне стали поступать заказы на ремонт обуви от них. Моя работа поощрялась ими по своему усмотрению, кто чем располагал: кринка молока,

фунт муки, пригоршня пшена, четушка растительного масла... Мать приговаривала: "И то хорошо. Не до жиру – быть бы живу!"

Вскоре я наловчился подшивать валенки, шить сандалии, плести веревочные лапти. Теперь уже у нас был и на праздник лишний кусок...

Уже с наступлением легких заморозков в нашем селе разместили подразделение военных, состоящее в основном из венгров. Но были тут и чехи, и словаки, и финны. В селе всех их окрестили под одну гребенку, называя "мадярами".

Особого мародерства со стороны военных не наблюдалось. Да, они забирали, как дань, картошку. При этом вместе с военными за картошкой приходил представитель гражданской власти – староста или его заместитель. Каждое хозяйство обязано было выдать безоговорочно мешок картошки за один заход. За время постоя вражеских военных в нашем селе на каждый двор пришлось не менее трех заходов».

К середине зимы закончились сено и солома для корма мадыарских лошадей. Но на полях соседнего колхоза села Старовка стояли две скирды пшеничной соломы. Жителей Фенина и Шорстова выгнали чистить к этим скирдам дорогу напрямую по полю.

Рустислав работал на расчистке вместе с вышеупомянутым Николаем Рыжих. Неожиданно к ним подошел бородатый мужчина. Это оказался Федор Феоктистович Алексеев, давний знакомый семьи Бычковых. Родом он был из Богословки и до оккупации работал первым секретарем райкома партии.

«Вот, что ребята, – закурив, проговорил Федор Феоктистович. – Вы чистите дорогу к тем скирдам соломы», – кивком головы он указал в сторону старовского поля. Надо, чтобы они "случайно загорелись". Наши скоро придут. Не стоит откармливать мадыарских тяжеловозов».

Поняв, что их хотят склонить на поджог соломы, Рустислав заметил, что могут ведь и поймать. Алексеев дал ребятам по коробку спичек и показал, как можно поджечь солому с помощью спичечной коробки и папироски. Возгорание при этом произойдет не сразу, а через некоторое время, мальчишки уже успеют отойти от стогов на далекое расстояние, а может быть и дойти до дома. Он так же пояснил, что сегодня это сделать удобнее всего. Появление пацанов на дороге не вызовет подозрений, ведь можно подумать, что кто-то не успел расчистить отмеренный ему участок и пришел доделать свою работу.

Вечером ребята выполнили это заманчивое поручение. Но к этому времени снег частично запорошил расчищенную дорогу к скирдам, и погода потеплела. Мальчишки, неопытные конспираторы, оставили на мокром снегу хорошо отпечатанные следы от скирдов и до своих домов.

Утром в эти два дома пожаловали полицаи. Бычковы узнали в нежданном госте Александра Скобрева. До прихода немцев он работал с матерью Рустислава Степановича в Боброво-Дворском райпотребсоюзе, а теперь был полицаем в селе Старовка. Мать, увидев белую повязку на рукаве черного бушлата, заговорила со старым знакомым довольно резко. Скобрев объяснил, что ночью сгорели 2 скирда соломы и следы привели к их дому. После

коротких пререканий он начал обыск. Обнаружив патефон, посоветовал матери его продать: «А то придет такой, как я, и бесплатно заберет».

После обыска Скобрев встретился во дворе со своим товарищем, о чем-то поговорили и ушли. Он, конечно, понял, по чьей вине произошло возгорание. Но, судя по тому, что семью Бычковых потом не беспокоили, не стал доносить немецкой администрации о своих догадках. Через всю жизнь пронес Рустислав Степанович благодарность этому человеку, который спас его и его родных от пыток и виселицы.

При отступлении немцев Александр Скобрев покинул родные места. После войны стало известно, что он проживает в Канаде. Родственники показывали фотографию Александра возле легковой автомашины в белой рубашке и черных брюках. Рустислава Степановича поразили его глаза. В них сквозила невыносимая тоска по Отечеству, невыразимая боль от непоправимой ошибки, сделанной в период оккупации, позднее раскаяние в своем выборе...

Серебренникова Татьяна Павловна
Ставропольский край

Михайловский тополек

В Михайловской школе № 20 шла активная подготовка к празднованию Дня Победы. Краеведы решили сходить в гости к ветерану Великой Отечественной войны Волосатову Алексею Александровичу, посмотреть на его ордена, подержать их в руках. Алексей Александрович радушно встретил ребят. Улыбаясь и поскрипывая протезом, усадил всех. И полилась обычная беседа: о школе, о жизни, о войне. Ребята передавали из рук в руки ордена и медали, пробовали их «на зуб», учителя дописывали какие-то факты. Когда уже собрались уходить, Алексей Александрович предложил послушать песню «Тополек», музыку к которой написал он сам.

Тревожные звуки баяна и трогательная песня-исповедь.

... В 1970-е годы Алексей Александрович работал в восьмилетней школе с. Шпаковского, учил ребят музыке, рисованию, черчению, был организатором и руководителем драматического кружка, в котором с удовольствием занимались дети. Одновременно организовал оркестр народных инструментов, в котором и девочки, и мальчики играли очень вдохновенно. Обычная, насыщенная, мирная жизнь. Все ладилось: семья, дети, работа...

В 1977 году Алексей Александрович, просматривая «Ставропольскую правду», наткнулся на стихотворение Валентина Марьинского «Тополек». Читал, а сердце несколько раз кольнуло: «Как такое могло произойти? Кто рассказал? Ведь все про меня...» Долго сидел, задумавшись, потом снова глаза побежали по строчкам, а привычные к игре пальцы баяниста уже отстукивали какую-то мелодию:

У станицы степной, у разбитой дороги,
Где холодный ручей, извиваясь, бежит,
Молодой тополек, как солдат одинокий,

На весеннем ветру сиротливо стоит.

Тополек, тополек,
Ты открой свои думы,
Не шуми так угрюмо
На ветру, тополек...

Алексей Александрович старался забыть прошлое, тот страшный 1944-й год... Редко об этом рассказывал, но тут стихотворение настолько вошло в душу, что невольно он вновь оказался там.

Шел 1943-й год. В мае двадцать пять восемнадцатилетних ребят из Михайловки стали курсантами Первого Краснознаменного Орджоникидзенского пехотного училища. Курсантом Алексей был всего пять месяцев. В январе 44-го года его отправили на фронт на Ковельское направление в западную Украину командиром отделения станкового пулемета. Был он в то время, как и всю войну, сержантом. Шли тяжелые бои. Землю, вспоминает Алексей Александрович, поливали свинцом так, что головы не поднять. Под станцией Марица Алексея Александровича ранило. Первое ранение было легким, и через несколько дней он догнал своих товарищей. А потом был город Ковель, и было 26 марта. Он запомнил дату, потому что этот день – день его рождения. Ему исполнилось девятнадцать...

Тополек отвечал: «Помню бой я кровавый,
На дорогу упал от взрывной я волны.
Шел парнишка в бинтах, меня снова поставил
И сказал: «Мы с тобой инвалиды войны».

Был приказ: «Перебежать улицу, установить пулемет в многоэтажке и прикрыть пехоту». Долго ждали момент, когда стихнут пули. Алексей и семь его товарищей перебежками двинулись к цели. Потом побежали. Под Алексеем взорвалась мина. Взрывной волной откинуло на середину улицы. Очнулся, хотел встать и тут только почувствовал острую боль. Посмотрел на ноги, сразу не понял: левая нога на обрывке штанины валялась рядом. В это время почувствовал: кто-то его поднял, и они побежали из-под огня. Тут – вторая мина. Очнулся уже в полевом госпитале, на соломе.

Тополек, тополек, не качай ты ветвями,
(песня уже звучала в душе Алексея Александровича)
И солдатскую память не тревожь, тополек.
Продолжал тополек, видно, умер от раны
тот парнишка. Ведь он навесит меня мог.
От того на ветру я шумлю постоянно,
Все гляжу и гляжу на развилку дорог.

«О судьбе человека, что спас меня, ничего не знаю, – вспоминает Алексей Александрович. Фамилия его Прядко, но жив или нет – не известно. После госпиталя, что находился в лесу, у Алексея Александровича началась гангрена ноги. Его срочно отправляют в город Сарна, затем в Житомир. Только разместились – бомбежка. Алексей Александрович с улыбкой вспоминает, что со страха, перебинтованный, очутился под кроватью. Когда все утихло, долго смеялся над собой. Потом был долгий путь на восток, бомбежки, тела умерших в поезде и, наконец, Куйбышев, специальный госпиталь для раненых без конечностей.

Началось лечение. Две тяжелейшие операции, нога становилась короче. «Как буду жить? Как буду ходить?» – эти мысли не давали покоя Алексею Александровичу. Но молодой организм да стойкий характер брали свое. Сначала научился ходить на костылях, затем на протезе...

В декабре 1944 года вернулся в Михайловку. Устроился работать учетчиком в бригаду № 7 колхоза им. Апанасенко. На кульстане, недалеко от Уваровой горы, узнал о Победе. А награда за бои под Ковелем, где отделение Волосатова проявило мужество, нашла героя спустя 30 лет. В 1970-е годы ему был вручен орден Славы III степени....

Вот так, читая стихотворение Валентина Марьинского, Алексей Александрович вспомнил свою фронтовую жизнь. Сразу понял – будет песня, песня ведь о нем. Мелодия уже звучала в сердце. Взял в руки баял, тихо-тихо запел:

Может быть, тополек, я и есть тот парнишка,
Только сколько с тех пор пролетело годков.
Ты растешь, тополек, как зеленая вышка,
Ты до солнца достать головою готов.
Ах, какой, тополек, ты большой и красивый,
Словно небо России, ты высок, тополек...

Вот такую удивительную историю рассказал нам Алексей Александрович Волосатов, отважный воин, мудрый учитель и прекрасный человек. А мы называем его «михайловским топольком». Он согласен. Ведь так оно и есть!

*Синих Анастасия Дмитриевна
Рук. – Гавриленко Надежда Ильинична
Брянская область*

Жизнь сильнее войны

Март. Вчера небо и снег были синими. Сегодня опять по-зимнему кружит метель. Но это уже не сплошная пелена. Все чаще мелькает солнце в разрывах облаков, и проглядывает бездонная голубизна неба.

В такое весеннее непредсказуемое утро в деревне Рожны Клинцовского района в семье Дмитрия Ивлиевича Гавриленко, потомка запорожских казаков, родился долгожданный сын. Это случилось 8 марта 1936 года. Но в советской

России этот день уже значится как Международный женский. И хоть был мальчик драгоценным подарком для Христины Никифоровны – матери, но она согласилась с мужем, что «негоже мальчику отмечать свой день рождения вместе со всеми женщинами планеты» (он – мужчина!). И записали в свидетельство дату рождения «7 марта». С тех пор уже минуло 86 весен. Но так случилось, что в канун женского праздника приносят женщины цветы, говорят ему нежные слова (ведь вся его сознательная жизнь прошла в женских коллективах), а в семье Гавриленко традиционно день рождения главы семейства празднуют 8 Марта. Но первый тост – за прекрасных, надежных, любящих и нежных, а потом уже – за него, виновника торжества.

Мой прадедушка, Гавриленко Петр Дмитриевич, относится к поколению детей войны – поколению без детства. Они все повзрослели за один день – 22 июня 1941 года. Отцы ушли на фронт, а матери день и ночь в поле, чтобы накормить и одеть солдат на фронте, не дать умереть с голоду старикам и детям в тылу. Но дети с ними рядом: в поле, на лугу, на скотном дворе... Не до игр.

Великая Отечественная война принесла много горя и лишений в каждую семью.

«Когда началась война, мне было 6 лет, – рассказывает прадедушка, – но чистая детская память сохранила много эпизодов этих лет и дней, да и война делала детей более взрослыми и серьезными. Хорошо помню начало войны. В тот теплый воскресный солнечный день мои родители были приглашены к своим друзьям на торжество. Взяли они и меня с собой. Там было много детей, мы играли на лугу.

Торжество шло по-деревенски шумно и весело, народу было много. И вот где-то во второй половине дня прибежала женщина с растрепанными волосами, с платком в руке, со слезами на глазах и закричала: "Вы здесь гуляете, а уже льется людская кровушка!.. Война-а-а!.." И зарыдала, а рыдания срывались на крик. Оказывается, приехал представитель из Клинцов и сообщил, что началась война. Эта весть ошеломила, все сникли и стали потихоньку расходиться по домам. Мы не понимали, что происходит.

Через три дня мы провожали отца на фронт (который, к счастью, хотя раненый и контуженый, но вернулся домой в начале 1946). С тех пор пошли мрачные и тревожные дни».

Дедушка задумался: тяжело даются ему воспоминания.

«Кто мог держать в руках лопату, вышел рыть окопы, но это не спасло, – тяжело вздыхает дедушка. – Мимо села шли отступающие войска, а вскоре ощутили приход незваных гостей.

Наш дом стоит в центре села. Вскоре сюда подкатили три мотоцикла с коляской, по три фашиста на каждом. У каждого из них на шее были автоматы, а в колясках – пулеметы. Это были, по-видимому, разведчики. Все жители боялись к ним подходить и наблюдали за происходящим из окон. Затем потихоньку стали выходить детишки, а за ними и старушки. Но уже к обеду в село вошла воинская часть – вот здесь и началось... Детей и стариков выгнали в сараи и погреба, а фашисты заселились в их дома. Село наше довольно большое

(свыше 300 домов) – так по всему селу слышалась стрельба, визг свиней, истошный крик кур. "Гости" готовили себе сытный обед. Недалеко от нашего дома находилась колхозная пасека. Фрицы уже хозяйничали и там: разбивали ульи, поджигали их и вытаскивали рамки с медом, орали и визжали от укусов пчел, и через некоторое время от пасеки остались разбитые и обгорелые ульи и растревоженные рои пчел.

От всего этого люди оцепенели, боялись показываться на глаза этой разъяренной фашистской орде завоевателей. Через какое-то время в село приехал карательный отряд, забрали старых советских работников, которые не подлежали призыву. Девятерых вывезли за село и расстреляли. Эти события еще больше навлекли страх на всех жителей, они боялись выходить на улицу. Чуть-чуть люди повеселели, когда в ближайших лесах появились партизаны. Стали узнавать новости (хоть и скудные) о положении на фронтах, в сердцах зародилась надежда, что скоро придет конец унижениям и притеснениям».

Дедушка переводит взгляд на моего младшего братишку и продолжает:

«Знаете, ребятки, ведь дети во все времена остаются детьми со своими наклонностями и увлечениями. Мы, дети войны, собирали и коллекционировали патроны всех видов: русские, немецкие, итальянские. У меня был даже снаряд для миномета. А однажды такой сбор чуть не закончился для меня трагично. Проходил я мимо клуба, и в это время вышел немецкий офицер с автоматом, пострелял вверх и ушел, а я схватил гильзы и успел отбежать. Снова вышел офицер и сразу обратил внимание на то, что гильз нет. Увидел меня, грозно помахал палкой и натравил овчарку. Я побежал к дому со скоростью олимпийского чемпиона. Оглянулся и увидел, как огромная овчарка прыжками мчится ко мне. Как я взлетел на клен, даже сейчас не могу вспомнить, но успел вовремя. Овчарка только лапой поцарапала мою ногу. А я лез выше и кричал от страха: собака грозно рычала и бросалась на дерево. Немец с автоматом приблизился к дереву и начал стрелять. Срубленные ветки, листья сыпались на меня. Пули свистели рядом. Я кричал еще сильнее, но это не действовало на фашиста. Расстреляв весь диск, немец удалился. Соседские мальчишки, осмелев, подошли к дереву и предложили спуститься вниз. Я этого сделать не мог. Тогда старший мальчик залез ко мне и еле оторвал мои ручонки от ветки, в которую я вцепился. Снял, но я ни на что не реагировал; побежали в поле за моей мамой. С неделю я не разговаривал, а только мычал. Больница в селе не работала, и мама таскала меня к старушкам, которые меня лечили своими молитвами и заговорами. Дней через десять, сильно заикаясь, я заговорил. А полностью заикание прошло только через полгода. Но даже сейчас, спустя много лет, когда я чем-то взволнован, начинаю заикаться...

Были у меня и другие эпизоды, как у каждого пацана: и комичные, и трагичные. Но я остался жив, а около десятка моих одноклассников погибли или остались на всю жизнь глубокими калеками, разряжая или взрывая мины, гранаты, снаряды – "добра" этого хватало в селе. Поэтому не дай Бог ни взрослым, ни детям испытать те страдания и ужасы, которые приносит война».

«В школу пошел переростком, – помолчав, продолжает Петр Дмитриевич, – стеснялся, особенно когда не получалось. Но учиться любил». И эта любовь к

познанию, целеустремленность дала деревенскому пареньку получить высшее образование – за плечами Московский кооперативный институт.

Мой прадедущка давно уже на заслуженном отдыхе, но не потерял интерес к жизни: много читает, интересуется русской историей, имеет свою точку зрения на происходящее в стране. Пробует писать. Читателям газеты «Знамя труда» знакомы его заметки о зарождении кооперации, воспоминания о военном детстве, зарисовки о природе. От весны и до поздней осени много времени проводит в саду. Сад – его гордость и отдушина. А зимой снегири, синицы и воробьи весело щебечут на ветках старой яблони под его окошком, ведь хозяин знает, чем порадовать своих пернатых гостей.

И еще одно увлечение – русская гармонь. В праздники, когда собирается в дом вся большая семья, гармонист-самоучка радуется близких народной музыкой. «И откуда в современной молодежи, воспитанной на компьютерах, видео и телевиденье столько русского?! Видно, прав был Лев Толстой, что исконно русское из поколения в поколение впитывается с молоком матери! – восклицает прадедущка, вспоминая, как под его музыку плясали маленькие внуки, а теперь и правнуки. – Жалко, что реже и реже беру в руки гармонь: здоровье подводит... видно война крепко засела во мне, оставила свои следы...»

Удивительно синие ясные глаза моего прадедущки затуманились грустью. А мой взгляд упал на костыли, сиротливо стоявшие у кресла. И понимаю, как трудно человеку, любящему жизнь, когда огромный мир сужается и сковывает его движение.

...И опять март. Утром туч как небывало. И опять синее-синее глубокое мартовское небо. И опять воробьи запивают свой завтрак мартовской каплей. А голубые глаза моего прадедущки радуются пробуждающейся жизни.

Он так любил жизнь!

Я держу в руках старую потертую фотографию. Она лежит среди самых дорогих вещей моей бабушки – орденов, медалей, документов ее отца-фронтовика Бондарева Ильи Петровича – моего прадедущки Ильи...

Мне было шесть лет, когда ушел из жизни мой старенький дедушка, но я часто вспоминаю его: добрые и грустные глаза, натруженные руки, открытую улыбку. Мы любили бывать у него в деревне. Правда, последний год он передвигался только с помощью моего папы или дедушки Володи. Но дедушка не унывал, он так любил жизнь, что старые ранения и болезнь его не сломили, он радовался каждому дню и этим заряжал всех, кто был рядом с ним. Его выводили в тенистый сад, где мы, дети, часто сидели с ним на садовой скамейке, слушали его рассказы о довоенной жизни, о страшных днях оккупации, о войне, о боевых товарищах.

«Мое детство прошло в трудное для страны время, – начал как-то дедушка Илья. – Детей в семье четверо, я старший. Работали в колхозе наравне со взрослыми: боронили, вывозили навоз, пололи, косили, убирали урожай. Хотелось учиться, но возможности не было, окончил только начальную школу. А потом – война. Мне только пятнадцать исполнилось. Начались страшные дни

фашистской оккупации, мрачные и тревожные. По ночам раздавались выстрелы, крики, топот и ржание лошадей, мычание коров – скот угоняли на восток страны. В деревне остались женщины и дети; все, кто мог, ушли на фронт или в лес к партизанам. Фашисты не стояли постоянно в деревне, но те дни, когда они совершали набеги, все сметали на своем пути. За время оккупации пришлось испытать и голод, и холод, и унижение, и оскорбление от фашистских захватчиков. И лишь редкие счастливые моменты скрашивали нашу жизнь – ночные вылазки партизан. Они приносили весточку о событиях на фронте, а односельчане собирали продукты (делились последним куском хлеба!), теплые вещи, обувь. Так прожили до осени сорок третьего. С фронта приходили известия о новых победах Красной армии, и мы с нетерпением ждали освобождения от гитлеровской неволи.

И вот этот долгожданный момент наступил! Девятнадцатого сентября запыленных солдат-освободителей со слезами радости на глазах встречали мы – жители Давыдчинского сельсовета. Сколько радости и слез! Все обнимались, плакали и опять обнимались... Кто-то бросал цветы, а кто-то спелое яблоко. Все хотели порадовать своих освободителей».

Дедушка немного помолчал.

«А уже 4 ноября 1943 года я пошел в военкомат и записался добровольцем на фронт. Вместе со многими земляками был направлен в Брянск, где формировалось пополнение 50-й армии. Так я стал солдатом-мстителем за разоренный отчий край.

Мне часто снилась мать. Я запомнил ее маленькой, худенькой, в цветном платочке. Отчетливо видел, как горько улыбнувшись, она крепко обняла меня, а потом долго махала мне вслед, утирая платочком слезы. Это была наша последняя встреча: мама умерла на Крещение, не дождавшись сына с фронта...

А эшелоны с безусыми парнями уносились в далекий Мелекесс, чтобы в полевых условиях солдаты и офицеры, опаленные войной и вкусившие лиха боевых сражений, учили воевать нас, новобранцев, умело, грамотно, без суеты и ненужного риска. В феврале 1944 года эшелон с пополнением остановился в Рославле. Высадились из вагонов и походной колонной двинулись в сторону фронта. В сумерках стали на привал. А наутро появились помощник комвзвода Николай Макаров и командир отделения разведчиков Семен Соловьев. Им нужно было пополнить ряды разведчиков. Нас построили. Командир громко спросил: "Кто хочет пойти к моим разведчикам? Всегда будете впереди, первыми увидите врага в лицо". Все молчали. А я шагнул вперед. Командир похлопал по плечу: "Молодец! Быстро принимаешь решение. С тебя выйдет настоящий разведчик".

Так я стал учеником у опытных полковых разведчиков. Берегли они меня, учили уму-разуму. Повару наказали откармливать, чтобы "не торчала шея из воротника, как у цыпленка". Наставляли: не суетись, ходи тихо. Ты же брянский волк – должен уметь ходить бесшумно. А недели через две – первая операция. Ночью пересекли линию фронта. По кустарникам и перелескам зашли в тыл немецкого переднего края. Группа захвата ушла вперед. Я и еще четверо – в группе прикрытия. Прождали весь день. Трудно лежать и

бездействовать. Но у нас приказ: ждать сигнала. Возвратились разведчики как-то неожиданно, в сумерках, неся связанного офицера. Вернулись без шума, без выстрелов, я даже расстроился: героем с этими разведчиками не станешь. И только спустя время понял, что искусство разведки в том и состоит, чтобы без показного геройства, без бравады выполнить "свою работу" на фронте. А за доставку "языка" мои командиры получили по ордену, а я и другие разведчики – медаль "За отвагу". Это было мое боевое крещение и первая, самая нежданная награда.

Много было вылазок в стан врага, и всегда возвращались с "добычей", а главное – полным составом. Мудрость нашего взводного Николая Макарова, его хладнокровие, решительность и осторожность не раз спасали нас от смерти. Но однажды удача нам изменила. Возвращаясь из очередной операции с "языком", как обычно – без шума, напоролись на немцев. Схватка была короткой, но жаркой. Прорвались без потерь, но немца зацепило, пришлось нести на себе. Грузный, все руки оборвал. Но не зря старались: немец, видно, знал много. Всем разведчикам, в том числе и мне, вручили по ордену Красной Звезды...

А война шла к завершению. Пыльными солдатскими сапогами истоптаны русские, польские дороги. И вот они привели в Восточную Пруссию. Немцы дрались с отчаянной обреченностью. Особенно жестокими были схватки на подступах к Кенигсбергу. Солнца не видно от дыма. Сплошной гул. Осколки, пули, взрывы гранат, со свистом летят через голову мины. А разведчики впереди фронта. Это был мой последний бой в этой войне. Многих потеряли, многие получили ранения. Досталось и мне – плечо и руку пробил фашистские пули. А память об этом не только следы от зарубцевавшихся ран, но и орден Славы III степени и медаль "За взятие Кенигсберга". А теперь вот сколько...» – дедушка проводит жилистой рукой по наградам.

«Сколько раз смерть смотрела в лицо, сколько раз смерть настигала моих боевых товарищей, – с горечью говорит дедушка. И я был трижды ранен, но выжил. И живу за себя и за них...»

Удивительно ясные дедушкины глаза затуманились. А мой взгляд упал на костыли, сиротливо стоявшие у скамейки. И понимаю, как трудно человеку, любящему жизнь, когда огромный мир сужается и сковывает каждое движение...

Мы опять на садовой скамейке. У дедушки в руках старая пожелтевшая фотография. Он смотрит на нее со светлой улыбкой: «Посмотрите, какие мы здесь молодые, сильные и веселые... Это корреспондент "Красной звезды" нас запечатлел во время наступательных боев на территории Минской области в июле 1944 года. Мы вернулись после очередной вылазки в тыл врага. Немцев положили! Да и с собой прихватили!.. Весь взвод был представлен к наградам! Смотрите, дети, это я со своими фронтовыми друзьями, – проводит дедушка жилистой рукой по фотографии. – Это я, – показывает на гордого, открыто улыбающегося молодого человека (он сидит первым справа). – Рядом со мной наш командир – Николай Макаров. А это строгий и мужественный Сергей Бочатурян, а вот наш весельчак Александр Буцергин, а это наш запевала –

Григорий Авакян... Мы прошли с ними с ноября 43-го до Кенигсберга, а потом все вместе собирались воевать с Японией, но не успели. Остановили нас в Днепропетровске, вот там и прослужили еще пять лет. Мы потом еще долго переписывались, правда, встречались только раз. А сейчас и не знаю, живы ли, встретят ли весну и нашу Победу»...

Я одна сижу на садовой скамейке, держу в руках старую фотографию... Смотрю на молодых ребят в военной форме. И мой взгляд опять и опять останавливается на молодом человеке с улыбкой Гагарина. Мой прадед! На обратной стороне читаю: «На долгую незабываемую память моим родным. Посмотрите на этот мой образ и вспомните своего сына и брата. Со мной мои друзья».

Смотрю на потертую фотографию. Победители!.. Хотя до Победы еще далеко...

*Смеловская Алина Александровна
Рук. – Исайкина Светлана Николаевна
г. Ставрополь*

Эколога-краеведческий путеводитель «Бульвар имени генерала Ермолова»

История любого города интересна и удивительна. В нашем городе есть замечательный уголок природы – бульвар имени генерала Ермолова. Он расположен в самом центре проспекта Карла Маркса в г. Ставрополе. Трудно себе представить наш город без него.

Бульвар на проспекте К. Маркса, называемый с 1999 года «Бульваром имени генерала А. Ермолова» является памятником ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства. Статусом памятника истории он обладает с 1981 года. На благоустройство бульвара Дума выделила 350 рублей серебром еще в 1842 году. Тогда же в город были доставлены тысяча саженцев тополей и четыреста лип; их посадила арестантская рота под наблюдением поручика Алабухина. В 1848 году по инициативе нового командующего Кавказской линией генерал-лейтенанта Н.С. Завадовского решено было еще более благоустроить Верхний бульвар и устроить новый Нижний, который должен был дойти до Ярмарочной площади с Тифлисскими воротами, возведенными в 1840-1841 годах. Самый ранний план с указанием сквера в верхней части бульвара выявлен недавно и относится к 1840 году. К этому времени бульвар здесь существовал уже официально, потому что еще в 1838-1839 годах были посажены деревья и устроен бульвар с каменной оградой. На эти работы истрачено до 1000 рублей ассигнациями. То есть данный объект был заложен искусственно. На плане он представлен в виде треугольного, засаженного деревьями сектора с отходящей вниз узкой полосой с двумя диагональными дорожками и общей обходной дорожкой по периметру. Нижний конец суженного участка бульвара доходил до Гостиного ряда, где были самые первые древесные посадки еще во время завершения строительства данного объекта в 1828 году. Треугольный сектор имел длину около 110-115 сажен и

ширину в верхней части до 30 сажен. Сначала здесь было высажено 500 лип из казенного Русского леса. В одном из архивных документов говорится, что устройство бульвара произвел «купеческий староста Руднев в 1839 году».

Бульвар посередине проспекта был заложен в конце 1839 года городским садовником Б. Нечмировым. Им было высажено 150 деревьев, установлены скамьи. Одни насаждения сменяли другие: голубые ели и шаровидные акации сменили боярышник розовоцветный и японская катальпа, а также дуб, самшит и береза. В настоящее время здесь произрастает 18 видов растений, преобладает каштан конский.

За 10 лет две двухрядные аллеи пролегали на 1,5 км. Сажали «приспособленные к местному климату» деревья, сохраняли остатки естественного леса – ясени, клены, дубы, липы. Было посажено много робинии, каштана конского, тополя белолистного, карагача, несколько сосен. Впервые высадили бельбекский пирамидальный тополь.

Предполагается, что одним из первых известных посетителей бульвара был М.Ю. Лермонтов.

Благоустройство бульвара проводилось в начале 1870-х годов. Так, в феврале 1870 года была составлена смета на устройство дорожек, турникетов, диванчиков, скамеек, посадку деревьев и живой изгороди из шиповника по сторонам бульвара. Изгородь из шиповника заменялась белой акацией.

В советский предвоенный период бульвар оставался малоухоженным. Но на нем были построены киоски для продажи газет и журналов. Лишь в 1947 году была начата масштабная реконструкция. Растительность бульвара была обновлена. На аллее высажены шаровидные акации и голубые ели. Бульвар в начале 1950-х годов продлен от здания Крайзо до железнодорожного вокзала.

В 1956 году после гибели осенью от природного катаклизма акаций они были заменены разноцветным боярышником. На новом участке высажен дуб.

С 1946 года у входа на каскадную лестницу Крепостной горы стали создаваться тематические цветочные панно. На пересечении проспекта К. Маркса с улицей Голенева периодически разбивались ковровые цветники. И сейчас бульвар не перестает радовать нас своей неповторимостью. Обновлены скамейки на бульваре. Уход за зелеными насаждениями осуществляют работники муниципального унитарного предприятия «Горзеленстрой». Радикальных изменений в зеленой зоне не предусматривается, задача ближайшего будущего – сохранить зеленое убранство в том виде, как оно исторически сложилось.

Свое участие в развитии бульвара принял и городской садовник Б.И. Новак. В конце XIX века здесь были высажены еще 450 деревьев, сделана новая изгородь от здания городской Думы до Александровской гимназии, проведены другие работы по благоустройству.

С неширокой заасфальтированной площади можно осмотреть Триумфальную арку, называющуюся ранее Тифлисскими воротами. Она была построена в 1841 году в основном на деньги купца Гавриила Тамамшева. Прозрителев Г.Н. писал о Триумфальной арке как о памятнике Отечественной войны 1812 года. Действительно, в 1842 году в России торжественно отмечают

30-летие Бородинского сражения, и устройство Победных ворот отвечало событию. В 1930-е годы арка была разрушена, а в 1987 г. архитектором П.И. Олексюком создан проект восстановления, который был осуществлен в 1998 году.

В сентябре 2000 г. в День города Ставрополя на Триумфальной арке были установлены иконы: Казанская икона Божией матери – покровительницы города Ставрополя, икона Николая Чудотворца, оберегающая путников. Иконы выполнены в эмали эмалировщиками под руководством С. Мащенко.

Пройдите под аркой, и вам откроется мемориальный уголок героя кавказской войны, генерала А.П. Ермолова. Великолепные голубые ели создают торжественность. А.П. Ермолов – ровесник Ставропольской крепости. В октябре 1816 года Ермолов прибыл в Ставропольскую крепость. Его именовали проконсулом Кавказа. Он был мудрым политиком и преобразователем. Это он сделал Ставрополь столицей всей Кавказской области. Памятник А.П. Ермолову установлен в 1999 году в дни празднования юбилея г. Ставрополя. И тогда же бульвар был назван именем генерала Ермолова А.П.

Следующая достопримечательность – памятник А.С. Пушкину. Установлен в 1987 году – в канун 150-летия со дня гибели поэта. Авторы проекта – скульптор Э.М. Ладыгин, архитектор Ю.И. Тихонов. Памятник выполнен мастерами Мытищинского завода художественного литья. Почувствуйте, что именно здесь бродил в тиши великий Пушкин. На бульваре в этом месте устроен фонтан, окруженный цветочными клумбами. Называется он «Северный фонтан».

Далее ваше внимание привлекает парадная лестница на Крепостную гору. Слева у подножия лестницы – мемориальная площадка с монументом Славы ставропольцам, героям Гражданской и Великой Отечественной войн. Монумент выполнен из бештаунита архитекторами братьями Роберман. Теперь собор восстановили, лестницу и прилегающий к ней парк называют Комсомольская горка.

Слева к бульвару подходит улица К. Хетагурова, которую открывает бюст поэта, художника, журналиста, установленный на бульваре. Авторы: скульптор Ф.И. Перетячко, архитектор Б.Ф. Будкевич. Постамент – квадратный в плане пилон. Памятник являет собой образец реалистической портретной монументальной скульптуры 1950-х годов. Важная часть композиции – подпорная стенка под постаментом, ниша – грот, в тимпане которой помещен фонтан. Бассейн фонтана имеет скругленную форму и ограничен невысоким профилированным парапетом. Коста Леванович считал Ставрополь своей второй родиной. Здесь он учился, здесь слагал свои стихи, здесь прожил полную творческих замыслов жизнь.

Перед нами открывается вид на улицу Суворова. Это небольшая улица. Но именно с этой улицы начинается история нашего города. На этой улице находилась Ставропольская крепость. Александр Суворов посещал нашу крепость, инспектируя всю Азово-Моздокскую линию. В Ставрополе на

Крепостной горе установлен бюст полководцу. Гранитный памятник изготовил скульптор Верховский в 1976 году, к 200-летию основания города.

В 1954 году в городе Ставрополе была построена Декоративная стенка каскадных фонтанов «Дельфины» на проспекте Октябрьской революции, недалеко от Крепостной горы. Фонтанная группа состоит из семи небольших фонтанов в виде рыб, которая, кстати говоря, входит в список памятников истории и культуры Ставропольского края, подлежащих государственной охране. Скульптором является И.С. Беличенко.

Справа от «Дельфинов», в начале знаменитого Ставропольского Ермоловского бульвара, расположен красивейший фонтан «Мальчик и девочка с кувшином» или как его еще называют «Купающиеся дети». Он построен в 1930-е годы. В 1995 году проводились ремонт и реконструкция фонтана (В.А. Голуб). Была полностью разобрана и заново сложена чаша фонтана из рубленного камня, дно выстлано брекчиями, восстановлены фигуры детей. В 1960-х годах по краям чаши находились декоративные детали в виде лягушек, из которых били струи воды на центральную композицию. Позже утрачены.

Бульвар имени Ермолова прекрасен в любое время года. Гуляя по тенистым аллеям бульвара, попадаешь в атмосферу красоты и величия природы, рассматривая памятники и фонтаны, понимаешь, сколько интересного и познавательного они в себе хранят.

Смирнов Виталий Сергеевич
Архангельская область

Высокая награда северодвинца Сергея Федосеева.

Корабелу Севмаша вручен орден Александра Невского

20 декабря 2022 года, под занавес уходящего года, в Москве в Екатерининском зале Кремля по традиции состоялась торжественная церемония вручения государственных наград. В этот день Президент Российской Федерации отметил деятельность 28 выдающихся россиян за деятельность в области образования, науки, медицины и здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства, морского транспорта.

– Все ваши достижения – вдохновляющий пример для общества, для наших граждан, прежде всего для молодежи, – подчеркнул Владимир Путин. – Своими делами и поступками вы буквально пишете историю страны, создаете фундамент для будущих прорывов и свершений. Я благодарю вас и от всей души поздравляю с присуждением высоких наград.

Одним из тех, кто был удостоен высокой чести получить награду лично из рук президента, стал судовой трубопроводчик Северного машиностроительного предприятия Сергей Алексеевич Федосеев. За достигнутые трудовые успехи и многолетнюю добросовестную работу он был награжден орденом Александра Невского.

Особо символично, что орден был вручен ему в канун празднования 83-й годовщины со дня основания предприятия, которому он посвятил всю свою

трудовую жизнь и на котором работает уже более 43 лет. Уроженец поселка Самодед ныне Плесецкого округа Архангельской области, он, придя на Севмаш после армии, сначала трудился трубогибщиком, а затем перешел в трубопроводчики. В совершенстве овладел специальностью, став одним из лучших в своей профессии на заводе.

В завершение церемонии президент добавил: «В этом зале люди разных поколений, разных направлений деятельности, разных сфер. И все это – Россия! В этом мощь, надежность нашей страны. Эта мощь тем сильнее, чем эффективнее работают все наши граждане – такие, которые задают темп движению вперед, а это вы. Еще раз поздравляю вас с заслуженными наградами Родины и желаю вам всего самого доброго!»

Сергей Федосеев участвовал в строительстве атомных подводных лодок II, III и IV поколений. В его послужном списке – практически все АПЛ последнего поколения проектов «Борей» и «Борей-А», «Ясень» и «Ясень-М», построенные на Севмаше. Руководимая им бригада в предельно сжатые сроки обеспечивает изготовление и монтаж трубопроводов по особо сложным и ответственным системам.

На головной АПЛ проекта «Борей» «Юрий Долгорукий» (спущена на воду в 2008 году), открывшей путь всем современным кораблям, Сергей Алексеевич занимался прокладкой трубопроводов в самом технологически сложном отсеке заказа – энергетическом. Руководство всегда отмечало его незаурядные рационализаторские способности.

На строительстве АПЛ «Александр Невский» (спущена на воду в 2010 году) по его предложению были приняты нестандартные решения, позволившие на три недели ранее установленных сроков произвести физический пуск ядерной энергетической установки заказа и перейти к новому этапу испытаний корабля.

Его предложения всецело способствовали и успешной сдаче Военно-Морскому Флоту в 2021 году целых трех АПЛ.

За годы работы на предприятии кораблестроитель, передовик производства и бригадир отмечался другими, не менее достойными наградами разного уровня – муниципальными и региональными, ведомственными и общественными, а также государственными, среди которых медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I (в 2006 году) и II (в 1999 году) степени.

Орден Александра Невского – достаточно высокая государственная награда. В наградной иерархии страны он стоит между орденом Святой Великомученицы Екатерины и орденом Суворова. Он, кстати, является единственной наградой, существовавшей (хотя и с определенными изменениями) в наградных системах Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации.

Орден Святого Александра Невского был учрежден Екатериной I в 1725 году и предназначался для награждения как военных, так и гражданских лиц. В 1917 году он был упразднен вместе с другими императорскими и царскими наградами. В 1942 году в СССР был учрежден новый, так называемый

полководческий орден Александра Невского для награждения командного состава Красной армии.

После распада Советского Союза орден был сохранен в системе государственных наград. Однако он не имел описания, награждение им не производилось. Но спустя 18 лет Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года было установлено, что орден Александра Невского вновь входит в государственную наградную систему страны, утверждены его статус и описание.

Сегодня им вновь награждают как военных, так и гражданских лиц за особые личные заслуги перед Отечеством в деле государственного строительства, многолетнюю добросовестную службу и высокие результаты, достигнутые при исполнении служебных обязанностей, в деле укрепления международного авторитета России, обороноспособности страны, развития экономики, науки, образования, культуры, искусства, охраны здоровья и другие заслуги.

Знак ордена воспроизводит дизайн дореволюционного. Он представляет собой покрытый рубиновой эмалью позолоченный четырехконечный крест с расширяющимися концами. Между концами креста помещены изображения двуглавого орла. В центре креста – круглый медальон, в поле которого выполненная цветными эмалями конная фигура князя, обращенная влево. На оборотной стороне написан девиз ордена: «За труды и Отечество».

За 13 лет, начиная с 2010 года, современным орденом Александра Невского было награждено порядка 1400 человек. Теперь среди них есть и имя северодвинца Сергея Федосеева.

Сорокина Маргарита Руслановна
Рук. – Глазунова Людмила Васильевна
Донецкая Народная Республика
Бабушка Зина

Человеческая память может хранить только самые яркие мгновения жизни. Это могут быть и счастливые, и горькие моменты. Моя память хранит воспоминания об одном лете 2014 года.

26 мая 2014 год. Донецк. Микрорайон «Путиловский», Донецкий аэропорт. Мне 6 лет. К нам в дом ворвалась война. Впервые услышала звуки войны: взрывы, стрельба, гул вертолетов, крики людей. Мама прижала меня крепко к себе и заплакала. Я ничего не могла понять. Я не знала, что означает слово «война», которое произносили все взрослые, но оно уже пугало меня. Теперь я знаю точно, почему: война несет беду, разрушает все на своем пути, губит жизни людей, выгоняет из дома.

Бомбежки продолжались. Уже не оставалось ни единого целого дома на улице. В подвалах тоже стало находиться небезопасно. Страх рос. И мы, как и многие жители Путиловки, бросив все, переехали в отдаленный район, куда еще не успела дойти война.

Так у меня появился новый адрес: Донецк, Ленинский район, садоводческий кооператив «Звезда».

Там и познакомилась я с Трандиной Зинаидой Самуиловной, бабушкой Зиной. Скромная, отзывчивая, приветливая, седовласая, похожая на добрую волшебницу из сказок, бабушка Зина была нашей соседкой по даче. Мы с ребятами, а нас было семеро, любили забегать во двор к бабушке Зине, чтобы послушать ее песни и рассказы. Она очень радовалась этому, обязательно поила чаем, угощала фруктами. Вечерами, когда было тихо, мы любили слушать ее сказки и песни. Она очень красиво пела русские народные песни.

Как-то мы забежали к бабушке Зине, но застали ее задумчивой и невеселой. «Голубочки вы мои! Детушки военные! – как-то необычно тихо произнесла она. – Сколько же еще выпадет вам от этой проклятой войны?» И тут мы увидели на столе пожелтевшую от времени фотографию. На ней были мужчина с женщиной и пятеро детей. Двое старших детей стояли вокруг родителей, двое младших присели перед ними, а самого маленького ребенка мама держала на руках. «А кто это?» – не удержались мы. Бабушка задумалась, села на лавку, сложила руки на коленях. «Это моя семья, а это (бабушка указала на присевшую девочку) – это я». Мы стали вглядываться в снимок, но узнать в маленькой девочке нашу бабушку Зину не могли. «Расскажите, расскажите, как вы жили раньше?» – не унимались мы. И Зинаида Самуиловна начала свой рассказ.

«Жили мы в Ельненском районе в деревне Демщино Смоленской области. Жили не бедно, но и не богато. Нас у родителей было пятеро. Была корова, значит, дети были сыты. Но все разрушила окаянная война. Мне было тогда, так, как и тебе (обратилась она ко мне), 6 лет. А самой маленькой, Зоеньке, всего 6 месяцев.

Очень часто бомбили с воздуха самолеты. Папа ушел на фронт. Мама осталась с нами одна и все переживала за корову-кормилицу. Ее прятали в овраге, накрывали одеялами, ветками, чтобы осколками не поранило ее. Если убьют корову, семья может остаться без молока», – бабушка вздохнула и ненадолго замолчала. Потом посмотрела на нас, опять вздохнула и продолжала:

«Шли страшные бои. Нашей армии пришлось уйти из нашей деревни. Ближе к утру в деревню ворвались фашисты. Днем деревня была полна немцев. Ходили по избам: «Яйка! Млеко!», – потом начали стрелять кур... Было очень страшно. Потом фашисты выгнали людей из деревни. Мы поселились в окопах, в овраге, которые были неподалеку, а сами эти нелюди заняли наши дома. Питались мы тем, что на свой страх и риск собирали в лесу: грибы, орешки, ягоды, хворост. Немцы не разрешали местным ходить в лес, близко подходить к домам, в которых они расселились. Таких людей они считали партизанами. Трех односельчан они повесили на глазах у всей деревни. Помню, нас всех собрали днем и возле комендатуры, где раньше был сельсовет, повесили. Мама нас старалась прятать от фашистов. У этих зверей была забава: стреляли то под ноги, то над головой детей. И смеялись. Заставляли женщин и детей выходить на поле: проверяли, есть ли там мины. Маме там чуть не оторвало ногу...».

Бабушка опять замолчала. Мы испугались, что она больше не захочет рассказывать. Сидели тихо и боялись проронить хоть слово.

«Ночами становилось очень холодно, – продолжала рассказывать бабушка Зина, – и голодно. Младшая сестренка Зоя заболела, часто плакала. Немецким солдатам, которые заселились в наш дом, это не нравилось, и они, на плач ребенка, начинали стрелять по оврагу, где ютилась наша семья. Было очень страшно. Очень страшно было». Бабушка Зина заплакала.

«Опять пришла война, как же так! Опять я слышу разрывы бомб! Как жалко и обидно, что гибнут люди, дети!» – повторяя, крестила нас бабушка Зина.

Вспомнила она, как фашисты хотели с ее семьей расправиться.

«Дело было зимой. Ночью приполз из леса к нам в землянку партизан-односельчанин и предупредил, что Красная армия будет наступать. Надо уходить. Семья тихо собралась и ушла в лес к партизанам. Шел густой снег. Идти было очень трудно, но снег заметал наши следы. Так и спаслись. Вернулись к себе в деревню, когда Красная армия освободила деревню. Все радовались. Но от увиденного потекли слезы. Овраг, в котором мы ютились в землянке, фашисты закидали гранатами и сожгли дом с сараем, когда отступали... Что было бы, если бы семья не ушла в лес к партизанам? Не было бы меня и нашей семьи. Еще долго время снились страшные сны, вздрагивали братья и сестры от громких стуков и звуков, падали на землю и закрывали руками голову, когда пролетели самолеты».

Бабушка Зина обвела нас своими добрыми глазами. «Что притихли, воробышки? А теперь чай с баранками!» Впервые мы за столом у нашей бабушки сидели молча, каждый думал о тех трудных и, казалось бы, далеких годах Великой Отечественной. Но мы, как никто, понимали, что и в то время, и сейчас во всех бедах виновата, как сказала бабушка Зина, «окаянная война».

Через время мы все разъехались по новым домам. Но каждый из сидевших за столом у бабушки Зины (я уверена!) не забыл ее рассказ. Память нельзя убить. Пока мы помним, мы не допустим возвращения жестокости, издевательства над самым ценным, что есть у человека, – жизнью.

*Тихомирова Ольга Алексеевна
Иркутская область*

**Музей «Ангарская деревня» под открытым небом –
мечта Леонова О.М.**

4 ноября исполнилось 44 года со дня смерти человека, который стоял у истоков архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня» и возглавлял в Братске Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Речь идет об Октябре Леонове, который был краеведом, журналистом, путешественником, археологом, историком.

Судьба отмерила ему 55 лет, из них последние 10 были тем «мигом», ради которого он жил.

Родился он 4 ноября 1924 года в селе Салтыковка Балашихинского района Московской области, в семье красного командира.

В 1941-м пошел в военкомат проситься на фронт. 16-летнего парнишку, едва успевшего окончить 9 классов, взяли механиком в летный полк, где он прослужил до 1945 года. Со своим полком дважды побывал под бомбежкой, дошел с ним до Венгрии и Австрии, был комсоргом полка, но ветераном войны себя никогда не считал, объясняя свою позицию так: «Я же в боях не участвовал...».

Человек талантливый, бескомпромиссный, не любящий казенщины и чиновничества, вызывал неоднозначную реакцию. В высшей партийной школе ЦК ему не дали защититься, изгнав из рядов, истфак университета он сам бросил, поняв, что ничему новому его не научат... Дело невиданное – после войны, Леонов, служивший механиком авиаполка, отказался от удостоверения участника войны: «Ну, не воевал я...»

В Братск он приехал в 1967 году в качестве журналиста, и многие старожилы, наверное, помнят бородатого ведущего «Сельского часа».

С 1970 года он – организатор и первый ответственный секретарь Братского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Почти 10 лет он оставался на этой должности и заложил прочный фундамент научного и общественного краеведения в городе Братске.

Октябрь Михайловича настигла поздняя, но роковая страсть – история. И вот эта страсть привела его на Ангару, перед самым затоплением Усть-Илимского водохранилища.

Он понимал, что рожден для чего-то большего, и решил, что Ангарская деревня – это последняя возможность оставить свой след на земле.

Он знал, что ему придется тяжело: надо было сделать хотя бы первые шаги – найти место, утвердить эту идею и забить первый кол, сделать грамотный проект, пробить все инстанции, от которых зависит благополучный исход дела...

С этой задачей он блестяще справился.

Сколько же подножек ему ставили! Порой создавалось впечатление, что Ангарская деревня не нужна никому, кроме как Леонову и кучке его сподвижников.

И вот, наконец, была подготовлена база строительства этнографического музея под открытым небом «Ангарская деревня».

Леонов организует экспедиции по выявлению этнографического материала, нужно было объездить десятки деревень, выбрать нужные экспонаты, разобрать дома, надворные постройки, промаркировать каждое бревно, свезти их в одно место, организовать транспорт.

Одновременно он занимается поиском наскальных рисунков, стоянок древнего человека. Он открыл неизвестную науке галерею произведений древних художников на правом берегу Ангары в районе Дубынинского порога. Более 100 рисунков различных эпох!

За месяц до смерти, полупарализованный, он добился в Москве постановления правительства о создании этнографического музея «Ангарская деревня» – главного дела своей жизни.

В 1980 году строительство музея народного деревянного зодчества произведено уже было без него.

Музей был сдан госкомиссии с оценкой «хорошо», «деревня» стала любимым местом отдыха братчан.

Труфанова Наталья Владимировна
Свердловская область

Молодой, деревенский, рядовой

Все дальше от нас дни Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., все меньше остается людей, отдавших свои силы и жизнь для Победы. Неумолимо уходят очевидцы самой страшной войны XX века, уходят те, благодаря кому до сих пор живет Россия.

Они отправлялись на фронт молодыми, полными сил и надежд, они собирались жить несмотря ни на что. Они оставляли любимых и родных, уверяя, что возвратятся с победой, обманывали смерть, чувствуя ее неумолимое дыхание, получали ранения и контузии, находили на полях сражений и любовь, и осколки снарядов. Они делали все, возможное и невозможное, чтобы победить фашизм.

В будничной суете мы редко вспоминаем наших ветеранов и упускаем возможность поговорить с ними, расспросить, услышать от них что-то новое, важное для нас. И, может быть, понять, что такое особенное есть в характере русского человека, не позволяющее его ни победить, ни сломить.

В 2010 году я, как заведующая архивным отделом администрации Пышминского городского округа, задалась целью пополнить архивную коллекцию «Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны». Ведь в архивном отделе на тот момент хранились воспоминания лишь трех ветеранов, только трех из нескольких тысяч моих земляков, прошедших войну. Два десятка адресов, телефонов и фамилий оставшихся в живых – все, что было у меня, и было осознание, что время работает против. Ветераны, люди преклонного возраста, болели, теряли память. Каждый раз, отправляясь к ним, я беспокоилась: как себя чувствует сегодня человек, с которым я вчера договорилась о встрече, готов ли он к разговору...

Павел Константинович Устинов отличался от многих великолепной памятью. Удивительно было и его восприятие жизни: о самых страшных событиях говорил он спокойно, почти буднично, так, как говорят молодые, не сравниваясь с «нынешним племенем» и не жалуясь на судьбу. Рассказ его насыщен конкретными датами, позволяющими четко обрисовать всю картину событий, а сами воспоминания записаны с сохранением стиля разговорной речи.

«Родился я в селе Трифоново Пышминского района Свердловской области 01 марта 1922 года в большой семье. Детей было пятеро. С восьми лет начал работать с родителями, пахал, боронил, жал, все умел делать...

В 1941 году мне пошел 19-й год. В то время я уже был бригадиром полеводческой бригады. Должны были забрать в армию. 22 июня был районный праздник "Борозда", я собирался на праздник, да припозднился немного, лошадь запряг, а мне уже говорят: "Куды ты, куды, война началась, война!" А у меня еще картошка не посажена. Ну, думаю, не успею. Торопился, помню, здорово, но все дела доделал.

15 октября 1941 года забрали меня в армию. Путь-то длинный был, по железной дороге. До Свердловска довели, пересадили – и в Пермь. В Пермь привезли, там разделили на две команды: десантники и пехота. Я был комсомольцем, и меня взяли в десантные войска. Мы с еще одним парнишкой из Трифоново вместе в десантники и попали.

В Перми мы доехали до станции Аслеш Кировской области (сейчас это Вятка). Нас был целый эшелон. Команда: "Вылезай!", а дождь хлещет, темно. Ну, команда есть команда. "Строиться в колонну!" Построились и пошли. У каждого мешок, там и хлеб, там и курево, все намокло. Дошли до какого-то села, там остановились. Кто шел впереди, ждал остальных, пока вся колонна не подошла. Потом стали распределять по домам. По пять человек в избушку. Зашли – теснота, темень, с нас течет, все мокрые с дождя. А в избушке худо жили, ничего нет, что постелить, чем накрыться. Фуфайку мокрую под себя, под голову, мокрым и накрылись. Утром встали – все сырое. Сели завтракать, а там дети малые смотрят, видно, что голодные, пришлось все из рюкзаков вытаскивать, у кого что было, и ребятишки с нами поели. Три дня там и прожили. Через три дня вывели нас, построили: "Вы переходите на армейское питание. 480 гр. сухарей, картошки сырой 700 гр."

Прошла еще пара дней, снова строиться. Куда идем, никто не говорит. Пришли в какой-то лес, а рядом кладбище. Давайте, говорят, рубите ветки, делайте шалаш. Сделали шалаш, но ветки есть ветки, а не солома. Стало холодно. А раз холодно – надо дров. Парни пошли на кладбище, выворотили кресты – и в огонь. Вот тебе и костер.

Пожили в шалашах несколько дней – подъем, лопаты в руки, оборудовать землянки. Хорошо, мы из деревни, а городские и не знают, как лопату держать. У них землянки все и завалились. А наша землянка хорошо стояла (*улыбается*). Сделали мы землянки: нары с двух сторон, в два яруса, каменки по углам. Я был на втором ярусе, там потеплее. Как в землянке надышали – так сразу с потолка: кап! кап! – конденсат. Утром, еще темно, строились и 2 километра пешком шли умываться на речку. Шинель замерзла, не гнется, в реке лед долбили, чтоб умыться. До того дошло, что друг друга узнавать перестали, все в копоти, в саже. Гимнастерок – и тех не было. Но молодых ничего не брало, почему-то не болели. Ни воспаления легких, ничего. Только есть все время хотелось, привыкли уже есть без нормы, а тут паек.

Потом как-то нам велели построиться, взять вещмешки – и на фронт. А мы уже ждали, скорее бы на фронт. Погнали нас на станцию, посадили в

вагоны. Доехали, вылезли. Станция Ногинск, Московская область. Построили нас опять же ночью, чтоб немец не видел, шпионы всякие же были. Пошли – стой! – встали. Вот рота – вам казарма. Зашли в казарму, а там окна выломаны, сквозняк гуляет туда-сюда. В казарме две печки, дров надо, а где взять? Дождались утра, вышли в город (Электросталь назывался) – где доску оторвали, где что нашли, натопили печи. Теплынь! Согрелись и уснули сразу.

Со временем мы в казармах все утеплили, все отстроили. Нас одели, дали нам куртки теплые, брюки ватные, валенки. Тогда-то мы почувствовали радость, словно в царство попали после каторги. По четыре прыжка с парашютом сделали. Пробыли мы там до 5 августа 1942 года. Утром подняли нас – и на стадион. Комбриг выступил: "Товарищи десантники! Вы сейчас уже не десантники, а стрелки. Вы сейчас – 40-я гвардейская стрелковая дивизия". 6-го числа команда, нас – вначале в лес, потом – грузиться в вагоны. Настроение уже не бодрое было: поняли, что на передовую.

15 августа 1942 года приехали мы ночью, выгрузились, пошли. Привал, как лег, так уснул. Пришли к Дону, переправа через Дон тоже ночью. Утром построились и пошли. Тут самолеты налетели. "Воздух! Воздух!" А скрыться негде, только поле бахчевое. Рассыпались мы в бахчу среди арбузов. Кругом арбузы огромные. Надо бы лежать да прятаться, а мы ножами арбузы вспарываем да едим. Вот дурные какие, так ведь молодость есть молодость! *(смеется)*.

Я тогда был минометчиком. В поле кукуруза метра 2-3. Вот нам велят выкопать окоп в полный профиль. Только сделали – команда отбой. Пришли в другое место, посадили нас в овраг: "Чтоб к утру окопы были в полный профиль". Матушки мои, опять копать! Ну, сделали, выкопали. А бой начался во второй половине дня. Немец наступает. В роте было десять минометов. Только и кричат: "Огонь! Огонь!" Командный состав где-то на наблюдательном пункте. Стволы уже горячие, мину спустишь, а она только метров на 50 отлетает. Наши бегут, смотришь – вон офицер весь в крови, тут убило, там убило. Поджилки затряслись. Стали мы отступать. Обходим убитых, у кого кусок хлеба возьмешь, у кого сухарь. Утром офицеры собрали нас, пересчитали, минометчиков, пэпээровцев. Вот с этого времени и началось...

В батальоне из 500-800 человек осталось 25. За четыре дня всех ухлопали. Кто нас тренировал, кто учил? Ничего не умели. Трупы не успевали убирать, они разложились. Зовут нас на ужин – какой там ужин! Нас мутит. Кухня приходит, спрашивает: "Сколько человек? Давайте котелки". А уж опять половины нет. Повар навалит кучу мяса, наешься – потом скрутит, понос.

18 декабря 1942 года в районе станция Обливская меня ранило в руку. Пришел в госпиталь. Там говорят: "Ты что, шахтер, что ли?" Грязный, черный, вшей-то было – хоть лопатой греби. Подлечился, попал не в свою часть, в другую часть, в стрелковую роту. Там та же история. Шли с боями, как останется 25 человек – пополнение присылают. Сегодня придут 50 новеньких, завтра опять нету. Опять присылают пополнение.

Я дошел до Днепра. Шли – не знали, куда, как; говорят: иди, не спрашивай, военная тайна, подчиняйся приказу. Оружие есть? Есть.

Боеприпасы есть? Есть. Гранаты есть? Есть. Вот и иди. Сказано идти – иди, сказано стрелять – стреляй.

Во второй раз меня ранило в голову, контузило. Контузия эта и сейчас дает о себе знать.

Третье ранение было в Молдавии, когда шли по направлению к Кишиневу. В Тирасполе ранило в бедро, там и сейчас пуля сидит. Только рана затянулась немножко – ушел обратно на фронт.

Потом нас отвели на свою территорию. Была команда, погрузили в эшелоны и отправили в Польшу. У реки Вислы постояли мы, и 12 января 1945 года пошли в наступление. Как солнце поднялось, началась артподготовка, два с половиной часа. Гул, смрад, ничего не поймешь. Минометы бьют, дальние орудия бьют. На один квадратный километр 800 с лишним стволов. Все перевернули, куча земли и обломков осталась.

И дошел я до города Глагау, река Одер. Там меня опять ранило, снова в ногу, пробило голень. Меня отправили в госпиталь, а после лечения – в стрелковую часть. Пока лечился, наши наступали. С этой стрелковой частью хотели попасть в Берлин, но нас не пустили. Пошли пешком до Праги.

В Праге победа нас и застала. У меня был друг Алиев. Мы оба ранены с ним были, шли в Прагу на костылях – сколько могли, столько и шли. Вот как-то утром Алиев кричит: "Устинов, вставай!". Я проснулся, слышу: матерки, выстрелы, крики, гром. Ну, думаю, капнут нашему брату, куда мы на костылях. А Алиев кричит: "Устинов, победа!" Это уж и не передать словами, что тогда почувствовал.

Из Праги нас перевели в лагерь, там построились – и в Австрию. Идти было далеко, 600-700 километров, шли долго, больше полмесяца.

Из Австрии меня демобилизовали в ноябре 1946 года. Пришел я домой, в село Трифоново. Начал работать, там встретил будущую жену, Александру Петровну Загудаеву, ей тогда было 18 лет, а мне 25 было. Прожили мы вместе душа в душу 60 лет, родили двоих сыновей. Сейчас растут 4 внучки, 3 внука и правнучка. Сейчас я один, но ты не смотри, что старый. Я еще сам много чего могу – и снег огрести, и поесть стготовлю. Я ж деревенский, а деревенские, знаешь, какие крепкие!

Много я наград получил: ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали "Ветеран 40 гвардейской стрелковой дивизии", "За взятие Берлина", "Имени Жукова", "Победа в Сталинградской битве", "За освобождение Праги", "60 лет вооруженных сил СССР", "За победу над Германией", "За оборону Сталинграда", "За отвагу". Так вон они в шкафу на пинджеке висят, видишь? Редко выхожу так, да и зачем. А вот все же приятно, память...»

Эти воспоминания были записаны 12 лет назад, 12 марта 2010 года, когда Павлу Константиновичу было 88 лет. Пожил он еще, отметил девяностолетний юбилей, получил квартиру в новом доме для ветеранов. С той встречи остались в архивном отделе воспоминания Павла Константиновича, занявшие четыре печатных листа, и фотография. На ней – молодой, сильный на вид парень в военной форме младшего лейтенанта. Браво и радостно смотрит он вперед, слегка улыбаясь. На обороте написано: «Прага, 1945». А это значит, видит

солдат впереди долгую мирную жизнь, видит счастливое будущее своей страны, ради которого не жалел он собственной жизни.

*Ургэн Баясал Чингисовна
Рук. – Лаптева Марина Михайловна
Забайкальский край*

Время прощать

Наша семья – большая и многонациональная, она объединила людей разных наций: монголов, бурят, русских. Меня зовут Баясал. Я родилась на Родине моей мамы – в Монголии, но являюсь гражданкой России и живу в Забайкальском крае, который стал для меня вторым домом. Я очень люблю и Монголию, и Россию, потому что это две Родины моих предков, чьи судьбы мне интересны. «Надо знать историю своего рода, чтобы дальше передавать ее своим детям, извлекая полезные жизненные уроки», – так говорила Энхтуя, моя бабушка-монголка. Она рассказывает нам простые житейские истории, немного грустные, немного веселые, о прошлом наших предков, о их самоотверженном труде в тяжелое военное время. Одну такую историю я услышала от бабушки совсем недавно, это рассказ о моих прапрадедах, которые конфликтовали между собой из-за разного социального положения, жизненных разногласий и никак не могли предположить, что война заставит их изменить отношение друг к другу.

– Намсрай, отец твоего прадеда Бат-Очира, – начала рассказ бабушка Энхтуя, – до войны разводил редкие монгольские породы лошадей-скакунов. Уяч – так называли тогда тех, кто готовил лошадей к скачкам. Это занятие считалось престижным, доходным, поэтому семья Намсрай жила в достатке: было что поесть, что надеть.

Помолчав, будто собираясь с мыслями, бабушка продолжала рассказ:

– В 30-е годы жизнь изменилась, началось страшное время, когда у живущих в достатке людей стали конфисковывать нажитое. Среди тех, кто отбирает имущество, оказался Лувсанжам – будущий отец твоей прабабушки Должин.

– Как же так, бабушка! Неужели Лувсанжам не знал, что Намсрай зарабатывал своим трудом, занимался важным делом, разводя лошадей? – не выдержала я.

– Всем тогда было нелегко, – вздохнув, ответила бабушка Энхтуя. – Обида переросла в ненависть, терзала души людей. Лувсанжам считал, что поступает правильно. Как тут рассудишь?.. Многие тогда уехали из Монголии. Намсрай, схоронив жену, тоже собирался с маленьким сыном Бат-Очиром уехать, но пришла новая беда: началась война с фашистской Германией. Одним из первых откликнулся Намсрай на призыв: «Все для фронта, все для победы». Около трех тысяч скакунов монгольской породы передал он на фронт, не оставив себе ни одного, вернувшись домой пешим. Этот поступок подтвержден документально. Монгольские лошади отличались от других пород: низкорослые, более выносливые, они могли подолгу обходиться без корма. Монгольский народ не

остался в стороне, помогал, чем мог. На фронт отправляли продовольствие, лошадей, теплую одежду. Таких, как Намсрай, было немало.

Слушая рассказ бабушки Энхтуя, я подумала: может быть, вместе с солдатами, дошедшими с победными боями до Берлина, была хоть одна лошадь из табуна любимых скакунов моего прапрадедушки Намсрая. Мне очень хочется в это верить! Я поделилась этим с бабушкой, на что она улыбнулась, качнула головой, словно согласилась со мной.

– Может быть, она тоже хочет в это верить? – подумала я.

– Намсрай так и не простил Лувсанжама?

– Лувсанжам ушел на фронт. Он воевал на Халхин-Голе, был представлен к награде, но отказался, посчитал, что принять ее одному будет неправильным. Это достойный поступок. Война меняет людей, вернувшись домой, он жил простой жизнью, терзался виной от поступков прошлого, искренне раскаиваясь. Военное время заставило измениться и Намсрая. Научило его прощать, быть терпимее к людям. Некогда враждующие семьи помирились, в них росли дети: мальчик Бат-Очир и девочка Должин. Нужно было поднимать хозяйство, растить детей. Только объединившись, можно было быстро наладить жизнь. Это понимали Намсрай и Лувсанжам. Шло время, их дети повзрослели, сыграли свадьбу. Вскоре и у них родились дети, появилась я, но это уже другая история.

Бабушка замолчала, улыбка тронула ее лицо, а по морщинистой щеке потекла слеза. Теплые воспоминания разбередили ее душу.

– Если бы тогда Намсрай и Лувсанжам не помирились, не было бы и свадьбы Бат-Очира и Должин. Не было бы и нас, бабушка!

– В жизни очень важно уметь прощать, – ответила она, – но сделать это нелегко, не каждый может перебороть обиду, выбросить ее из сердца.

– А еще важно первым протянуть руку, попросить прощения, как это сделал Лувсанжам, – добавила я.

– Все ты понимаешь, девочка. Ты станешь добрым человеком, достойным продолжателем нашего рода, я в этом уверена.

Этот очередной жизненный урок, данный бабушкой, стал очень важным для меня. Пусть мои предки, Намсрай и Лувсанжам, не совершили больших подвигов, но то, что каждый из них делал в годы войны, заслуживает, чтобы о них помнили их дети и внуки.

*Фадеева Ирина Алексеевна
Кемеровская область*

История героев моей семьи – братьев Дворецких

Моему отцу, Дворецкому Алексею Артемьевичу, повезло больше, чем его братьям: он родился в 1935 году, незадолго до страшной даты в июне 1941. А вот его старшим братьям Николаю, Сергею, Павлу и Ивану выпало на долю идти воевать с фашистами. Многодетная семья жила в крохотной сибирской деревушке с простым и ласковым названием Татьянавка сурового Красноярского края. О своих родных дядьках я что-то слышала в детстве, но

конкретно ничего не знала об их горькой судьбе. В 2012 году журналисты-сибиряки из Томска организовали так называемый Бессмертный полк как дань вечной памяти нашим родным. В этой акции стали участвовать тысячи людей не только из России, но из других стран мира тоже. А я, уже будучи взрослым и образованным человеком, учителем с многолетним стажем, продолжала из года в год на 9 мая ходить со своими учениками на праздничные парады, учить стихи, петь военные песни, ставить спектакли о чужих героях... не о своих... и не предпринимать никаких, даже малейших, попыток узнать что-либо о судьбах воевавших родных мне людей. Весной 2022 года во время выступления в нашей школе 90-летнего старенького ветерана, призывавшего слабым голосом не забывать о героях войны, я почувствовала жгучий стыд за свое равнодушие, бездействие и поняла, что не имею морального права предавать забвению этих людей. Что Николай, Сергей, Павел и Иван Дворецкие тоже должны идти победным строем в любые времена со мной и с моими детьми! Что никогда не должна порваться нить между нашими поколениями! И я с большим воодушевлением и непростительным чувством вины взялась за дело!

Николаю, самому старшему в семье, в сорок первом исполнилось 33 года. Он уже был женат, и у него рос восьмилетний сынок Андрейка. Тридцатилетний Сергей был колхозным активистом, членом КПСС, когда его призвали на войну. Ушел, покинув любимую скромницу-жену Марфу с двумя малолетними сынишками. Вскоре пришла повестка и Павлу, тоже отцу двух дочерей. Уходили сибиряки одновременно целыми деревнями. Немыслимое и неожиданное горе черной тучей в одночасье накрыло Татьяновку, задохнувшуюся от слез и боли! Все понимали, куда провожали своих мужиков... Через неделю ушел и младший брат, Ванюшка, как ласково его называла моя баба Поля. Незадолго до начала войны в 1940 году простой деревенский паренек, на которого заглядывались все девчата из окрестных деревень, окончил курсы военной подготовки в городе Томске и получил звание лейтенанта. Вслед за братьями жарким июньским утром под отчаянное стрекотанье кузнечиков, доносившееся с ромашковых полей, пришлось Ивану навсегда покинуть свои родные места.

Страшными взрывами и пожарами запылало лето 1943 года. Курская дуга. Знаменитое сражение. Семнадцатая гвардейская дивизия, в которой воевал Иван, в то лето двигалась навстречу врагу. В короткие промежутки между боями политруки давали рекомендации в комсомол молодым неопытным бойцам. Таким парторгом 3-го дивизиона артиллерийского полка и оказался Иван Дворецкий, двадцатитрехлетний молоденький офицер в звании старшего лейтенанта. Об этом дивизионе я нашла сведения в книге красноярского издательства «От Енисея до Эльбы», где даже была напечатана фотография нашего Ивана. Местность, по которой продвигалась дивизия, была заболоченная, труднопроходимая. Только и слышалось чавканье грязи под сапогами вперемешку с крепким русским словцом, которое чередовалось с командой «Взяли!», когда солдаты на руках вытаскивали застрявшие орудия и машины. В результате этой операции советские войска захватили важнейшие плацдармы на правом берегу реки. Борьба за их удержание сопровождалась

тяжелейшими потерями. По официальным данным, потери составили 581 000 человек. Ужасающая цифра за два с половиной месяца! В их число вошли и раненные бойцы, и заболевшие воспалением легких во время строительства моста для форсирования и сто семьдесят три тысячи человек погибших и пропавших без вести. Сколько горя, мучений, крови, страданий за этими цифрами! Каждый день как год. И каждый год как век... Это было на самом деле – немые курганы из солдатских исковерканных тел с застывшим навсегда молчаливым укором на лицах, множество братских могил и безымянных обелисков в березовых рощицах и лесах. Они – святыни нашей памяти. В том огромном водовороте смертей и сгинул Иван, не успевший получить никаких наград. И только через несколько лет его старенькой маме пришлют похоронку на младшего сына и назначат пенсию. Павел тоже пропал без вести в самом начале войны. Ему было всего 25 лет! До сих пор мы ничего о нем не знаем. Ни малейшей зацепки, ни одного факта. Зато о Сергее Дворецком, который воевал на Днестре в звании сержанта, сохранилась запись в Книге памяти красноярского издательства: «умер от ран в плену в октябре 1941». А в списке № 1487 безвозвратных потерь Красной армии Сергей числился как «погибший 18.08.41» И ни слова о месте захоронения, никакой похоронки матери!..

Как видим, данные противоречивы, но суть остается одна: эти мужчины, мои прямые родственники по линии отца, были честными и бесстрашными солдатами, достойными защитниками своей родной земли, которые оказались в неимоверно жестоких условиях войны на разных фронтах. Но один вопрос, готовый вот-вот вырваться наружу душераздирающим криком, так и звучит тяжелым набатом в моем сердце: а можно ли было избежать в годы войны такого количества без вести пропавших? И можно ли сегодня считать всех без вести пропавших погибшими? Как же так случилось, что уходили из родных мест люди с именами и фамилиями, а потом, оказавшись на фронте, имена их вдруг исчезали без следа, будто и не было вовсе заботливых отцов, ласковых мужей, дерзких парней, любящих сыновей, трудолюбивых крестьян, будто они вовсе и не жили на белом свете?!..

Да... Отступление наших войск – огромная трагедия первых месяцев войны. Все ли донесения о потерях попадали в тыл? По воспоминаниям дяди Николая мой отец рассказывал, что при отступлении вся дивизионная документация исчезала, а в случае окружения, чтобы документы не достались врагу, их либо закапывали, либо сжигали. И как результат – тысячи без вести пропавших! И снова вопрос: а многое ли могли восстановить вырвавшиеся из окружения или взятые в полуживом состоянии в плен люди?

Еще мне стало известно, что из пятидесяти восьми татьяновских мужиков в 1945 только двенадцать вернулись с войны в родную деревню...

Удивительная и вместе с тем трагичная история произошла с Николаем Дворецким, с Миколой, старшим братом отца. Он, единственный из четырех братьев оставшийся в живых и выстрадавший все ужасы трехлетнего немецкого плена... При неудачной попытке наших войск отбить в 1942 году Киев в одном из неравных боев Николай очнулся от контузии, когда фашист срывал с его гимнастерки «значки» (а это были его боевые награды). В немецком лагере его,

как крепкого мужика, определили на тяжелые работы – в шахты Рурского угольного бассейна Германии. Кроме русских военнопленных, а их содержали хуже всех, там работали и бельгийцы, и поляки. Поляки, как вспоминал Николай, ненавидели русских, а бельгийцы украдкой подкармливали его – иначе он бы свалился от истощения... Вот так и выжил Микола. Такая ему была уготована судьба: сначала война, потом долгие три года нечеловеческой жизни в чужой ненавистной стране. Потом появился страх и сознание того, что ты не по своей воле, не для собственной выгоды, не предавая и не клеветая на своих командиров, сразу вдруг оказался изменником Родины, человеком, которому на родной земле не будет ни малейшей пощады, которого все и всегда будут презирать, как предателя...

После освобождения в 1945 году союзники-американцы предложили русским выехать в Америку или в Канаду на постоянное место жительства, так как в России их ожидала жестокая расправа. Многие пленные согласились уехать в чужую страну, но Николай сказал: «Што будя, то и будя... паеду домой». И тут ему улыбнулась судьба: на пересыльном пункте какой-то писарь пожалел измученного солдата. Зная, что тот попадет в своей же стране сразу в лагерь или на виселицу, он не записал соответствующую отметку в его документ, предупредив никому не рассказывать, что был в плену. Так все и обошлось. С этой тайной Николай прожил более двадцати лет в шахтерском городке Прокопьевске Кемеровской области. Конечно, перед празднованием Дня Победы не обходилось и без злых языков: «А почему, Артемыч, тебя никогда не отмечают, как ветерана? Уж не дезертиром ли ты был?» С какой болью в сердце переживал этот человек подобные слова, можно только догадываться! Только в 70-е годы, когда открылись военные архивы, ему, наравне с другими фронтовиками, вручили тот самый орден Отечественной войны и медали. Начали приглашать на ветеранские торжества. В альбоме моих родителей до сих пор хранится фотография 1975 года, на которой изображены два брата: самый младший – мой отец, шахтер Алексей Артемьевич и самый старший – Николай Артемьевич, ветеран войны, на груди которого засияли заслуженные награды, нашедшие своего героя!..

Давно уже нет в живых братьев Дворецких...

...Приближается Великий День Победы. Я со своим сыном Михаилом и дочерью Анастасией с огромной радостью и гордостью впервые пополним ряды Бессмертного полка в городе Кемерово. Мы пронесем под праздничный марш портреты наших героев. И теперь каждый год через дожди и снега со старых пожелтевших фотографий на нас будут смотреть и улыбаться отважные и мужественные братья из одной сибирской крестьянской семьи – Николай, Сергей, Павел и Иван Дворецкие – достойные герои великой страны, одолевшей фашизм!

*Филатов Александр Геннадиевич
Рук. – Королева Людмила Николаевна
Луганская Народная Республика*

Орнитолог Сергей Григорьевич Панченко

Сергей Григорьевич Панченко родился 29 июня 1928 г. в Алтайском крае – селе Александровка Алейского района. Семья жила крестьянскими заботами. Жили небогато, но достаток был. Насильственная коллективизация, проводившаяся в 1930-е гг., вынудила семью переехать в Казахстан. Школьные годы (1936 – 1943 гг.) проходили в тревожное и голодное время. Невозможно было достать самого необходимого – спичек, соли, керосина, одежды. В 1941 г. его отца забрали на фронт. Мать чудом сохранила всех четверых детей.

В 1943 г., по окончании семи классов, Сергей поступает в Талгарский сельскохозяйственный техникум на отделение пчеловодства. Получив аттестат и работая на опытной станции при институте животноводства, будущий ученый решил продолжить свое образование в Казахском государственном университете.

После успешного окончания университета в 1951 г. молодой зоолог был направлен в аспирантуру, которую проходил в институте зоологии под руководством выдающегося орнитолога И.А. Долгушина. Экспедиции охватывали территорию радиусом около 200 км. Благодаря безлюдности территорий на озерах, кишачих рыбой, была масса птиц.

«Проводя учеты перелетных птиц, я только одних гусей насчитывал за утро до пяти тысяч штук. Пяти-семи килограммовые сазаны плавали у поверхности воды. Плавая на лодке, мы стреляли этих сазанов из ружья, на корм собакам», – пишет в своих воспоминаниях Сергей Григорьевич.

В 1956 г., после подачи документов на конкурс в Семипалатинский педагогический институт, Сергея Григорьевича избирают на должность доцента, а вскоре и заведующего кафедрой зоологии. Так началась его педагогическая деятельность.

Все бы хорошо, да в то время в Семипалатинске проводились ядерные испытания и, спасая свою семью от радиации, Сергей Григорьевич с болью в душе покидает этот богатый природой край.

В июле 1963 г. С.Г.Панченко избран по конкурсу на должность доцента, а затем и заведующего кафедрой зоологии педагогического института в г. Луганск.

Уделяя огромное значение охране природы, Сергей Григорьевич разработал и читал спецкурсы: «Животный мир Донбасса», основанный на материалах двенадцатилетних исследований животного мира Луганской области; «Влияние деятельности человека на динамику фауны юго-востока Украины»; «Редкие и исчезающие виды птиц Ворошиловградской области, пути их сохранения и воспроизводства». Активно участвовал в организации филиалов Луганского природного заповедника: «Придонцовская пойма» (Станично-Луганское отделение, 1968 г.) и «Провальская степь». В течение трех лет Сергей Григорьевич изучал фауну Провалья и внес большой вклад в создание третьего филиала Луганского заповедника «Провальская степь», который был создан в 1975 г. Руководил работой по акклиматизации птиц, изучал сезонные миграции, динамику численности. Много внимания уделял кольцеванию птиц, дававшему чрезвычайно интересные результаты,

отображенные в работах по миграциям. Будучи великолепным таксидермистом, организовал для студентов спецпрактикум по изготовлению зоологических наглядных пособий.

Сергей Григорьевич страстно любил природу, как полевой зоолог был тонким наблюдателем и превосходным натуралистом, прекрасным фотографом, который тонко подмечал неповторимые моменты из жизни птиц.

Душой и гордостью ученого была экспозиция зоологического музея института. Небольшая зоологическая коллекция была собрана на кафедре зоологии еще до прихода Сергея Григорьевича. Экспонаты хранились в двух учебных комнатах. Окончательное создание и оформление музея Зоологии института было осуществлено под его руководством и пристальным вниманием. Сергей Григорьевич вложил много личных сил в организацию создания музея, – практически он является его автором.

С 1972 года коллекция экспонатов переезжает в новый корпус. Начинается новый этап в развитии музея. Существенно пополняются экспозиции, заказываются и устанавливаются новые витрины. Создается фотогалерея, в которой используются фотографии, сделанные Сергеем Григорьевичем.

Из воспоминаний Сергея Григорьевича: «Перед созданием экспозиций зоомузея я съездил в Москву – зоологический музей МГУ, в Киевский музей Института зоологии. Там сделал чертежи шкафов, сфотографировал экспозиции зоовитрин... По привезенным чертежам впоследствии были заказаны шкафы-витрины. Два года напряженной работы потребовалось, чтобы с помощью коллектива кафедры оформить экспозиции зоовитрин. В 68 шкафах-зоовитринах, расположенных в 4 помещениях, разместились накопленные коллекции по всем систематическим группам животного мира. В 1974 г. музей был создан. К 1975 году было изготовлено более 2000 экспонатов: рыб – более 130 видов, земноводных – 24, пресмыкающихся – 45, птиц – 302, млекопитающих – 95 видов. Около 1200 экспонатов насчитывается среди беспозвоночных». Музей существует и сейчас.

Зоологический музей Луганского педагогического института известен и за рубежом. Он вошел в справочник «Музеи природы мира».

И закончить хочется словами И.А. Долгушина – учителя Сергея Григорьевича: «С птицами иметь дело без души невозможно, с орнитологией без любви никак. И орнитологи все влюблены в свою науку, в птиц, в природу, в мир, в солнце, в жизнь».

Сергей Григорьевич Панченко ушел от нас 20 марта 2011 г. Но человек жив до тех пор, пока живет память о нем.

*Чиктаева Любовь Михайловна
Саратовская область*

Краем поля

Краем поля, заросшего сорной травой,
 Уходила старуха, Иванова мать,
 Чтоб успеть до зари, досветла к богомолью,
 Чтоб за душу родную еще постоять.
 Сколько минуло лет – пусть другие считают,
 Зарастают поля, покосилась изба.
 Только слышно, как суки дворовые лают,
 И сползает на разум тяжелая мгла.
 Сколько раз по весне лед ломался на устье,
 Сколько раз облетал старый кряжистый вяз,
 Но старуха опять слезы горькие пустит,
 Как в тот день, из своих, уже выцветших, глаз.
 «Постою, постою, уже можно стоять-то!
 Пусть душе его будет спокойно в раю!»
 Тихо капает дождик июньский на платье,
 Он застыл, как Иван, у небес на краю.

Село

Старуха в умирающем селе
 Скребет клюкой по ветхому порогу.
 Заросшая репейником дорога
 Теряется в туманной полумгле.

Наличники обвисли, как усы
 Супруга, что схоронен в прошлом веке.
 Дать каждому гнезду – по человеку!
 Дать каждому – беленой полосы!

Дать дому звон ведра и запах дыма!
 Дороге дать следы копыт и шин...
 Мы сами эти кладбища вершим,
 Роняем в небыль быль непоправимо.

Колодец заколочен и забыт,
 Зарощен травами, и в нем гнездятся птицы.
 К нему навряд ли кто-то возвратится,
 Хотя он недочерпан, недопит.

Старуха щурится – ей принесли кефир
 И хлеб, который вряд ли пахнет хлебом.
 Она одна, между крыльцом и небом.
 Июньской степью дышит вечный мир.

Чукавин Николай Дмитриевич
Рук. – Терентьева Наталья Александровна
Удмуртская Республика

Мои прадедушки – герои войны

«Отечество – тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчетливо определить, но коего прикосновение к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывной пуповиной», – говорил русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин.

Вот уже почти 78 лет прошло с тех пор, как закончилась самая кровавая из всех бывших на земле войн. Советский народ победил в этой войне. Нелегкой ценой досталась эта победа. Воля, стойкость и любовь к Родине помогли выстоять советским воинам и тем, кто ковал победу в тылу врага. 9 мая мы отмечаем главный праздник – День Великой Победы. В этот светлый день вспоминаем всех тех, кто защитил нашу страну, отдал свои жизни в годы Великой Отечественной войны. В нашей семье защитниками родины были два моих прапрадеда – Абакшин Василий Павлович и Погудин Петр Дмитриевич.

Абакшин Василий Павлович – прапрадедушка со стороны мамы. С первых дней войны он защищал нашу землю от ненавистного врага. Было ему 36 лет. Долгое время его судьба была неизвестна. Он считался пропавшим без вести, лишь в прошлом году сестра бабушки случайно нашла о нем информацию на сайте «Память народа». Как выяснилось, прапрадедушка Василий служил рядовым, попал в плен в октябре 1941 года. Он находился в лагере Шталаг XI D (321). В январе 1942 года прапрадед умер в плену и был захоронен в п. Эрбке, Бад-Фаллингбостель, в Нижней Саксонии в Германии. 22 июня 1945 года на советском кладбище в Фаллингбостель – Эрбке был открыт мемориал умершим советским военнопленным.

Погудин Петр Димитриевич – прапрадедушка со стороны папы. До войны работал трактористом. Когда началась война, все мужчины были призваны на фронт, а женщины, по словам бабушки, стали выполнять мужскую работу. В семье Погудиных было пятеро детей. Федосья Моисеевна, жена прапрадеда, работала с утра до вечера, старшие дети смотрели за младшими. Был голод, поэтому в первую очередь старались накормить младших. Все пятеро выжили в это страшное время, а отца домой не дождалось... Прапрадед Петр, как и Василий Павлович, во время войны пропал без вести. Бабушка Таня, младшая дочь, надеялась и верила, что пройдет время, и родные узнают о пропавших мужьях, братьях, сыновьях. Когда был создан сайт «Подвиг народа», мама начала поиски. И нашла! Мы узнали, что Петр Дмитриевич воевал в звании рядового и подорвался на mine противника в феврале 1944 года. Был похоронен в Восточной Украине. Имя моего прапрадеда Погудина Петра Димитриевича навечно занесено в Книгу Памяти.

Мы, подрастающее поколение, гордимся нашими прапрадедами, отдавшими долг Родине. Очень жаль, что их могилы находятся не на родной земле, но память будет жить вечно.

*Шаевко Василиса Сергеевна
Рук. – Горшкова Наталья Владимировна
Калининградская область*

Забыть – значит предать

Тринадцать миллионов детских жизней

Сгорело в адском пламени войны...

Молчанов А.

Много лет прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война, как освободились угнетаемые народы и были наказаны самопровозглашенные «вершители судеб». Но даже через толщу лет до нас доходят отголоски этого страшного времени. Находят новые захоронения, останки павших воинов, изучаются давно забытые эпизоды. А вот сегодня я нашла старый дневник моей любимой прабабушки. Сейчас ее нет в живых, и она, к сожалению, не может мне рассказать о том времени лично. Но ее дневниковые записи – диалог с прошлым, в котором можно заметить, как судьба Отечества связана с судьбой его народа, и убедиться, что Виктор Мари Гюго, говоря, что «Рану, нанесенную Родине, каждый из нас ощущает в глубине своего сердца», был безусловно прав.

«Здравствуй, дорогой дневник!

Прости за столь долгое расставание. Этому виной не моя прихоть, а война. Наверное, лучше было бы, если бы я писала тебе каждый тот день, что пережила чудом за 4 года войны. Но получилось так, как получилось. Лучше я напишу обо всем тебе прямо сейчас, чем потом жалеть, что память ушла безвозвратно. Хотя я сомневаюсь, что такое можно забыть.

Обо всем по порядку.

Папа Тимофей ушел на фронт еще в июне 1941 года, а мама Анна, добрейшей души женщина, осталась на хозяйстве вместе с четверью детьми: шестнадцатилетней Валею, двенадцатилетним Веней, очень уж похожим на отца, восьмилетней Аней, или, как с любовью мы называли ее за непосредственность и доброту, Аннушкой, и двухлетней мной, я тогда только начала разговаривать.

В октябре 1941 года в деревню Морончино Псковской области, где жили мы, вероломно вторглись немцы. Был обычный мирный день, но до мамы донеслась весть о том, что пришли фашисты и забирают всех без разбора: и детей, и взрослых. Мама была в ужасе, страх охватил ее, сковал тело и лишил возможности говорить на некоторое время. Она не знала, что делать и как спасти нас. В растерянности мама решила, что нет другого выхода, кроме как верить, что мы когда-нибудь вернемся домой живыми и здоровыми. Она велела всем поцеловать угол дома на прощание, чтобы, несмотря ни на что, вернуться сюда. Как мне позже рассказывали, я, подойдя к углу, прижалась губами и стояла так дольше всех, не отрываясь, искренне поверив в примету. А мама, глядя на эту сцену прощания, не смогла себя сдерживать, и слезы полились из ее глаз. Ей в ту секунду показалось, что я не смогу вернуться домой, ведь я была очень маленькая, и шанс, что выживу на войне, тоже очень мал. Эта немая

сцена могла длиться вечно, но ее прервал шум резко открывающейся двери и голоса карателей.

Мама испугалась и встала перед нами, закрывая собой. Аннушка, пряча в подоле своей юбки, пыталась успокоить меня, чтобы я не так сильно плакала. Фашисты вошли и, без капли сожаления на лице, схватили маму за руку, оттащили ее в сторону и вывели из дома под наши безутешные крики. Потом нас так же схватили и насильно вытащили из дома, привели к машине. Но вдруг Валю, как самую старшую из нас, толкнули и увели в другом направлении. Все понимали, что если не послушаются, то могут пострадать, и приняли свою судьбу. Валю, как и всех ее ровесников, забрали трудиться на фабрике, она попала в немецкий город Эммендинген. А маму, как и большинство взрослых жителей деревни, немцы увезли очень далеко от родного дома, где заставляли копать противотанковые рвы.

Мы с Аннушкой и Веней были отправлены в концлагерь Саласпилс. В чужой стране, вдали от дома и родителей, мы не знали, что нас там ждет. Сейчас всему миру этот концлагерь известен как самый жуткий из фашистских концлагерей. За три года его существования здесь были убиты и замучены до смерти тысячи невинных. Это место было не просто лагерем, где держали детей, здесь выкачивали кровь из маленьких узников и передавали ее в немецкие госпитали. Такими узниками стали и мы...»

Читаю, и по коже бегут мурашки при мысли, что им это и вправду пришлось пережить. Из глаз сами собой текут слезы. Неужели кто-то из людей способен подвергнуть другого человека таким страданиям? Нет, это были не люди, это были нелюди...

«...В концлагерь мы ехали очень долго вместе с другими жителями нашей деревни. Веня остался за старшего, взял на себя ответственность за меня и Аннушку, поэтому не показывал свой страх и старался быть спокойным. А ведь ему было всего двенадцать лет, как и мне сейчас. Он следил за нами всю дорогу. До лагеря мы добрались обессиленными и голодными.

Как сейчас помню то место. Мы приехали вечером, вокруг было темно и сыро. Большое мрачное здание внушало страх. Оно было как огромный великан, готовый нас съесть. Его ворота-пасть пугающе закрипели, и мы въехали на территорию лагеря, получив билет в один конец.

Дети в концлагере жили в нечеловеческих условиях. Нас было много, еды на всех не хватало, и каждый день на раздаче получить хотя бы маленький кусок хлеба было чудом. Мы бы действительно не выжили там, если бы не держались вместе.

Я часто плакала. Аннушке и Вене первое время было трудно меня успокоить. Я постоянно звала маму. Сейчас я понимаю, что и сестре с братом было трудно: они так же тосковали по дому, хотели вернуться, но держались, держались достойно. Ведь если б не они, то кто бы стал бороться за наши жизни?

Тяжелые годы концлагеря я не забуду никогда. Ребра у меня и у остальных детей можно было посчитать, даже не дотрагиваясь до кожи, просто окинув взглядом грудь. Я никогда не была такой худой. И, надеюсь, что уже

никогда не буду. В концлагере было еще много чего ужасного, но я не хочу об этом вспоминать, лишь как молитву повторяю: «Хоть бы не было войны». Но я безумно благодарна судьбе за то, что нам удалось обменять билет в один конец на обратный.

После расформирования лагеря, латыши брали к себе детей для работы по хозяйству, и к ним попал Веня. Исхудалый мальчик, по-прежнему являвшийся точной копией своего отца, пас у них скотину. А меня с Аннушкой взяла к себе женщина, ставшая нашей хозяйкой почти до самого окончания войны. Мы пасли у нее гусей и следили за курицами. Но даже за такую унылую жизнь мы были благодарны, ведь это была жизнь!

Так дожили до 1945 года...»

Как все-таки повезло моей прабабушке, но такие случаи, увы, были редкостью. Сколько тысяч (детей, взрослых – не важно!) людей погибло там? Сколько так и не вернулось домой к своим семьям... Не верится, что когда-то человечество дошло до такого безумия, как война с нациями, народами. Не верится, что такое могло произойти... Что у кого-то совсем не было детства...

«...Мы ничего не знали о судьбе своих родных: о маме и старшей сестре, которых так безжалостно увезли немцы в неизвестном направлении, об отце, который ушел на фронт... Ни весточки, ничего у нас не было, кроме надежды, что мы победим и что семья воссоединится.

Как мне потом рассказывали, однажды на рынок продавать мясо вместе с хозяином поехал и Веня. Там он встретил мужчину, который спросил его: "А ты не дяди Тимофея сын?". Веня был очень рад встретить кого-то, кто знал его родителей. Мужчина рассказал, что мать Вени сейчас находится в деревне Дедино Псковской области.

Нет слов, способных передать все чувства, которые испытывал Веня. Спустя четыре года – первая весточка о судьбе родных, хрупкая надежда, что семья воссоединится... Он все никак не мог нарадоваться, надышаться этим мгновением, предвкушая долгожданную встречу. От этих мыслей слезы сами собой катились из его глаз. А хозяин, который в первый раз видел, как Веня плачет, все не переставал этому удивляться. Каждый день Веня просыпался и засыпал с надеждой на скорую встречу.

Около двух месяцев он приезжал на рынок каждый день, но возвращался один. И вот однажды он услышал знакомый женский голос, поднял голову – и увидел поседевшую за долгие годы разлуки маму. Его сердце забило в груди, дышать ему стало трудно, он подбежал и обнял ее. По щекам мамы лились слезы, она наконец смогла прижать к себе своего повзрослевшего сына и забрать его с собой. После долгожданной встречи они поехали и забрали меня с сестрой с соседних хуторов. Мама всю дорогу обнимала и целовала нас. Она не могла поверить, что теперь мы все вместе, что мы остались в живых.

Маму я тогда не узнала. Она похудела, лицо ее покрылось морщинами, волосы – проседью, а некогда яркие глаза выцвели от пролитых за долгие четыре года слез...»

Трудно читать эти строки без чувств, с холодной головой. Наконец семья воссоединилась. Все возвращались на Родину: мужья – к женам, родители – к

детям. Наше государство вновь становилось целым, единым, начали заживать раны...

«...Наш старый дом был сожжен фашистами, как и вся деревня Морончино. Поэтому нам приходилось ютиться в хлеву вместе с овцами, курами и собаками. Бывало, ляжем спать: с одной стороны я, с другой Аннушка, а между нами собака, и так тепло от нее было, что одеяла никакого не надо.

Но, несмотря на все трудности, мы были счастливы, ведь над головой у нас было мирное небо, война закончилась.

К сожалению, Вале не удалось услышать эту радостную весть. Она осталась там, в чужом краю, погибла при бомбежке той самой фабрики, на которую ее отправили фашисты.

А в 1946 году вернулся с фронта отец. Он прошел всю войну, был награжден медалью "За взятие Кенигсберга", получил ранение в бою, но смог выжить и вернуться с победой к своей семье. Помню, в тот день было необычно солнечно: ни одного облачка на небе. Соседский мальчишка вдруг с громким, радостным криком "Дядя Тимофей вернулся!" побежал по дороге. Так встречали каждого, кто вернулся в деревню. Папа взял меня на плечо и пошел дальше по улице как победитель, ведь он, как и его товарищи, смог защитить себя, свою семью, свою Родину.

Вскоре папа построил нам новый дом. А через год в нашей семье стало на одного человека больше: родилась моя младшая сестра, которую назвали в честь погибшей Вали. Она стала для нас символом – символом свободы, символом победы добра над злом, знаком, что жизнь продолжается...»

Душераздирающая история, согласитесь. А сколько еще таких есть в каждой семье? Но огромное количество случаев не делает хоть один из них менее важным. Есть другая проблема: ветеранов, людей, которые делятся с нами этими историями, становится все меньше. Некоторые люди начинают забывать прошлое, считая, что это их не касается. Но главная наша задача – не дать этим трагическим событиям повториться. Сделать так, чтобы никто больше не смог украсть детство. А путь к этому один: помнить. Помнить и никому не давать возможность изменить историю, ведь позабывших прошлое ожидают его ошибки. Забыть – значит предать...

*Шестых Светлана Игоревна
Рук. – Шестых Ольга Владимировна
г. Волгоград*

Один день из жизни сталинградской девочки

*Спите, страхи свои забывая,
Пусть вам снится тигренок и слон,
Где-то там пограничник Мамаев
Охраняет ваш сказочный сон.*

Растеряев И.

У куколки в животике механизм. Когда поворачиваешь ее, кажется, что она хнычет и что-то просит: «Ма-ма!» Леночка теперь, как эта куколка, тоже часто плачет. В последние дни лета 1942 года в Сталинграде нельзя различить время суток: свет не проникает сквозь поднявшуюся от городских пожаров копоть. Птицы молчат, их нет в городе. Оставшиеся в живых сталинградцы точно знают только одно время – пять часов утра, когда изо дня в день начинается бомбардировка. Тогда Леночка прижимает ближе куколку, а мама Леночку, закрывают уши и тихо поют каждая себе:

Красавица народная, –
 Как море, полноводная,
 Как Родина, свободная, –
 Широка,
 Глубока,
 Сильна!

Это песня из кинофильма «Волга-Волга», его показывали до войны в кинотеатре «Призыв» за рекой Царицей; мама, папа и Леночка ездили туда несколько раз. Родители смеялись, а девочка пела вслед за красивой актрисой. В этой песне по-особенному звучали строки последнего куплета:

Пусть враги, как голодные волки,
 У границ оставляют следы –
 Не видать им красавицы Волги,
 И не пить им из Волги воды!

Но вот пришли враги к Волге и ведут себя, вправду, как волки. Папы больше нет, смеха нет, даже Волги нет: к ней не пробраться. А в любимом фильме снимали колесный пароход «Иосиф Сталин», он стоял на центральной пристани нашего города. Вчера, 27 августа, около тысячи людей хотели эвакуироваться. Гитлеровцы обстреляли корабль, он пошел ко дну, спаслись только 163 человека – так сказал дедушка Саня, который жил раньше в 32-й квартире. Это когда были еще дома и квартиры. Теперь все прячутся в подвалах и блиндажах. А позавчера днем стало потише, мама с Леночкой вышли из убежища и увидели, что в окопе завалило Устиновых, а у них было пятеро детей, только длинные волосы средней девочки торчали из земли. Леночка почему-то подумала, что будет теперь заплетаться, некрасиво так вот волосы разбрасывать. А у мамы опять дернулся подбородок и покраснели глаза, она погладила дочку по голове, и они поспешили в свой подвал, а Леночка никак не могла придумать способ, чтобы в такие минуты удобнее держать мешавшую куколку. Бросить игрушку нельзя – она единственное сокровище, все, что осталось от мирной жизни. Леночка еще маленькая, задает много вопросов, кое-что начинает понимать, а все больше чувствует. Не только страх, боль, голод, но и надежду, силу, привязанность к маме, ненависть к врагу. У мамы сейчас одна забота: спасти Лену любой ценой. И если бы знать тогда, что терпеть осталось до 2 февраля, что всего Сталинградская битва будет длиться двести кровопролитных дней и ночей! Но пока было одно убедительное знание: «Победа придет! Это наш город, наша земля, наш ангел-хранитель, вера укрепляет дух», – рассуждали мама и Лена.

Иногда помогали случайности. От голода их спасла... крыса. Мама взвизгнула, когда увидела мелькнувшую большую гостью, но они успели разглядеть: та что-то несла в пасти. Через несколько часов опять. Мама взяла нож и пошла в темный угол подвала. Там оказалась разрушенная стена, а в ней был ход в чужие «закрома» (развалины, в которых они обитали, были когда-то жилым домом, и, видимо, дачники еще в мирное время делали припасы и относили в подвал). Мама вернулась с большим мешком сухарей. Так можно неделю прожить – счастье!

Мама сказала, что подошла ночь. Они улеглись в сухой угол на тряпки. Мама тихо запела, придумав мотив колыбельной:

Солнце скрылось за дальней горой,

Опускается ночь над тобой.

Опускается и говорит:

Почему этот мальчик не спит?

– Мамочка, это какой мальчик не спит? Я его знаю?

– Обязательно узнаешь! Вот в школу пойдешь и познакомишься.

– Мама, а школа через три дня начинается. Детки пойдут с букетиками, как ты рассказывала?

– Нет, доченька, не все пойдут. Вот наши в город вернутся, и тогда заживем, как раньше.

Завтра проснешься – и ясное солнце

Снова взойдет над тобой...

Спи, мой воробушек, спи, мой ребенок,

Спи, мой звоночек родной.

– Мамуля, а я платью кукле сделала на Новый год! Она как ангел!

– Ты о чем, Леночка?

– Ты днем на работу ушла, а то деревянное здание сильно разгорелось.

Так трещало, я даже бомб не слышала, стала в щель смотреть, а там...

– Лена! Это опасно!

– Я еще днем, до пожара, туда ходила, нашла кусок ваты и вот...

Леночка достала белый пух и начала лепить его вокруг куколки. Выходило нарядно и несколько нелепо. Таким же неправильным было все, что происходило вокруг: девочка сильно похудела, стала пуглива, иногда она заикалась, мало бывала на улице. В подвал принесли несколько книг, они спасали при нехватке общения, но Лена все больше жалась к кукле. В следующем году ей пора в школу, а где эти школы? Ближайшие переоборудовали в госпитали. Лена будет хорошо учиться, она «почемучка»:

– Мама, а у папы красивые были погоны, со звездочками!

– Мамочка, а у немцев на небе звезды или фашистские знаки?

– Мама, а у фрицев бывают фрицата? Почему они не разозлятся и не прогонят Гитлера?

И мама затянула опять:

Твой отец далеко, в том краю,

Где не мамы, а пули поют.

Где земля наша ночью и днем

Полыхает смертельным огнем.

Массированная бомбардировка города будет продолжаться до завтра, до 29 августа... А потом немцы войдут в город... Бомбы – это не главная беда, которую они принесут с собой. Чем больше сопротивление героического Сталинграда, тем злее будут фашисты. Ни в одном другом осажденном городе они не творили столько бесчинств, как в нашем.

10 января 1943 года начнется наступательная операция «Кольцо», в жесточайшем сражении победит доблестная Красная армия, и скоро Лена увидит советских солдат, вошедших в город на лыжах, всех в белом, они будут похожи на ангелов.

А пока спи, Леночка, до пяти утра будет тихо, разве только задетая куколка заплачет...

*Шпицына Елена Ивановна
Кировская область*

А я горжусь, что родилась на Вятке,
В краю лесов бескрайних и болот.
Здесь испокон веков свои порядки
И хлебосольный труженик народ.

Любимый уголок моей России,
Здесь дымка и Кукарки кружева...
Про вятский квас, что добавляет силы,
Недаром на Руси идет молва...

Наш, вятский, говор трудно с чьим-то спутать,
И Ванчей вятских сложно не узнать.
Таится в них безудержная удаль,
И юмор, и особенная статья.

Здесь сердцу все и дорого, и мило:
Свет куполов и птичьих голоса,
И отчий дом, и прадедов могилы,
И алые над Вяткой паруса...

Куда б меня судьба ни заносила,
Как жизни ни крутил водоворот –
Родная Вятка, уголок России,
В моей душе с рождения живет!

**МОЯ ОТЧИЗНА:
СБОРНИК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ,
МЕТОДИЧЕСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ**

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию 15.12.2022.
Электрон. текстовые данные. Заказ 1089.